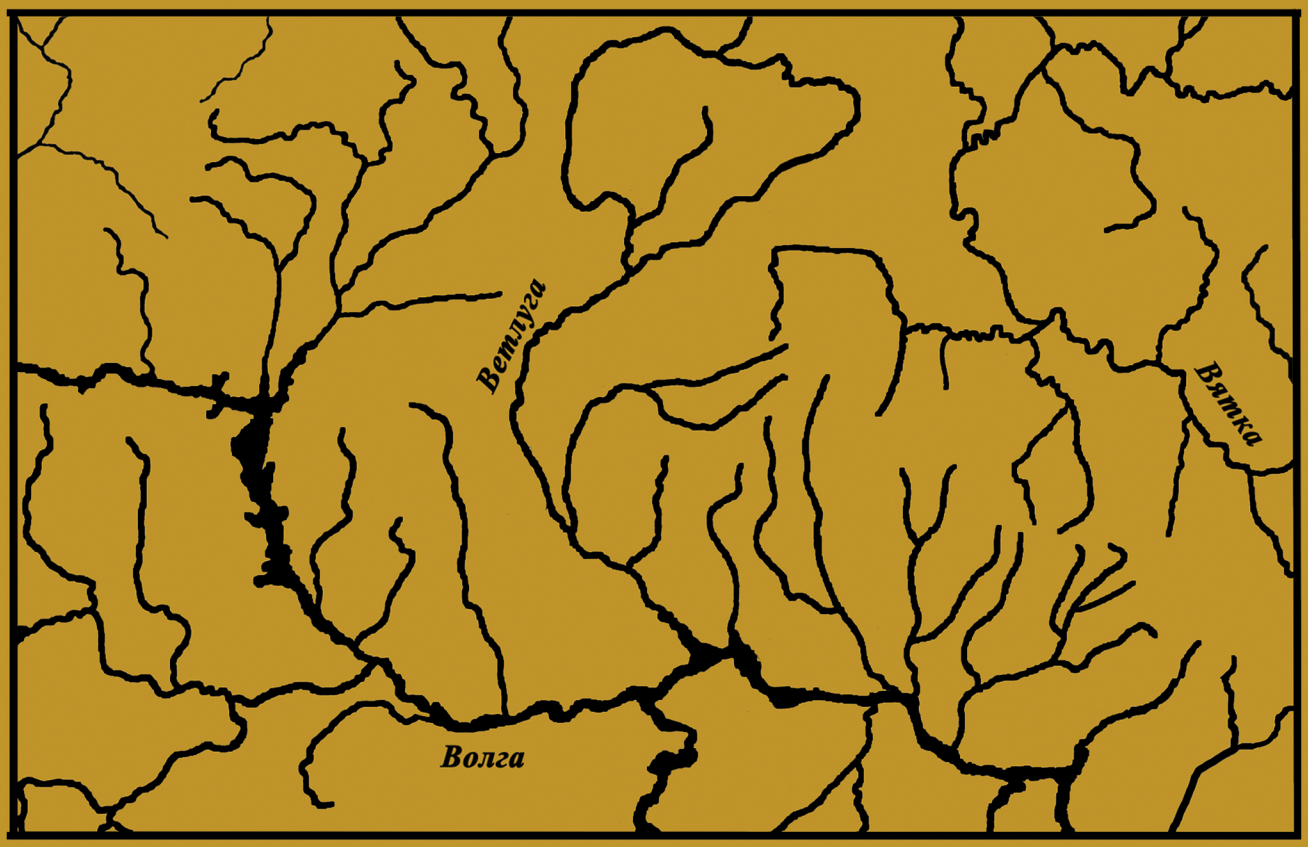
А.В. Акилбаев

Этнокультурные и торговые контакты марийцев в IX–XI вв. (по материалам украшений)

Труды Марийской археологической экспедиции

Том XII

Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

А.В. Акилбаев

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ МАРИЙЦЕВ В IX–XI вв.

(по материалам украшений)

Труды Марийской археологической экспедиции
Том XII

Йошкар-Ола
2026

УДК 902/903(470.343)
ББК 63.4(2Рос.Мар)
А 39

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Научный редактор:
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник направления «Археология»
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
Никитина Татьяна Багишевна

Рецензент:
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Крыласова Наталья Борисовна

Акилбаев Александр Владимирович

А 39 Этнокультурные и торговые контакты марийцев в IX–XI вв. (по материалам украшений): монография / А.В. Акилбаев, МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. – 148 с.: ил. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. XII)

ISBN 978-5-94950-142-9

Знак информационной продукции 12+

Монография посвящена этнокультурным и торговым связям населения Ветлужско-Вятского междуречья и сопредельных территорий в IX–XI вв. Впервые проведено комплексное исследование контактов средневекового марийского населения с Волжской Булгарией, Русью, другими финно-угорскими народами и иными территориями. Особенно это актуально в связи с появлением за последнее время нового материала.

УДК 902/903(470.343)
ББК 63.4(2Рос.Мар)

ISBN 978-5-94950-142-9

© Акилбаев А.В., 2026
© МарНИИЯЛИ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4
Глава I. Историография и история изучения 14
§ 1. История изучения 14
§ 2. Историография 17
Глава II. Украшения из древнемарийских могильников IX–XI вв.: типология, хронология, аналогии 27
§ 1. Украшения головы 27
§ 2. Шейно-нагрудные украшения 42
§ 3. Перстни и браслеты 68
§ 4. Пояса 84
§ 5. Обувь 95
Глава III. Направления связей древнемарийского населения 98
§ 1. Связи с Волжской Булгарией 98
§ 2. Западное направление связей 103
§ 3. Связи с Прикамьем 109
Заключение 113
Литература и источники 116
Список сокращений 128
Иллюстрации 129

ВВЕДЕНИЕ

Древнемарийские племена в IX–XI вв. занимали Ветлужско-Вятское междуречье и прилегающие земли Волги от устья Оки (Кантауровские находки) до р. Казанки (Борисковский могильник) [Архипов, 1973, с. 3; Никитина, 2002, рис. 53, с. 187]. Эта территория непосредственно примыкает к Волге, что является немаловажным фактором, так как по Волге в рассматриваемый период проходил Волжский путь – крупнейшая торговая артерия, которая являлась стержнем, связывающим Северную Европу со странами Востока и выходившим на сеть торговых путей Европы и Азии. Волга течет по Восточно-Европейской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности. По Волге можно спуститься до Каспийского моря, а по нему доплыть до южного берега, соединенного с торговыми путями Азии. А если учитывать торговые маршруты, связанные с Волжским путем, то сфера его влияния расширяется от Британии до Ирака [Дубов, 1989, с. 18–31; Кирпичников, 2002, с. 35, 37]. Кроме того, с Волжским торговым путем связывались пути по Каме, Дону, Днепру и другим рекам. Торговцы могли двигаться как по всему протяжению, так и на отдельных отрезках. Великий Волжский путь стал катализатором не только торговых, но и этнокультурных контактов народов, так или иначе связанных с ним.

Марийский край в IX–XI вв. занимал центральную часть этого маршрута, к тому же имел развитую речную систему, связанную с Волгой. Помимо крупных рек Ветлуги и Вятки, здесь располагаются Илеть, Большая и Малая Кокшаги, Уста, а в Правобережье – Сура. Логично предположить, что именно по рекам осуществлялась перевозка товаров.

Для понимания процессов, происходивших в регионе, необходимо обозначить общеисторическую ситуацию в целом. Рассматриваемое время – время становления и развития Волжской Булгарии и Киевской Руси, утверждение которых на Великом Волжском пути способствовало развитию торговли по нему. Наличие сильных государств, заинтересованных в торговле, обеспечивало стабильность, что делало безопасным передвижения торговцев. Значительная часть Волжского пути оказалась на терри-

тории Руси, Волжской Булгарии и Хазарии. Торговля по этой магистрали способствовала развитию городов на ней.

Большое значение для Волго-Уральского региона имеет появление булгарского населения в Среднем Поволжье и создание ими государства. Становление Волжской Булгарии относят к первой половине X в. [Фахрутдинов, 1984]. На ранних этапах развития этого государства существует тесная связь булгар с Хазарией. Кроме того, наблюдаются интенсивные контакты с угорским населением [Казаков, 1992а, с. 242–245]. Расселение булгар по Средней Волге сопровождалось набегами на соседние народы. Возможно, имела место торговля рабами, как результат этих набегов [Иванов, 1998, с. 109].

В X в. Булгария достигает значительного развития в политической и экономической сферах. С принятием ислама она устанавливает связи с мусульманскими странами, впитывает в себя культуру мусульманского мира. Страну посещают арабские путешественники, которые сообщают об активной торговле по Волге, о контроле булгар над поставкой пушнины с Севера на Восток [Заходер, 1962, с. 28–29].

Расцвет торговой активности связан с возникновением городов как центров торговли и ремесла Волжской Булгарии [Фахрутдинов, 1984, с. 41–46]. Показателем этих процессов явилась чеканка монет булгарскими правителями. Потребовались рынки сбыта товаров, которыми часто становились земли окрестных финно-угорских народов [Казаков, 1985, с. 27].

Используя Камский торговый путь, булгары оказывают значительное влияние на Верхнее Прикамье [Белавин, 1986; 1999; 2000; 2004]. Однако марийская территория оказалась в стороне от этой магистрали.

Важным событием является падение в 965 г. Хазарского каганата. Волжская Булгария окончательно получает не только политическую, но и экономическую независимость. В лице Хазарии устраняется конкурент в торговле по Великому Волжскому пути со странами Востока [Смирнов, 1951, с. 31–32; Дубов, 1989, с. 149–160].

В Среднем Поволжье наблюдается новый приток булгарских переселенцев, давший толчок экономике Булгарии [Казаков, 2013, с. 81]. Развитию торговли государства булгар способствовало и ее географическое положение на Средней Волге и в низовьях Камы. Это практически центр Волжского пути. Булгария стала посредником и партнером в торговых контактах Руси, стран Востока, Прикамья и других финно-угорских народов. Благодаря расцвету государства булгар в Волго-Уральском

регионе наблюдается относительная стабильность (в частности, расцвет древнемарийской культуры совпадает с расцветом Булгарии) [Казаков, 1992б, с. 46]. Марийское Поволжье становится ближайшим рынком сбыта булгарских товаров. При этом территория расселения древних марийцев вплотную прилегала к Волжской Булгарии, что не могло не получить отражение в археологическом материале.

Продукты охоты (в первую очередь пушнина) активно применялись в торговле, о чем сообщали арабские путешественники [Заходер, 1962, с. 28–29]. Земли, занятые марийцами, покрыты лесными массивами, которые способствовали широкому распространению охотничьего промысла, игравшего важную роль в хозяйстве [Никитина, 2002, с. 137]. Значительное место в охоте занимал промысел пушного зверя. Практически во всех рассматриваемых могильниках имеются остатки меховой одежды и головных уборов, меховые подстилки. В погребении 19а могильника Нижняя Стрелка находилась охапка шкурок пушных животных, а в погребении 37 обнаружен капкан. Кроме того, имеются находки тупых костяных стрел, употреблявшихся для охоты на пушного зверя (могильники Кочергинский, Юмский, Черемисское Кладбище).

Значительное влияние на становление торговли по Волжскому пути оказала Русь, которая контролировала его северную часть. Города здесь, как и в Булгарии, стали центрами торговли [Дубов, 1989, с. 60], а государственность с самых ранних этапов формируется на полиэтничной основе. Кроме славян, в этом процессе принимали участие финские народы и скандинавы [Дубов, 1989, с. 57–58, 60; Назаренко, 1982, с. 142–147].

Следующей ступенью в развитии торговли в Восточной Европе стало объединение Новгорода и Киева в единое государство.

Отношения Булгарии с Русью носили неоднозначный характер. Военные столкновения чередовались с периодами торговой активности [Халиков, 1986, с. 6–19; Смирнов, 1951, с. 42–45; Фахрутдинов, 1984, с. 42–49]. С момента образования Русь начала расширение своей территории в сторону Волго-Окского региона, поглощая местные финские народы и создавая опорные пункты, ставшие в последующем центрами торговли. Продвижение Руси к Средней Волге привело к конфликту с Волжской Булгарией из-за влияния в регионе. В конце XI в. борьба двух государств обостряется. В итоге Северо-Восточная Русь вытесняет Булгарию из Марийского Поволжья [Казаков, 1992б, с. 47].

Кроме того, с торговлей по Волге связаны скандинавские страны, которые до XI в. организовывали активные торгово-военные экспедиции по всей Северной Европе (эпоха викингов) [Лебедев, 1985].

Сложные процессы протекали и к северу, северо-востоку и востоку от Ветлужско-Вятского междуречья. Здесь марийское население встретилось с прикамскими финно-уграми, взаимоотношение с которыми настолько многогранно, что заслуживает отдельного исследования.

Учитывая отсутствие письменных свидетельств, практически единственными источниками для изучения этнокультурных и торговых связей марийцев эпохи средневековья являются археологические. Информация, которую можно почерпнуть из археологических источников, ограничена, так как материальные остатки не позволяют раскрыть в полной мере некоторые вопросы (например, о заимствованиях в языке и духовной сфере, торговле предметами, не сохранившимися до настоящего времени).

Поселения древних марийцев рассматриваемого времени содержат крайне мало украшений, да и вообще индивидуальных находок, поэтому работа основана только на материалах погребальных памятников. Могильники содержат множество вещей, в том числе имеющих широкие аналогии в Северной и Восточной Европе, богатый нумизматический материал, что позволяет на основании датировок погребений, как закрытых комплексов, более точно определить время бытования таких предметов.

Марийские могильники IX–XI вв. изучены достаточно хорошо. Подробно освещены погребальный обряд, различные стороны материальной культуры, некоторые вопросы этногенеза. Менее изученными остались проблемы торговых и культурных контактов. Исследователями неоднократно отмечалось наличие в материалах древнемарийских некрополей вещей, имеющих аналогии в древностях Волжской Булгарии, Древней Руси, волжских и балтийских финнов и других народов. Были выделены основные направления контактов марийского населения. Несмотря на это, многие вопросы не были раскрыты, а интерпретация привозных вещей представлялась оторванной от контекста погребальных комплексов, выборочно. Некоторые из предметов ошибочно отнесены к привозным.

Накопление материала позволило по-новому взглянуть на проблему этнокультурных и торговых процессов в регионе. За последние годы в результате работ Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) появилось много нового материала, требующего анализа. Так, в работу введены комплексы Русенихинского могильника, открытого в 2009 году и изучавшегося четыре года, комплексы ранее известных могильников

Веселовского, Нижней Стрелки, Черемисского Кладбища, изученные за период с 2008 по 2011 г., а также материалы Анаткасинского могильника и Кузинских Хуторов.

Специфика исследования предполагает также обращение к материалам Руси, Волжской Булгарии, пермских, волжских и балтийских финнов, угров, Прибалтики, Скандинавии и других территорий.

В анализе нумизматического материала использованы выводы специалистов.

На сегодняшний день известно 20 марийских могильников (рис. 1), вписывающихся в обозначенные хронологические рамки (Амоксарский, Анаткасинский, Борисковский, Боровской Кордон (2 могильника), Выжумский, Выжумский III, Веселовский, Дубовский, Затон Михеева, Кантауровский, Кочергинский, Красногорский, Кузинские Хутора, Лопьяльский, Нижняя Стрелка, Русенихинский, Руткинский, Черемисское Кладбище, Юмский. Однако Амоксарский, Выжумский, Боровской Кордон, Затон Михеева и Красногорский могильники не вошли в настоящую работу, поскольку их материалы пока не введены в научный оборот в полном объеме. Выжумский III и Руткинский могильники в целом относятся к XII–XIII вв., но некоторые комплексы датированы XI – началом XII в. [Никитина, 2002, с. 201–202, 203–205], они и были включены в работу. Учитывая сложный культурный состав могильника Кузинские Хутора, здесь рассмотрены только материалы погребений 9, 10, 23, 25, 32 и жертвенных комплексов 1 и 2, то есть тех, которые можно считать древнемарийскими (об этом будет сказано ниже).

В разное время поступали сведения о Ефанихинском могильнике в Ветлужском районе Нижегородской области, но он обнаружен не был. В 1929 г. возле Кирова найдены некоторые вещи, а место, где они найдены, получило название Вятский могильник. Материалы не введены в научный оборот, а вопрос о культурной принадлежности памятника не решен. Вне рассмотрения осталось и погребение у Девлетгильдино в Чувашии, изученное Н.С. Мясниковым, материал которого еще не опубликован [Никитина, Воробьева, 2016, с. 127].

Памятники IX–XI вв. располагаются группами. Самая большая находится вблизи Волги, в районе впадения в нее Ветлуги. Здесь расположены могильники Нижняя Стрелка, Выжумский, Выжумский III, Руткинский, Дубовский. Чуть выше по Ветлуге расположены могильники Русенихинский и Затон Михеева. Следующая группа памятников изучена в верховьях реки Ветлуги. Это могильники Веселовский, Кузинские

Хутора и Черемисское Кладбище. Третья группа находится вблизи реки Пижмы: Юмский и Кочергинский могильники. Отдельно расположены Лопьяльский (на Вятке), Кантауровский, Борисковский (на Волге), Красногорский (на Илети) могильники. Еще обособленнее находится Анаткасинский могильник – в Правобережье Волги.

Хронологические рамки исследования обусловлены датировкой могильников, на материалах которых основывается данная работа. Нижняя дата – начало функционирования, верхняя – связана с резким усилением влияния древнерусского населения, приведшего к формированию нового культурного пространства, что отразилось на материальной культуре.

Марийские погребальные памятники IX–XI вв. небольшие по количеству захоронений. Характерными их чертами являются: расположение у небольших речек, преимущественно на дюнах боровых террас; групповое расположение погребений; сосуществование обрядов трупоположения и трупосожжения; наличие в погребениях подстилки под костяками; преобладание северной ориентации костяков, часто с небольшими отклонениями на запад и восток [Архипов, 1973, с. 86], наличие жертвенных комплексов в межмогильном пространстве [Никитина, 2012, с. 78–79].

Анаткасинский могильник находится на правом берегу Волги у деревни Анаткасы Мариинско-Посадского района Чувашской Республики. Датируется X–XI вв. Содержит 30 погребений, 2 жертвенных комплекса. Сильно разрушен кладоискателями [Никитина и др., 2016]. Материалы этого памятника в настоящее время не опубликованы по комплексам.

Борисковский могильник находился на современной территории города Казани. Датируется он IX–X вв. Изучено 2 погребения [ОАК за 1890 г., 1893, с. 66–68; Казаков, 1999, с. 67].

Выжумский III могильник расположен на реке Выжум (приток Ветлуги) в Юринском районе Марий Эл. Первоначально могильник датирован XII–XIII вв. [Архипов, 1986, с. 65–67]. Датировка погребального инвентаря по закрытым комплексам позволила определить время могильника XI–XIII вв. Концом XI в. определено время возникновения погребений 8, 9, 10, 11, 13 [Никитина, 2002, с. 201–202].

Веселовский могильник находится у деревни Семеново Шахунского района Нижегородской области на левом берегу реки Малая Какша. Датируется IX–XI вв. Изучено 34 комплекса, а также 13 комплексов вскрыты в 1929 году [Архипов, 1973, с. 67; Никитина, 2012, с. 10–24].

Дубовский могильник расположен на левом берегу Волги у поселка Дубовский Килемарского района Республики Марий Эл. Затоплен

Чебоксарским водохранилищем. Могильник датирован X–XII вв. Содержит 83 комплекса [Архипов, 1964; 1984; Никитина, 2002, с. 190; 2012, с. 61].

Кантауровский могильник (Кантауровские находки) находится у деревни Кантаурово Борского района Нижегородской области на левом берегу Волги. Датировка этого могильника предварительна: IX–XI вв. [Архипов, 1973, с. 119; Никитина, 2002, с. 187, 388]. Количество погребений не известно, памятник не изучался.

Кочергинский могильник расположен у деревни Кочергино Советского района Кировской области на реке Немде (приток Вятки). Здесь имеются различные датировки – конец X – начало XI в. [Талицкий, 1940, с. 167–168], IX в. – погребения 1, 3, 4, 5 [Лещинская, 1995, с. 97–98], IX–X вв. [Никитина, 2002, с. 189]. Известно 5 погребений.

Могильник Кузинские Хутора расположен в левобережье Ветлуги в Шарьинском районе Костромской области. Датируется IX – началом XII в. На сегодняшний день изучено 51 погребение и 3 жертвенных комплекса [Акилбаев, Никитина, 2017; Акилбаев, 2019].

Лопьяльский могильник (Лопьяльские находки, Лопьяльский клад) расположен у села Лопьял Уржумского района Кировской области. В 1897 г. здесь собраны вещи, впоследствии нашедшие аналогии в других могильниках Ветлужско-Вятского междуречья [Смирнов, 1952, с. 164]. Исследования, осуществленные в 1904 и 1987 гг., не выявили погребений.

Могильник Нижняя Стрелка расположен на левом берегу Волги вблизи деревни Починок Юринского района Республики Марий Эл. Датирован X – началом XII в. Известно 40 погребений и 13 жертвенных комплексов [Никитина, 2012, с. 34–47].

Русенихинский могильник расположен на окраине деревни Русениха Воскресенского района Нижегородской области на правом берегу Ветлуги. Могильник датируется X–XI вв. Содержит 33 комплекса [Никитина, 2018б].

Руткинский могильник располагается на острове Соколиная гора, образовавшемся в результате затопления Чебоксарской ГЭС в Горномарийском районе Республики Марий Эл (левобережье Волги). Как и Выжумский III, Руткинский могильник был датирован XII–XIII вв. [Архипов, 1986, с. 65–67], но повторный анализ материала позволил расширить его временные рамки с конца XI по XIII в. Концом XI в. датированы погребения 1, 3 (раскопок 1958 г.), 1, 2, 16, 44, 46 [Никитина, 2002, с. 203–204].

Могильник Черемисское Кладбище расположен в Ветлужском районе Нижегородской области на левом берегу реки Луданги (приток Ветлуги). Памятник датирован VIII–XI вв. Изучено 14 погребений и 2 жертвенных комплекса [Бадер, 1951, с. 34; Архипов, 1973, с. 67; Никитина, 2012, с. 25–30].

Юмский (Загребинский) могильник находится недалеко от деревни Загребино Свечинского района Кировской области на берегу реки Юмы, притока Вятки. Существуют различные датировки памятника – IX–XI вв. [Архипов, 1973, с. 64], VIII–X вв. [Лещинская, 1995, с. 97–100]. Известно 9 комплексов.

Принадлежность рассматриваемых могильников к древнемарийской культуре определяется характерными признаками погребального обряда [Никитина, 2002, с. 61–88], наличием этноопределяющих вещей. К таким вещам относятся головные цепочки, височные кольца с заходящими друг за друга концами (один конец отогнут, иногда украшен головкой), нагрудные украшения трапециевидной формы со стилизованными головами коней в верхней части [Архипов, 1973, с. 17–19, 21, 26, 33] и некоторые другие предметы. Интерпретация большинства могильников как древнемарийских в данной работе основывается на выводах предшествующих авторов [Халиков, Безухова, 1960; Архипов, 1973; Голубева, 1987; Никитина, 2002 и др.]. Существует мнение, согласно которому могильники Юмский, Кочергинский, Веселовский, Черемисское Кладбище оставлены Кочергинской и Еманаевской культурами, которые связывают с древнеудмуртскими племенами [Голдина, 1987, с. 22–28; 1999, с. 329, рис. 159]. В настоящей работе эти могильники на основании работ А.Х. Халикова, Е.А. Безуховой, Г.А. Архипова, Т.Б. Никитиной рассматриваются в числе древнемарийских.

Обособленно находится могильник Кузинские Хутора. Из всех исследованных комплексов с марийской культурой здесь связаны только погребения 9, 10, 25, 32, 36, 45, 46, 47, 48, три жертвенных комплекса: один в погребении (в юго-западной части погребения 23) и два в межмогильном пространстве (1, 2). Они имеют обряд, характерный для других синхронных марийских погребальных памятников, и специфические марийские этнические вещи. Возможно, к этой же группе относятся захоронения 31 и 35, чью принадлежность определить затруднительно. Остальные захоронения заметно отличаются от марийских по своему обряду и имеют сходство с погребениями вымских и вычегодских могильников [Никитина, 2015, с. 135–136]. К этой же группе относится

и жертвенный комплекс 3. С марийской культурой связаны и некоторые вещи из так называемой «Коллекции Шахова». В 2013 г. в Шарьинский филиал Костромского музея-заповедника поступили вещи от И. Шахова, который обнаружил их возле урочища Кузинские Хутора. Предметы, вырванные из комплекса, невозможно надежно атрибутировать. В настоящую работу из этой коллекции вошли преимущественно украшения, считающиеся характерными для средневековых марийцев или являющиеся импортом.

Находки из рассмотренных погребальных памятников хранятся в музеях Йошкар-Олы, Казани, Костромы, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Ветлуги, Шарьи, Шахуньи, деревни Русенихи и поселка Воскресенское Нижегородской области.

Цель данной работы – выявление этнокультурных и торговых связей марийцев IX–XI вв., их направлений и активности, периодизации, определение роли и места марийского населения в торговле и культурных контактах в регионе.

Работа решает несколько задач.

1. Классификация предметов из комплексов марийских могильников. В тех случаях, когда на отдельные категории вещей есть хорошо разработанные типологии (например, перстни, украшения обуви), систематизация материала проведена в рамках существующих апробированных типологий.

2. Выявление вещей, имеющих аналогии с материалами других территорий. Анализ предметов из древнемарийских могильников позволяет выделить вещи инокультурного происхождения.

3. Выявление ареалов распространения вещей, периода их бытования.

4. Рассмотрение предметов на основании закрытых комплексов, где это возможно. Весь инвентарь в погребении (закрытом комплексе) положен в него одновременно, и на основании вещей с твердой датировкой (например, монет) можно определить дату захоронения. Отдельные инокультурные вещи (особенно при наличии в костюме совокупности этноопределяющих украшений) свидетельствуют скорее о торговых или культурных контактах. Зачастую привозное украшение может носиться не так, как принято на территории его изготовления (височные кольца в качестве браслетов, браслеты в составе нагрудного украшения и т.п.).

Но в работу вошли и материалы, представленные вне комплексов: результаты раскопок 1929 г. Веселовского могильника, Лопьяльские и Кантауровские находки и некоторые другие.

5. На основании имеющихся фактов (с привлечением данных о торговых маршрутах) проследить пути и цикличность проникновения инокультурных вещей на марийскую территорию, построить схему, концепцию развития этнокультурных и торговых связей древних марийцев.

В настоящей работе не ставится цель объяснить характер поступления конкретной вещи. Практически невозможно сказать получен ли конкретный предмет в результате торговли, культурного воздействия или как военная добыча. Четких критериев для подобных интерпретаций не существует. Однако это можно сделать для групп вещей. При характеристике этнических контактов важно учитывать общность происхождения финно-угорских народов и, как следствие, близость материальной культуры.

ГЛАВА I.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

§ 1. История изучения

Информация о древностях средневекового населения Марийского края накапливалась постепенно. Значительная заслуга в этом принадлежит Археологической комиссии, занимавшейся в конце XIX – начале XX в. сбором древних вещей Ветлужско-Вятского междуречья, и А.А. Спицыну, ставшему первым исследователем, подошедшим к проблеме изучения марийских средневековых древностей с научных позиций. Им проделана большая работа по сбору сведений и материалов по археологическим памятникам Вятского края, а также организованы раскопки на ряде городищ и могильников, многочисленные разведки.

В 80-е гг. XIX в. возле деревни Рейчваж Шарангского уезда обнаружена серебряная «глазовская» гривна и некоторые другие предметы [ОАК за 1889 г., 1892, с. 93]. Кроме того, А.А. Спицыным описаны некоторые вещи, переданные ему крестьянами [Спицын, 1893, с. 163]. И.А. Талицкой также приведены вещи, собранные А.А. Спицыным: несколько серебряных гривен и серебряная чаша с изображением, найденные возле устья Пижмы [Талицкая, 1952, с. 22].

В 1891 г. А.А. Спицын исследует Юмский (Загребинский) могильник, обнаруженный крестьянами, и находит три комплекса вещей, состоящих из остатков меховой одежды, украшений, предметов вооружения и конской сбруи. От крестьян он получил саблю с этого же могильника [ОАК за 1891 г., 1893, с. 103–106].

В конце XIX в. у озера Борисковский Кабан недалеко от Казани (ныне в черте города) найдены различные вещи. В 1890 г. было раскопано два погребения, содержащие гривны, браслеты, бусы, привески и пронизки. Последующее обследование могильника Н.П. Лихачевым не выявило новых находок [ОАК за 1890 г., 1893, с. 66–68]. Борисковский могильник стал вторым известным науке марийским могильником.

В 1897 г. С.К. Кузнецов у села Лопьял Уржумского уезда (где ранее были найдены некоторые предметы) собрал вещи: гривну, височные

кольца, браслеты, бубенчики, подвески, пряжки. А.П. Смирнов отмечает также нахождение здесь обрывка кольчуги и керамики [Смирнов, 1952, с. 164]. Дальнейшие исследования, осуществленные в 1904 г., не выявили погребений.

В 1908 г. В.И. Каменским проводились раскопки на могильнике Черемисское Кладбище, в ходе которых вскрыто 16 погребений [Смирнов, 1952, с. 166; Архипов, 1973, с. 5–6].

На рубеже 20–30-х гг. XX в. вновь появился интерес к изучению древнемарийских могильников. В 1929 г. Ветлужский краеведческий музей (И.И. Разумов) организовал раскопки Веселовского могильника [Архипов, 1973, с. 6]. Тогда было вскрыто 13 погребений. Материалы на сегодняшний день представлены вне комплексов.

В 1929–1930 гг. М.В. Талицкий провел раскопки на Кочергинском могильнике, где изучено 5 погребений. Получен интересный материал, который был позднее опубликован [Талицкий, 1940].

В 1929 г. в результате земляных работ (которые, очевидно, и уничтожили памятник) открыт Вятский могильник вблизи города Кирова. В музей города переданы гривна глазовского типа и браслет. В 1931 г. Н.А. Прокошевым там собраны поясная бляшка и железное шило. Могильник датирован VIII–IX вв. [Прокошев, 1931, с. 57]. В дальнейшем находок здесь не обнаружено, материалы не введены в научный оборот. Вопрос о культурной принадлежности этого могильника остается открытым.

Новый виток изучения древнемарийских памятников связан с созданием в 1956 г. Марийской археологической экспедиции, начавшей систематическое обследование территории Ветлужско-Вятского междуречья. Усилия были направлены на продолжение изучения древнемарийских могильников. В 1957 г. развернулись стационарные работы на Юмском могильнике под руководством В.Ф. Генинга, было вскрыто 9 погребений, материал которых подтвердил датировку и культурную принадлежность памятника [Генинг, 1957].

Неудовлетворительное состояние материалов раскопок Веселовского могильника побудило А.Х. Халикова и Е.А. Безухову провести новые раскопки на этом могильнике. В результате было изучено 15 погребений. В 1957–1958 гг. также изучено 13 погребений могильника Черемисское Кладбище. Были предприняты раскопки Кочергинского могильника, но они показали, что могильник исчерпан раскопками М.В. Талицкого. В это же время на севере Нижегородской области осмотрен Ефанихинский

могильник, с которого в предыдущие годы крестьяне приносили различные вещи, близкие к материалам Веселовского могильника, но ввиду занятости площадки огородами, раскопки не производились [Халиков, Безухова, 1960, с. 5]. В 1958 г. Марийской археологической экспедицией были продолжены работы на Веселовском могильнике, изучено еще 15 погребений.

В дальнейшем исследования древнемарийских памятников неразрывно связаны с именем Г.А. Архипова. В 1958 г. вскрыто 3 погребения Руткинского могильника. В 1962, 1963, 1965, а также в 1980–1981 гг. проводились раскопки Дубовского могильника – самого крупного марийского могильника X–XII вв. [Архипов, 1973, 1986].

С 1969 по 1971 г. Марийская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Архипова вела работы на марийских некрополях XII–XIII вв. Так, на Выжумском II могильнике раскопано 6 погребений, на Выжумском III могильнике вскрыто 24 захоронения, на Руткинском – 49, а на Починковском – 15. В результате получен богатый материал, характеризующий погребальный обряд и материальную культуру марийцев XII–XIII вв. [Архипов, 1986].

Работы на древнемарийских памятниках продолжены Т.Б. Никитиной. В 1987–1988 гг. произведены раскопки на могильнике Нижняя Стрелка, изучено 48 комплексов [Никитина, 1990]. В 1987 г. исследователем было осмотрено предполагаемое место нахождения Лопьяльского могильника, но следов погребений и вещей не выявлено.

В 2005 г. Т.Б. Никитиной произведены раскопки Выжумского II могильника [Никитина, 2017, с. 243], а в 2007 г. этим же исследователем вновь изучалась Нижняя Стрелка. В результате обнаружено 1 погребение и 2 жертвенных комплекса [Никитина, 2012, с. 9].

В 2007 г., в связи с сообщениями о грабительских раскопках на могильниках Веселовском и Черемисском Кладбище, считавшихся ранее полностью изученными, Марийской археологической экспедицией был произведен их осмотр. Он показал наличие на площадке памятников многочисленных кладоискательских вкопов. С поверхности собран материал, оставленный кладоискателями (фрагменты котлов, украшений). Разведочные работы, таким образом, выявили перспективность дальнейшего изучения этих могильников. В 2008 г. предприняты раскопки на указанных памятниках [Никитина, 2012, с. 9]. На Черемисском Кладбище вскрыто 2 погребения и 1 жертвенный комплекс. На Веселовском могильнике изучено 2 целых и 2 разрушенных погребения.

В 2009–2013 гг. Марийская археологическая экспедиция под руководством Т.Б. Никитиной ведет раскопки Русенихинского могильника [Никитина, 2018б]. Было вскрыто 18 погребений и 15 жертвенных комплексов. Получен богатый материал, подтверждающий не только марийскую принадлежность памятника, но и раскрывающий некоторые вопросы этнокультурных и торговых контактов древнемарийского населения.

С 2011 г. Марийским государственным университетом изучается Анаткасинский могильник, находящийся в Чувашии [Никитина и др., 2016, с. 121–142].

С 2013 г. Марийская археологическая экспедиция под руководством Т.Б. Никитиной ведет раскопки могильников Амоксар, Выжумский, Затон Михеева и Красногорский. Однако их результаты еще не введены в полной мере в научный оборот и не приводятся здесь.

В 2013 г. В.В. Никитиным в Шарьинском районе Костромской области осмотрено место, разрушаемое кладоискателями. В результате выявлен могильник Кузинские Хутора. Тогда же было вскрыто 2 захоронения. А в 2014 г. начаты стационарные раскопки памятника отрядом МарАЭ под руководством Т.Б. Никитиной. Изучено 12 погребений. В 2017, 2018, 2020, 2021, 2023 гг. раскопки памятника продолжены отрядом МарАЭ под руководством автора.

§ 2. Историография

Начало анализа древнемарийских материалов положено А.А. Спицыным в монографии, посвященной истории народов Приуральского края [Спицын, 1893]. Он на основании собранного материала делает вывод о приходе древних марийцев на Вятку со стороны Волги. Марийцы, по его мнению, вступили во враждебные отношения с древними удмуртами и оттеснили их за Вятку [Спицын, 1893, с. 101]. Он также выделил по материалам Вятского края предметы восточного и булгарского импорта и сделал вывод о том, что булгарские купцы и купцы из восточных стран вели торговлю с финно-угорскими народами, причем основным продуктом для обмена финно-угров с ними была пушнина [Спицын, 1893, с. 36, с. 65–66]. Таким образом, А.А. Спицын стал первым исследователем, затронувшим в своих работах проблему торговых контактов марийцев и взаимоотношения их с прикамскими народами.

В 1940 г. вышла работа М.В. Талицкого, где он вводит в научный оборот материал Кочергинского могильника [Талицкий, 1940]. В публикации

даются аналогии предметам из изученных погребений. Никаких выводов сделано не было, но это ни в коей мере не умаляет ценности публикации.

Вопросы этнокультурных и торговых связей марийцев в своих работах поднимал А.П. Смирнов. Он уже на основании фрагментарного и немногочисленного для того времени материала сделал первые научные обобщения по этой теме. Исследователь прежде всего подчеркивает этнические и культурные связи с пермскими финнами. Он приводит топонимические данные о пребывании на территории расселения марийских племен удмуртов [Смирнов, 1952, с. 169], марийские и удмуртские легенды о противостоянии двух народов, наличие на территории Удмуртии городищ с названиями «пор-кар» («марийский городок») и характеризует могильник Бигер-шай (раскопки которого он производил) на территории Удмуртии как марийский [Смирнов, 1952, с. 170–171]. А.П. Смирнов целому ряду вещей из марийских могильников находит аналогии в приуральских древностях [Смирнов, 1952, с. 164]. В Веселовском могильнике он выделяет целый ряд предметов прикамского происхождения [Смирнов, 1961, с. 129]. Кроме того, по мнению исследователя, некоторые вещи на памятниках Марийского Поволжья имеют южное происхождение. Отмечается булгарское влияние в материале Кочергинского могильника. С булгарским влиянием А.П. Смирнов связывает и наличие на марийских памятниках дирхемов. Из приведенных данных он делает выводы о торговле Волжской Булгарии с марийцами и о тесных политических связях марийцев с Хазарией [Смирнов, 1952, с. 164–168]. Исследователь отмечает контакты и с другими волжскими финнами [Смирнов, 1952, с. 165–166; 1961, с. 129–130]. Целый ряд предметов, аналогичных предметам финского населения Оки и Правобережья Волги, он обнаружил в могильнике Бигер-шай, считая его, как уже было отмечено, марийским. К славянскому влиянию относит височное кольцо с напускной бусиной из Кочергинского могильника. А приводя летописные свидетельства продвижения русских по Волге и Вятке, находки славянской керамики и денежных слитков (гривен) из Руси на территории Ветлужско-Вятского междуречья, исследователь не сомневается во влиянии славян на марийцев в начале II тыс. н.э. [Смирнов, 1952, с. 166, 171]. Не совсем понятно о каких слитках идет речь. Немногочисленность (для 50–60 гг. XX в.) материала не позволили А.П. Смирнову в полной мере охарактеризовать торговые и этнокультурные связи марийцев с окружающими народами. Он делает вывод об относительной замкнутости марийской культуры, низком уровне торговли не только с Русью, Скандинавией, но даже с соседней Волжской Булгарией,

хотя ранее отмечал тесные с ней связи [Смирнов, 1952, с. 168], а попадание к марийцам иноэтничных вещей объясняет преимущественно контактами с родственными финноязычными народами [Смирнов, 1961, с. 131–133]. В целом мнения исследователя, касающиеся рассматриваемой темы, достаточно противоречивы.

Дальнейшее изучение этнокультурных и торговых контактов марийцев связано с работами А.Х. Халикова. Важным вкладом в освещение проблемы контактов средневекового марийского населения стала совместная с Е.А. Безуховой публикация материалов Веселовского могильника [Халиков, Безухова, 1960]. Авторами отмечается связь марийцев с мерей (Сарское городище, костромские курганы), муромой (Пятницкий, Подболотьевский могильники) и мордвой (Лядинский, Максимовский могильники), Волжской Булгарией, делается вывод о привозе из Прикамья меди, серебра и некоторых видов украшений. По материалам раскопок произведена реконструкция элементов женского костюма (обувь, устройство комплексов украшений головы и нагрудника) [Халиков, Безухова, 1960, с. 32, 37, 46].

Халиков А.Х. и в других работах говорит о связях марийцев с различными финно-угорскими народами, Русью, Скандинавией и особенно с Волжской Булгарией [Халиков, Архипов, 1959, с. 125–126]. Особое значение для изучения контактов с булгарами представляет высказывание о том, что поселение у деревни Мари-Луговая на территории Марий Эл является булгарской торговой факторией [Халиков, 1962, с. 182–183]. Параллели в культурах муромы, мери, веси и древних марийцев он объясняет общим происхождением этих народов [Халиков, 1976, с. 24–25].

В результате раскопок 50–60 гг. прошлого века получен материал, позволивший выделить этноопределяющие и характерные для марийцев IX–XI вв. предметы материальной культуры и элементы погребального обряда. Итоги проведенных на могильниках раскопок обобщены в монографии Г.А. Архипова [1973]. В ней автор собрал практически весь имеющийся на тот момент материал, касался он и вопросов этнокультурных контактов и торговли. В этой работе приведены аналогии многим привозным вещам, найденным в марийских могильниках IX–XI вв. Но исследователь рассматривает импортные вещи лишь в связи с поиском их аналогий (задачи рассмотреть предметы из марийских могильников с точки зрения этнокультурных и торговых связей у него не было), не систематизирует иноэтничные вещи по территории происхождения и предоставляет материал в виде классификации по

функциональному признаку: украшения, бытовые предметы, предметы вооружения и т.д. Монография содержит выводы о хозяйстве, общественном строе и этнической истории древних марийцев, датировки могильников. Однако сделаны и некоторые выводы о поступлении тех или иных вещей. Так, по мнению Г.А. Архипова, раковины-каури, добываемые в Индийском океане, попадали на территорию проживания древних марийцев через Среднюю Азию [Архипов, 1973, с. 25], а в связи с находками подвесок с треугольной основой на марийской территории автор делает вывод об этнических контактах марийцев и удмуртов. Оригинально предположение на основании украшения нагрудника о том, что в погребении 28 Веселовского могильника погребена мерянская женщина [Архипов, 1973, с. 30].

Архиповым Г.А. в двух статьях опубликованы материалы Дубовского могильника [Архипов, 1964; 1984], но автор приводит только типологию предметов, практически не рассматривая аналогии им. Кроме того, исследователем произведена реконструкция женского костюма IX–XI вв. [Архипов, 1961] по материалам Веселовского могильника. Параллели с костюмами других народов и заимствования не отмечаются, но им проделана большая работа относительно определения места того или иного украшения.

В результате работ 1987–1988 гг. на могильнике Нижняя Стрелка получен переходный от IX–XI к XII–XIII вв. материал [Никитина, 1990]. Т.Б. Никитина отмечает большую близость инвентаря могильника к западным древностям (мерянским, мордовским, муромским и славянским), чем к восточным, объясняя это географическим положением памятника – он один из самых западных. Делается предположение о вливании некоторой части мерянского и муромского населения в марийский этнос [Никитина, 202, с. 211–212].

В монографии «Марийцы в эпоху средневековья» Т.Б. Никитина интерпретировала материалы с памятников средневековых марийцев с точки зрения торговых и этнокультурных связей, посвятив этой проблеме отдельный раздел [Никитина, 2002]. Она выделяет волжско-финский, прикамский, булгарский и западный (Русь, Скандинавия, Прибалтика) импорт. По ее мнению, в IX–XI вв. ослабевают этнические контакты с волжскими финнами (по сравнению с предшествующим периодом), но культурные и торговые связи сохраняются [Никитина, 2002, с. 148]. Исследователь прослеживает параллели в погребальном обряде с мордвой и муромой (сходство обряда кремации), с Прикамьем (жертвенные дары в засыпи) [Никитина,

1990, с. 72]. Значительное количество предметов из Волжской Булгарии позволило Т.Б. Никитиной сделать вывод о вхождении древних марийцев в сферу торговых интересов этого государства. Конец X – начало XI в., по ее мнению, явились периодом наибольшей активности торговли с булгарами. Для торговли булгары использовали монеты (либо подражания им), которые применялись марийцами в составе украшений или в качестве металла для выплавки изделий. Т.Б. Никитина пишет о наличии на территории Марийского края двух булгарских поселений: Отарского и у деревни Мари-Луговая [Никитина, 2002, с. 149–152]. Отмечается и проникновение по Волжско-Балтийскому пути вещей из Руси и стран Европы. Первое проникновение вещей славянского типа (отдельные типы гривен и браслетов) относится к IX–XI вв. В конце XI – начале XII в. наблюдается усиление притока вещей с запада (некоторые типы височных колец, браслетов, перстней, овально-удлиненные кресала и другие изделия). Это позволило сделать Т.Б. Никитиной вывод о культурных связях марийцев с областями с финно-угорским или смешанным славяно-финским населением. В XII–XIII вв. изделия западного (преимущественно мерянского и славянского) импорта вытесняют изделия южного (булгарского) [Никитина, 2002, с. 153–154, 210] происхождения. Кроме того, в монографии имеется таблица монет, найденных на древнемарийских памятниках, в которой приведены дата чеканки и происхождение монеты (страна, династия или правитель).

Накопление материала в дальнейшем позволило исследователю выпустить ряд статей. Причем одна статья касается методики изучения рассматриваемой проблемы [Никитина, 2010]. Здесь на примере височных колец показаны методы изучения этнокультурных процессов. Отдельно Т.Б. Никитина рассмотрела проблему появления древнерусских вещей в материалах марийских могильников [Никитина, 2010б]. В другой статье [Никитина, 2014] в качестве маркера этнической культуры взят костюм целиком. Вопросы торговых и культурных связей затронуты также в ряде других работ [Никитина, Акилбаев, 2014; Никитина и др., 2016; Никитина, 2017а; 2017б; Никитина и др., 2019; Никитина и др., 2022].

Практически все имеющиеся материалы обобщены в монографии «Погребальные памятники Ветлужско-Вятского междуречья» [Никитина, 2012]. А в 2023 г. вышла монография «Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.», в которой дана классификация поясных наборов, приведены аналогии им [Никитина, 2023].

Есть целый ряд работ, рассматривающих контакты различных народов с древними марийцами. Наибольшее число публикаций по этой теме принадлежит Е.П. Казакову. В них исследователь рассматривает контакты волжских булгар с окрестными финно-угорскими народами. По его мнению, активность булгарских торговцев приходится на вторую половину X – начало XI в. [Казаков, 1985, с. 27]. Е.П. Казаков называет и предметы, связанные с торговой деятельностью Волжской Булгарии: некоторые биметаллические кресала, поясные сумки, шумящие подвески с биконьковыми и арочными щитками, предметы поясной гарнитуры, конского снаряжения, серебряная орнаментированная посуда и часть изделий косторезного производства [Казаков, 1992б, с. 45]. Автором делаются выводы о том, что марийцы попали в сферу не только экономического, но и политического влияния булгар, а также о выплате марийцами дани. Кроме того, Е.П. Казаков говорит о «…существовании во второй половине X – первой половине XI в. определенной общности «болгарских и поволжско-марийских памятников» [Казаков, 1992б, с. 46], а о марийских могильниках конца X–XI вв. как о «…буквально переполненных изделиями болгарских ремесленников…» [Казаков, 2007, с. 85]. Отмечая широкие торговые и политические связи Волжской Булгарии с марийцами, исследователь отрицает значительное включение марийцев в состав булгар [Казаков, 1970, с. 253; 1985, с. 25; 1992а, с. 235]. В монографии «Культура ранней Волжской Болгарии» поступление некоторых вещей он связывает с проживанием в Булгарии верхнекамского населения [Казаков, 1992а, с. 234].

Генинг В.Ф. и Халиков А.Х. приводят в своей монографии [Генинг, Халиков, 1964] вещи из булгарского Больше-Тарханского могильника, имеющие аналогии в древнемарийских могильниках (спиралевидные накладки с дужкой, подвески в виде утиных лапок, конусовидные подвески, шумящие подвески с арочным щитком и некоторые другие вещи). По мнению авторов, эти факты отражают контакты булгар с марийским населением на ранних этапах истории волжских булгар (VII–IX вв.).

В последнее время появилась концепция, согласно которой в IX–XI вв. Ветлужско-Вятское междуречье испытало значительную волну миграции угорского населения Пермского Предуралья. Это население содействовало торговле булгар в регионе [Белавин и др., 2009, с. 138]. Концепция нашла продолжение в статье А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и А.И. Козлова [Белавин и др., 2010], где рассмотрено влияние угорского населения на памятники Ветлужско-Вятского междуречья, сделано пред-

положение о прикамском и предуральском происхождении некоторых типов вещей из марийских могильников (арочные, умбоновидные подвески, серьги, наборные пояса, некоторые кошельки, копоушки, деревянные ножны с кольцевидными металлическими обоймами, биметаллические кресала). По мнению авторов, эти категории вещей не оказали значительного влияния на древнемарийский костюм и «...использовались исключительно неассимилированными выходцами из Среднего Предуралья» [Белавин и др., 2010, с. 111]. Отмечается отличие этих вещей от прикамских незначительными особенностями (например, более длинные цепочки и другого типа привески у арочных подвесок). На основании приведенных данных сделан следующий вывод: «Это может быть свидетельством того, что выходцы из Предуралья, жившие в Ветлужско-Вятском междуречье, самостоятельно обеспечивали себя необходимыми вещами...» [Белавин и др., 2010, с. 111–112]. По мнению исследователей, угорское население проживало смешано с марийским, а четверть или даже треть погребений марийских могильников IX–XI вв. принадлежит выходцам из Предуралья.

В коллективной монографии «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» Л.А. Голубева, рассматривая обзорно марийские средневековые памятники, отмечает оживленность международных связей марийцев, установление тесных отношений с булгарами в IX–X вв., культурные и экономические отношения с Прикамьем [Финно-угры и балты, 1987, с. 115].

Иванов А.Г. в своей работе об этнокультурных и экономических связях населения реки Чепцы рассматривает его контакты с волжскими финнами. По его мнению, щитковые перстни с «усами», некоторые типы браслетов, сюльгамы с лопастями, подковообразные фибулы, некоторые разновидности подвесок связаны с влиянием волжских финнов [Иванов, 1998, с. 94–99]. Называются маршруты проникновения этих предметов на Чепцу – Волжский и Сухоно-Вычегодский торговые пути. Связи с западными территориями осуществлялись через племена Средней Вятки и Ветлужско-Вятского междуречья [Иванов, 1998, с. 106]. Из-за немногочисленности и недостаточно надежной атрибуции материалов из памятников Вятского региона затруднительно, по мнению исследователя, рассматривать контакты древнеудмуртского и древнемарийского населения [Иванов, 1998, с. 125]. Кроме того, А.Г. Иванов пишет о проникновении на Чепцу через Волжскую Булгарию некоторых вещей волжско-финского и прибалтийско-скандинавского происхождения [Иванов, 1998, с. 139–140].

Для выявления контактов марийского населения, а также для датировок комплексов немаловажное значение имеет статья Г.А. Федорова-Давыдова, посвященная монетам Дубовского могильника [Федоров-Давыдов, 1984]. В ней рассматривается одна монетовидная подвеска, 29 монет, 15 подражаний монетам, приводятся годы их чеканки. Г.А. Федоров-Давыдов делает единственный вывод, касающийся пробитых монет: пробивание в основном с лицевой стороны связано с тем, что пробивающие различали лицевую и обратную сторону, а это в Среднем Поволжье могли делать только булгары [Федоров-Давыдов, 1984, с. 167].

Интересна статья Т.Б. Никитиной и К.А. Руденко, рассматривающая четыре металлических чаши из могильника Нижняя Стрелка и для сравнения две чаши из Веселовского и одну из Дубовского могильников [Никитина, Руденко, 1992]. Приведены датировки, аналогии. Исследователи выдвигают предположение об изготовлении чаш в Волжской Булгарии и привозе их булгарскими и славянскими торговцами. В другой своей статье К.А. Руденко, рассматривая чаши из могильника Нижняя Стрелка, пишет об их производстве за пределами Булгарии, возможно, в Восточном Иране [Руденко, 2010, с. 162–172]. Чашам из Русенихинского могильника посвящена еще одна статья, в которой выдвигается предположение о возможном их производстве на территории Волжской Булгарии [Никитина и др., 2017, с. 77].

Руденко К.А. принадлежит также и ряд других работ, в которых он освещает культурное, политическое и экономическое влияние Волжской Булгарии в том числе на соседние финно-угорские народы [Руденко, 2004; 2007; 2008; 2012; 2013].

Вышло несколько работ, посвященных функционированию Волжского торгового пути, не затрагивающих напрямую вопросы участия средневековых марийцев в волжской торговле, но помогающих понять процессы, связанные с торговым и культурным взаимодействием в регионе.

Проблемы торговых связей между Русью и Булгарией, и в частности торговли по Волге, рассмотрели в своей монографии А.П. Моця и А.Х. Халиков [Моця, Халиков, 1997]. Затронут широкий круг вопросов, связанных с маршрутами торговых путей из Булгара в Киев и обратно, с категориями товаров. Привлечены как археологические, так и письменные источники. Территория исследования огромна – от Татарстана до Украины, а временные рамки охватили период с VIII по XIII в. Исследователями выделяются три этапа функционирования Волжского торгового пути: вторая половина

X – первая половина XI в. (установление торгово-дипломатических отношений Руси и Волжской Булгарии), вторая половина XI – первая половина XII в. (наивысший подъем торговли по Волжскому пути, связанный с усилением Северо-Восточной Руси и перенесением торговых путей с юга на север из-за половецкой угрозы), вторая половина XII – первая треть XIII в. (перебои в функционировании Волжского пути, связанные с конфликтами владимиро-суздальских князей с Волжской Булгарией) [Моця, Халиков, 1997, с. 78–80]. Интересно мнение авторов о том, что марийцы поставляли Булгарии воинов [Моця, Халиков, 1997, с. 27], но, к сожалению, оно не подкреплено источниками.

Великому Волжскому пути посвятил свою монографию И.В. Дубов [1989]. Он обозначил роль каждого региона в волжской торговле – от Северо-Западной Руси до Волжской Булгарии.

Некоторые вопросы, связанные с функционированием Волжского торгового пути рассмотрены А.Н. Кирпичниковым [2002]. По его мнению, география влияния волжской торговли распространялась от Британии до Китая, то есть Волжский путь являлся частью системы торговых путей, связывающих Запад и Восток. Большое значение на этом пути имели города – ключевые центры ремесла и торговли. В частности, А.Н. Кирпичников выделяет роль Ладоги. Он обозначает национальный состав волжских торговцев (славяне, скандинавы, булгары, хазары и другие народы), пишет о возможности создания многонациональных торговых коллективов. Кроме того, в статье рассматривается и сам образ торговца. Как и другие исследователи, А.Н. Кирпичников отмечает интеграцию культур на примере вещей (например, скандинавские украшения у славян), приводит перечень товаров, касается вопросов влияния Волжского пути на сложение государственности народов Восточной Европы. Новым в исследовании вопросов торговли по Волге стала систематизация кладов Восточной Европы (и обозначение их связи с Волжским путем) и рассмотрение вопросов поступления дирхемов в Восточную и Северную Европу, в частности прекращение потока серебра с Востока в XI в. в связи с истощением рудников и начало привоза серебряных монет с Запада [Кирпичников, 2002, с. 48, 53].

Большое количество работ о торговле Волжской Булгарии принадлежит Р.М. Валееву [1986; 1991; 1992; 1995; 2003; 2005; 2007; 2008; 2009; 2009а; 2009б; 2010].

Интерес представляет монография А.В. Вострокнутова, посвященная шумящим украшениям Пермского Предуралья, где автор связывает появ-

ление некоторых украшений с влиянием населения Ветлужско-Вятского междуречья [Востроknутов, 2020].

Таким образом, различные вопросы торгового и этнокультурного взаимодействия средневекового марийского населения неоднократно поднимались в научной литературе. В целом был определен круг привозных вещей, обозначены направления их поступления. Несмотря на это, многие проблемы не были раскрыты, не была представлена цельная система контактов марийцев с сопредельными народами.

ГЛАВА II.
УКРАШЕНИЯ ИЗ ДРЕВНЕМАРИЙСКИХ МОГИЛЬНИКОВ IX–XI вв.: ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, АНАЛОГИИ

§ 1. Украшения головы

На сегодняшний день имеются находки незначительных органических останков головных уборов – меховых шапок или шапок с меховой опушкой, платков. В некоторых погребениях зафиксированы остатки кожи от головных уборов, крой и внешний вид которых не поддается реконструкции. Оригинальным украшением древнемарийских женщин являются берестяные венчики с чеканными накладками, которые в большинстве случаев дошли до нас только в виде окиси на бересте. Органические материалы сохранились в женских погребениях благодаря наличию металлических вещей, в частности головных цепочек, оборачивавшихся вокруг головы, как правило, в 2–7 оборотов, зачастую снабженных различными привесками в виде бубенчиков и т.п. Такие украшения рассматриваются в качестве этнического индикатора женского марийского костюма IX–XI вв. [Архипов, 1973, с. 17–19; Никитина, 2012, с. 82–87].

Имеются две находки (пп. 71 и 79 Дубовского могильника) арочных щитковых подвесок в области головы (рис. 8: *3*). Подобные подвески являются распространенным парным украшением груди в Ветлужско-Вятском междуречье [Никитина, 2021а, с. 34] и кос у населения Верхнего Прикамья [Крыласова, 2001, с. 65–66]. Интерпретация этих украшений в качестве височных выдвинута Г.А. Архиповым [Архипов, 1984, с. 119], однако примеров такого их употребления в рассматриваемый период нет. Возможно, арочные подвески были просто положены в качестве заупокойного дара, поскольку в 71-м погребении оба изделия лежали слева от черепа (или почти под черепом), а в 79-м останки представлены кремацией, но подвески также лежали вместе [Никитина, 2012, с. 59, 61].

Помимо накладок на венчики, головных цепочек, которые являются этническими индикаторами древнемарийской культуры IX–XI вв.,

и органических остатков головных уборов, украшением головы выступают серьги и височные кольца. На сегодняшний день существует разработанная Г.А. Архиповым [1973, с. 19–20] и дополненная Т.Б. Никитиной [1990, с. 81–83] типология височных украшений из древнемарийских могильников. В ее основу положена форма изделия. Эта типология делит височные украшения на серьги и височные кольца. Представленная же классификация учитывает только размер и форму. Долгое время считалось, что височные украшения небольшого размера являются серьгами, но находки цельнолитых изделий позволяют предположить, что, по крайней мере, некоторые из них носились не в мочке уха, поскольку не могли быть продеты в нее. Кроме того, возможность ношения серег в составе головного убора основывается на материалах Верхнего Прикамья [Подосенова, 2021, с. 162–165].

Группа I. Височные украшения (серьги) малого диаметра.

Тип 1. Кольцевые малого диаметра (перстневидные).

Подтип 1а – 52 экз. Изготовлены из проволоки, согнутой в форме круга (рис. 2: *1–2*). Концы их сомкнуты. Однако есть и цельнолитые изделия (экземпляры из погребений 9 Дубовского и 7 Русенихинского могильников), что, как уже было отмечено, не дает нам право интерпретировать все эти украшения в качестве серег.

Встречены: Анатк.: пп. 7, 8, 14, 17, 18, 23, 29 (всего 12 экземпляров); Дуб.: пп. 4, 7, 8, 9 (2 экз.), 17 (2 экз.), 18 (2 экз.), 28 (2 экз.), 36, 40, 52 (2 экз.), 56, 59 (2 экз.), 62 (2 экз.), 63 (2 экз.), 68 (2 экз.), 70 и один экземпляр со сборов; НС: пп. 2 (2 экз.), 15 (2 экз.), 23 (2 экз.), 27 (2 экз.), 36, жк. 6 (2 экз.); Рус.: п. 7, Рут: пп. 16, 44.

Это самая многочисленная категория височных колец малого диаметра. Встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. В женских погребениях они чаще положены в стороне от костяка, вероятно, являясь заупокойным даром. Такого рода украшения известны на территории Руси [Макаров, 1997, с. 116; Захаров, 2004, с. 168–169, рис. 48; Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 92: *3–12, 27*; Седов, 1982, табл. XXVI–XXXI, LIX], муромы [Горюнова, 1961, рис. 78: *21*], мордвы [Петербургский и др., 2010, с. 41], мери [Леонтьев, 1996, рис. 90: *3, 4, 17*], Волжской Булгарии [Город Болгар, 1996, рис. 60; Казаков, 1991, рис. 40: *1–19*], в Верхнем Прикамье [Голдина, 1985, табл. III: 1, 2; Голдина, Кананин, 1989, рис. 45: *24–27*; Белавин, Крыласова, 2008, с. 364, 446], в материалах удмуртов [Иванова, 1982, рис. 5; 1992, рис. 11: *4, 6, 10, 11*], на памятниках половцев [Степи Евразии, 1981, рис. 84: *2*]. Таким

образом, круглопроволочные перстнеобразные серьги (височные кольца) известны на памятниках многих культур Восточной Европы. Их распространенность обусловлена простотой формы и изготовления и вряд ли связана с торговым влиянием. Как видно из перечня погребений, встречены такие украшения только в Дубовском, Анаткасинском могильниках и на Нижней Стрелке, а также в одном погребении Русенихинского могильника, то есть только в могильниках, расположенных вблизи Волги. Т.Б. Никитиной было выдвинуто предположение о том, что мужские захоронения с перстневидными височными кольцами оставлены пришлым населением [Никитина, 2010, с. 90]. На сегодняшний день недостаточно материала, чтобы подтвердить данное предположение. Возможно, эти изделия являются локальным вариантом древнемарийского мужского костюма. Кольцевые височные украшения малого диаметра в целом встречены в комплексах с характерным для древнемарийских могильников погребальным обрядом и инвентарем.

В материалах рассматриваемых могильников эти изделия датируются X–XI вв. В комплексах они найдены с нумизматическим материалом. В Дубовском могильнике: с дирхемом 936–937 гг. чеканки [Никитина, 2002, табл. 25] (п. 4), с двумя дирхемами 952–953 гг. (п. 36), с дирхемом 933–941 гг. (п. 52), с дирхемом 994–995 гг. (п. 56) [Федоров-Давыдов, 1984, с. 160–162]; в могильнике Нижняя Стрелка: дирхемы 927–928 и 970-х гг. чеканки (п. 27), дирхем, чеканенный в 940-х гг. (п. 36) [Никитина, 2002, табл. 25]. О распространении перстневидных височных колец после XI в. говорят их находки в более поздних марийских могильниках [Архипов, 1986, с. 19], расположенных также вблизи Волги.

Несколько отличается 4 кольца из погребений 7 и 8 Анаткасинского могильника. Они чуть больше в диаметре [Никитина и др., 2016, с. 125, рис. 5: *5*]. Экземпляр из погребения 7 имеет ободок с утолщением, схожий с изделиями венгров [The ancient, 1960, с. 256]. Отличие имеет и экземпляр из погребения 16 Руткинского могильника [Архипов, 1986, рис. 14: *6*]. Здесь один конец расплющен и закручен в спираль. Аналогии известны в Костромском Поволжье, на Кубенском озере и в могильниках Мещерского края [Рябинин, 1986, с. 53–54, табл 1: 1; 1997, с. 187, 188, рис. 52, 1; 60, 6–8; Археология севернорусской деревни, 2007, с. 301; 2008, рис. 92: *13, 14*].

Подтип 1б – 10 экз. Кольцевые небольшого диаметра с одной-тремя напускными бусинами (рис. 2: *3–4*). Поскольку эти височные украшения имеют разъем, можно предположить их использование и в качестве серег.

Встречены: Анатк.: п. 6; Дуб.: пп. 18 (2 экз.), 19 (2 экз., на одном бусина не сохранилась), 20, 23, 27; Коч.: 1 экз. со сборов; Рут: п. 16.

Такие изделия известны на территории Волжской Булгарии, где были распространены в основном в домонгольский период [Казаков, 1991, рис. 40: *24, 25*; Город Болгар, 1996, с. 169–170, рис. 60; Руденко, 2011, с. 226, 227, рис. X: *37*], в удмуртском Кузьминском могильнике, где датируются с рубежа XI–XII по XIII в. [Иванова, 1992, с. 38–39, рис. 11: *21, 22, 25, 27–29*], похожие височные кольца характерны для половецких погребений конца XI–XII вв. [Степи Евразии, 1981, рис. 84: *7*].

Простотой оформления отличается височное украшение с Кочергинского могильника. Бусина гладкая, кольцо маленького диаметра [Талицкий, 1940, таблица V: 76]. Такие украшения имеются в удмуртских древностях [Иванова, 1992, рис. 11: *21*]. Сложность представляет тот факт, что это украшение найдено вне комплекса.

Бусинные височные кольца в марийских могильниках появляются сравнительно поздно. Встречены в Дубовском могильнике с витым браслетом с петлевидными концами (п. 20), который датируется по новгородским находкам с XI по XIV в. [Седова, 1981, с. 94], и с широкосрединным замкнутым перстнем с валиком (п. 23), известным в Северной Руси в конце XI–XII вв. [Недошивина, 1967, с. 270; Археология северно-русской деревни, 2008, с. 121]. Такие височные кольца имели распространение и в более поздних марийских материалах [Архипов, 1986, с. 20].

Подтип 1в – 2 экз. Кольцевые небольшого диаметра с несколькими напускными бусинами и загнутым концом (рис. 2: *5*).

Встречены: НС: п. 11-а (2 экз.).

Подобные украшения, характерные для води, получили распространение на северо-западе Новгородской земли в XI–XIV вв. [Левашева, 1967б, с. 19; Седова, 1997, с. 65; Финно-угры и балты, 1987, табл. X: 1, 6].

Погребение 11-а представляет собой комплекс вещей в изголовье погребения 11. Здесь найдены витой из проволок завязанный браслет, звериноголовый браслет, браслетообразные височные кольца с заходящими концами, а в погребении 11 – гривна радимичского типа. Все эти вещи рассмотрены ниже и обозначают временную границу комплекса не ранее XI в.

Подтип 1г – 2 экз. Кольцевые небольшого диаметра, с бубенчиками (рис. 2: *6*).

Встречены: НС: п. 4 (2 экз.).

Подобные височные кольца известны на Елизаровском могильнике [Горюнова, 1961, с. 215], бубенчик с кольцом имеется в могильнике

Минино II, где встречается в XI в. [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 116: *26*], но не указано, является ли это кольцо височным.

Погребение 4 датируется по витой из двух проволок гривне с раскованными концами, один из них обрублен, второй имеет эсовидное окончание. Аналогии им имеются на Руси в XI–XII вв. [Фехнер, 1967, с. 72–73; Макаров, 1997, табл. 138, 151].

Тип 2. Проволочные подтреугольной формы. Круглая в сечении проволока согнута в форме треугольника с закругленными углами.

Подтип 2а – 6 экз. Стык проволок находится сбоку (рис. 2: *7*).

Встречены: Анатк.: п. 17 (здесь концы слегка вогнуты); Дуб.: пп. 3, 45 (2 экз.) и один экземпляр со сборов; Рус.: п. 8.

Подтип 2а имеет аналогии в материалах Рождественского археологического комплекса [Белавин, Крыласова, 2008, с. 364, 446].

В погребениях Дубовского могильника эти серьги обнаружены совместно с дирхемами, чеканенными в 940–941 гг. [Никитина, 2002, с. 316] (п. 3) и в 966–974 гг. [Федоров-Давыдов, 1984, с. 161] (п. 45). В комплексе Русенихинского могильника вместе с серьгой найдена гривна из тонкого, треугольного в сечении дрота, концы которого заходят друг за друга и украшены головками, лицевая часть украшена орнаментом «волчий зуб», подобные гривны встречаются на территории Руси в памятниках X – начала XI в. [Фехнер, 1967, с. 59–62; Макаров, 1997, табл. 151], в марийских материалах они известны с XI в. (см. ниже). Здесь же найден широкосрединный перстень с завязанными концами, датируемый по новгородским находкам XI в. [Седова, 1981, с. 129].

Рассматриваемые височные украшения в захоронениях древнемарийских могильников датируются не ранее конца X в., а вероятнее всего XI в.

Подтип 2б – 4 экз. Стык проволок снизу, концы никак не оформлены (рис. 2: *8*).

Встречены: Дуб.: п. 58; ЧК: п. XII (здесь и далее погребения Черемисского Кладбища, записанные римскими цифрами, относятся к раскопкам 1908 г.); Юм.: п. 2 (2 экз.).

Подтипу 2б точную аналогию найти не удалось. Однако он в целом похож на предыдущий и последующий подтипы.

Подтип 2в – 5 экз. Стык проволок снизу, один конец имеет головку (рис. 2: *9–10*).

Встречены: Коч.: п. 5; НС: пп. 10 (2 экз.), 19-а; ЧК: п. XIV.

Височные украшения этого подтипа встречаются в материалах Верхнего Прикамья, где датируются IX в. [Голдина, 1985, табл. III: 9;

Голдина, Кананин, 1989, рис. 70: *7*] и на Чепце (Варнинский могильник) в материалах IX в. [Иванов, 1998, рис. 19: *3*].

Погребение 5 Кочергинского могильника датируется по кресалу, которые появились во второй половине X в. [Голубева, 1964, с. 125–126]. А XIV-е Черемисского Кладбища датировано Г.А. Архиповым X в. [1973, с. 68].

Подтип 2г – 16 экз. С двумя или тремя петлями на основании (рис. 2: *11–12*).

Встречены: Вес.: пп. 11 (2 экз.), 13 (2 экз.); Дуб.: пп. 52, 53; КХ: 1 экз. со сборов; Рус.: пп. 1, 5 (2 экз.), жк. 2 (2 экз.), жк. 13 (2 экз.); ЧК: пп. III, VI.

Аналогии таким височным украшениям известны на могильнике Минино II вне погребения [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 92: *26*], в Приуралье и Западной Сибири [Финно-угры и балты, 1987, с. 173, табл. LXXI: 19; Иванов, 1998, рис. 62: *3*] с X в., в Корбальском могильнике [Финно-угры и балты, табл. XXII: 14], на о. Вайгач и в Архангельском кладе [Носов, Овсянников, 1997, с. 150]. Но все аналогии несколько отличаются от экземпляров с древнемарийских могильников более острым верхом, пропорциями или количеством петель. Исключение составляют серьги с Черемисского Кладбища с двумя петлями, а также из подъемного материала могильника Кузинские Хутора, имеющие аналогии в Приуралье (Качкашурский могильник) [Иванов, 1998, рис. 62: *3*].

На Дубовском могильнике эти украшения найдены в комплексе с дирхемом 933–941 гг. чеканки [Федоров-Давыдов, 1984, с. 160] (п. 52). На Черемисском Кладбище также встречены с нумизматическим материалом: дирхемом 962–968 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 312] (п. VI), с подражанием саманидскому дирхему конца X в. (п. III) [Архипов, 1973, с. 68]. В комплексах Веселовского могильника такие серьги тоже датируются X–XI вв. на основании находок их со складной расческой X – первой половины XI в. [Древняя Русь, 1997, с. 21], фибулой с многогранными головками, известной в IX – первой половине XI в. [Мальм, 1967, стр. 181–182], и пламевидным наконечником стрелы, распространенным в конце VIII – начале XI в. [Медведев, 1966, стр. 77] (п. 13).

Таким образом, серьги подтреугольной формы датируются по материалам некрополей Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв.

Тип 3 – 26 экз. Калачевидные (рис. 2: *13–16*).

Встречены: Вес.: пп. 7 (2 экз.), 8, 16; Дуб.: пп. 41, 42, 57 (2 экз.); НС: пп. 12 (2 экз.), 31, 40 (2 экз.); Рус.: пп. 3 (2 экз.), 12, жк. 6 (3 экз.), 8 (2 экз.) и 1 экземпляр из сборов; ЧК: пп. 8, XV–XVI (2 экз.); Юм.: п. 5.

Калачевидные серьги известны в материалах IX–X вв. Ишимбаевских и Лагеревских курганов на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 74–75, 88–89], в погребении 58 последней четверти XI – рубежа XI и XII вв. Нефедьевского могильника [Макаров, 1997, с. 128, 357], на Чепце [Иванова, 1982, с. 56–57; Иванов, 1998, рис. 62: *6–10*; Иванова, 1998, с. 139, рис. 54: *2*] и вообще в древностях удмуртов со второй половины XI в. (Чиргинский, Маловенижский, Кузьминский могильник) [Иванова, 1992, с. 39–40], в материалах корелы [Кочкуркина, 1981, табл. 3: 4], на Верхней Каме [Белавин, Крыласова, 2008, с. 364–365, 446]. Такие изделия встречены также в погребениях 2 и 6 могильника Кузинские Хутора, которые не относятся к древнемарийской культуре. Н.А. Макаров подчеркивает численное преобладание таких украшений в бассейне р. Чепцы [Макаров, 1989, с. 51–64]. При общем сходстве формы и размеров калачевидных серег (височных колец) на такой огромной территории наблюдаются особенности в их изготовлении и оформлении.

Погребение 8 Веселовского могильника содержит вещи, укладывающиеся в рамки X–XI вв.: подвеска-всадница (см. ниже) и калачевидное кресало [Колчин, 1982, с. 164]. Более точно можно определить время погребения 16 этого же могильника. Здесь была найдена фибула с головками, выполненными в виде усеченной пирамиды со срезанными углами. Аналогии такой фибуле датируются на территории Руси X – первой половиной XI в., в Финляндии – с IX по начало XI в. [Мальм, 1967, с. 181–182]. Кроме того, здесь найдены «усатый» перстень, датируемый концом X – началом XII в. [Древняя Русь, 1997, с. 77], биметаллическое кресало с изображением всадников X – первой половиной XI в. [Крыласова, 2007, с. 185]. Таким образом, это погребение можно датировать концом X – первой половиной XI в. Время погребения 17–18 Г.А. Архипов определяет X в. [1973, с. 66], К.А. Руденко уточняет его последней четвертью X в. [2000, с. 90]. Погребение 42 Дубовского могильника датируется по пластинчатому разомкнутому узкому браслету с расширяющимися концами – XI–XII вв. [Левашева, 1967а, с. 237]. Уместно определить время возникновения данного комплекса XI в. В Нижней Стрелке калачевидные серьги встречены с плетеным браслетом со свободными концами, датируемым в Новгороде второй половиной XI – серединой XIII в. [Седова, 1981, с. 101–102] (п. 19), витым браслетом с петлевидными концами, которые, по опять же новгородским находкам, бытуют с XI по XIV в. [Седова, 1981, с. 94] (п. 40). Кроме этого, в погребении 31 обнаружен дирхем 970-х гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 315]. Экземпляр

из захоронения 31 Нижней Стрелки не имеет стыка, поэтому не может вдеваться в мочку уха. В древностях корелы [Кочкуркина, 1981, табл. 3: 4] и на городище Иднакар [Иванова, 1998, с. 137, рис. 54: *2*] такие серьги также не имеют стыка. В могильнике Черемисское Кладбище рассматриваемая серьга встречена в погребении 7 с круглопроволочной гривной, датируемой по материалам мордвы IX–X вв. [Материалы по истории мордвы, 1952, табл. VI: 8]. Более точную датировку дать невозможно, хотя Г.А. Архипов предложил определить время этого комплекса и погребения XV–XVI X в. [Архипов, 1973, с. 68]. Комплексы Русенихинского могильника также подтверждают эти датировки [Никитина, 2018б, с. 66–71].

Калачевидные височные украшения, судя по приведенным датам, появляются на марийской территории в X в., вероятнее всего, в его конце, и продолжают бытовать в более позднее время, как минимум до XII в. [Архипов Г.А., 1986, рис. 15: *16, 17*].

Тип 4. С овальным кольцом и привеской.

Подтип 4а – 28 экз. С овальным кольцом с гроздевидной привеской (рис. 2: *17–20*).

Встречены: Вес.: пп. 3 (2 экз.), 4, 5 (2 экз.); Дуб.: пп. 24 (2 экз.), 38, 70 (2 экз.), 71, 79 (2 экз.); Коч.: пп. 3 (2 экз.), 4 (2 экз.), 5; НС: п. 19а (3 экз.); ЧК: п. 5 (2 экз.); Юм.: п. 7 (4 экз.) и 1 экз. из сборов 1891 г.

Говоря об аналогиях, стоит отметить существование множества разновидностей этого типа украшений. В литературе за ними закрепились названия «салтовских» и «позднесалтовских». Следует сделать оговорку, что похожих изделий много, но они не соответствуют классическим салтовским образцам. Известны на Рождественском археологическом комплексе в X в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 363, 446], в материалах VIII–IX вв. Прикамья [Голдина, 1985, с. 34–35, 131, табл. II: 1–20; Голдина, Кананин, 1989, с. 61, рис. 45: *70–71*], мордвы [Финно-угры и балты, 1987а, табл. XLVII: 12], Чепцы с VIII в. [Иванов, 1998, рис. 47], похожие есть в древностях алан [Аланы, 1995, с. 270–271], в материалах неволинской культуры с конца VII–VIII вв. [Голдина, Водолаго, 1990, с. 78, 93, табл. XXII, LXVIII, LXIX], на памятниках Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 27: *42, 55, 56, 60*; Степи Евразии, 1981, рис. 56: *1–6*] и, конечно, в материалах салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – первой половины X в. [Степи Евразии, 1981, рис. 37: *3*].

Однако серьги из древнемарийских могильников находят больше сходств с экземплярами из Прикамья, Южного Урала и мордовских древностей. Прямые аналогии в булгарских материалах имеют серьги

(рис. 2: *19*) из погребения 70 Дубовского могильника [Казаков, 1992а, с. 177, рис. 63: *19*].

Комплексы Веселовского могильника датируются следующим образом: время погребения 3 определено А.Х. Халиковым X – началом XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56], погребение 4 Г.А. Архиповым – X в. [1973, с. 66]. Можно согласиться с этими датами. Погребение 5 содержало фибулу с многогранными головками, оформленными шипами, датируемую на территории Руси X – началом XI в., а в Финляндии в IX–X вв. [Мальм, 1967, с. 161–162], ножны, похожие по оформлению на ножны кинжала из погребения 19 кургана 6 IX–X вв. Старо-Халиковского могильника на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 103–104]. Таким образом, время возникновения погребения можно определить первой половиной X в. Т.Б. Никитина предлагает дату начало X в. [2012, с. 62]. В материалах Дубовского могильника рассматриваемые украшения встречены с биметаллическим кресалом, похожим на кресало из погребения 63, которое датируется на Верхней Каме X в. [Голубева, 1964, с. 121, рис. 2], накладками треугольной формы с каплевидными выступами X–XI вв. [Мажитов, 1981, рис. 58: *14*] (п. 24) и дирхемом 928–929 гг. чеканки [Федоров-Давыдов, 1984, с. 160–161] (п. 71). В захоронении 3 Кочергинского могильника серьги с гроздевидной привеской встречены с поясными накладками круглой формы с привеской в виде кольца. Такие накладки были распространены в Пермском Предуралье в IX–X вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 419, рис. 200; Голдина, Кананин, 1989, рис. 50]. Кроме того, здесь найден перстень со вставкой. Подобные перстни были широко представлены с IX в. в Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008, с. 369–370], на Южном Урале в IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 38: *7;* 44: *12*; 51: *15*] (подробнее о них см. ниже). Таким образом, погребение 3 может датироваться IX в. Погребение 19 могильника Нижняя Стрелка датировано выше временем не ранее середины XI в. В погребении 5 могильника Черемисское Кладбище обнаружена круглопроволочная гривна с концом, оформленным шляпкой. Аналогии этому типу гривен имеются в материалах мордвы, где датируются IX–X вв. [Материалы по истории мордвы, 1952, табл. VI: 8]. Здесь найден также пластинчатый браслет с отогнутыми концами второй половины VIII – первой половины IX в. [Генинг, 1962, табл. II: 11; Семенов, 1980, табл. III: 7, 8, 10].

Исходя из этого, время бытования серег с гроздевыми привесками на древнемарийской территории определяется IX–XI вв.

Подтип 4б – 2 экз. С овальным кольцом с дисковидной привеской (рис. 2: *21*).

Встречены: Вес.: п. 10 (2 экз.).

Аналогия есть в погребении 21 могильника Кузинские Хутора [Никитина и др., 2019, рис. 1: *2*].

Погребальный комплекс, самый ранний на могильнике, датируется IX в.

Тип 5 – 1 экз. Височное кольцо (серьга?) в виде полумесяца (рис. 2: *22*).

Встречено: Дуб.: п. 63.

Аналогии известны в материалах муромы второй половины X–XI вв. [Гришаков, Зеленеев, 1990, рис. 8: *33*; Бейлекчи, 2005, рис. 9].

В погребении 63 найдено биметаллическое кресало, близкие аналогии которому есть на Верхней Каме в X в. [Голубева, 1964, с. 121, рис. 2], в Волжской Булгарии в конце X – первой половине XI в. [Город Болгар, 1996, с. 252].

Группа II. Височные украшения большого диаметра.

В научной литературе такие украшения получили название браслетообразных височных колец.

Тип 1 – 15 экз. и 10 обломков. Кольцевые большого диаметра, концы никак не оформлены, заходят друг за друга, иногда перевязаны тонкой проволокой (рис. 3: *1*).

Встречены: Вес.: п. 1; Дуб.: пп. 29 (2 экз.), 31, 37, 40; НС: пп. 5 (5 экз.), 11-а (2 экз.), 17 (10 обломков); ЧК: п. 14 (2 экз.).

Подобные височные кольца были распространены в финно-угорском мире, но их концентрация отмечена на северо-западе Новгородской земли, встречаются они на Мининском археологическом комплексе, где датируются XI – первой половиной XII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 101].

На Веселовском могильнике в погребении 1 височное кольцо рассматриваемого типа встречено со спиралеконечной фибулой с треугольным сечением, которые известны с X по конец XII в. [Древняя Русь, 1967, с. 72]. А.Х. Халиков и Е.А. Безухова считали погребение 1 одним из наиболее поздних на могильнике и относили его ко второй половине XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56]. В погребении 31 Дубовского могильника найдены звериноголовые браслеты (подробнее о них см. ниже) XI – начала XII в. [Седова, 1981, с. 112]. По материалам Нижней Стрелки такие височные кольца датируются следующим образом. В погребении 5 они найдены со звериноголовым браслетом X – начала XII в. и витым браслетом с петлевидными концами, датируемым по новгородским находкам с XI по

XIV в. [Седова, 1981, с. 94]. Здесь же есть полая привеска-уточка с двумя жгутиками XI – начала XII в. [Голубева, 1979, с. 17]. Погребение 11-а определено выше временем не ранее XI в. В погребении 24 найдены дирхем 970-е гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 314] и гривна из круглой бронзовой или медной проволоки с завязанными концами. Такого рода украшения были распространены в XI в. [Фехнер, 1967, с. 68]. Погребение 14 Черемисского Кладбища, на основании датировок каплевидной подвески и прямоугольных накладок с шаровидными вздутиями, Т.Б. Никитиной датировано временем не ранее начала XI в. [Никитина, 2010а, с. 149–150].

В связи с датировками комплексов, время бытования рассматриваемых височных колец на древнемарийской территории определяется XI в., а возможно и началом XII в.

Тип 2 – 6 экз. Кольцевые большого диаметра, концы которых завязаны (рис. 3: *2*).

Встречены: Вес.: п. 27 (2 экз.); Дуб.: п. 18 (2 экз.); НС: пп. 23, 38.

Такие височные кольца характерны для смоленско-полоцких кривичей, но встречаются также в Ярославском [Седов, 1982, с. 160] и Костромском Поволжье [Рябинин, 1986, с. 55–56], в Новгороде в XII в. [Левашева, 1967б, с. 40; Седов, 1982, табл. XLVIII, XLIX: 1; Древняя Русь, 1997, с. 64], на северных окраинах Руси обнаружены в погребениях XI в. могильника Нефедьево [Макаров, 1997, с. 120, 125, 126], второй-третьей четверти XI в. Мининского археологического комплекса [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 117–118]. Два экземпляра этих колец встречены и на Чепце [Иванов, 1998, рис. 46].

Погребение 23 Нижней Стрелки, где найдено завязанное височное кольцо, датируется английским денарием чеканки 1017–1023 гг., а погребение 27 Веселовского могильника – дирхемом 1001–1002 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 313, 314].

Височные кольца в 18 погребении Дубовского могильника и в 23 Нижней Стрелки использовались в качестве браслетов, поскольку обнаружены в области рук и вместе с другими браслетами.

Тип 3. Кольцевые большого диаметра, с одним отогнутым концом и другим заостренным или обрубленным. Концы, как правило, заходят друг за друга, иногда перевязываются проволокой. Существует две разновидности этих колец.

Подтип 3а – 23 экз. Отогнутый конец не имеет головки (рис. 3: *3*).

Встречены: Анатк.: п. 10; Вес.: пп. 4, 5, 2 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб: пп. 8 (2 экз.), 14 (2 экз.), 56, 73 (2 экз.); КХ: п. 23 (2 экз.); НС: пп. 6 (2 экз.), 30, 33 (2 экз.); Рус.: п. 11, жк. 14; ЧК: п. 15 (2 экз.).

Погребение 10 Веселовского могильника определяется А.Х. Халиковым и Г.А. Архиповым IX в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56, Архипов, 1973, с. 65]. Материал погребения 56 Дубовского могильника датирован XI в., на основании даты чеканки дирхема из этого комплекса – 994–995 гг. [Федоров-Давыдов, 1984, с. 162]. Погребение 73 Дубовского могильника содержало дирхем 927–928 гг. чеканки [Федоров-Давыдов, 1984, с. 160]. В погребении 30 могильника Нижняя Стрелка найдена железная гривна, датированная X–XI вв. [Фехнер, 1967, с. 62–63; Кочкуркина, 1973, с. 23; Древняя Русь, 1997, с. 66; Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 36]. Т.Б. Никитина справедливо относит время появления этого комплекса к концу X–XI в. [Никитина, 2013, с. 67]. Погребение 15 Черемисского Кладбища содержит витой из проволок браслет с завязанными концами. Такие браслеты широко представлены на древнерусских памятниках X–XII вв. [Древняя Русь, 1997, с. 74; Макаров, 1997, с. 120]. Однако все погребальные комплексы древнемарийских могильников, содержащие витые завязанные браслеты, датированы с XI в. [Акилбаев, 2010, с. 177]. Время погребения 11 Русенихинского могильника определяется плетеным браслетом с несомкнутыми концами, которые известны по новгородским находкам второй половины XI–XV вв. [Седова, 1981, с. 100–102], и ширококонечным браслетом с узором, аналогия которому с похожим орнаментом есть в погребении второй-третьей четверти XI в. могильника Минино II [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 118].

Подтип 3б – 90 экз. Отогнутый конец оформлен головкой (многогранной, шаровидной, в виде усеченного конуса или гвоздевидной) (рис. 3: *4–5*).

Встречены: Анатк.: п. 22 (2 экз.); Вес.: пп. 3 (4 экз.), 4, 5 (3 экз.), 6 (4 экз.), 7, 8, 10 (2 экз.), 12 (4 экз.), 15 (4 экз.), 17–18 (4 экз.), 26 (3 экз.), 27; Дуб.: пп. 36, 48, 56 (2 экз.), 60, 70 (2 экз.), 74 (2 экз.), 75, 76; КХ: пп. 9 (3 экз.), 10 (4 экз.); НС: пп. 2-а (2 экз.), 7, 29 (2 экз.), 30 (2 экз.), 32, 38, жк. 4, 7 (2 экз.); Рус.: пп. 2 (6 экз.), 5 (2 экз.), 6 (2 экз.), 11 (3 экз.), жк. 5 (2 экз.), 7 (2 экз.), три экземпляра со сборов; ЧК: п. IX–X (2 экз.); Юм.: пп. 7 (2 экз.), 8 (2 экз.).

Погребения 3, 5, 17–18 Веселовского могильника датированы выше X – началом XI в., второй половиной X в. и X в. соответственно. Время погребения 12 определено А.Х. Халиковым X – началом XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56]. Материал погребений 8 и 15 укладывается во временные рамки X–XI вв.: подвеска-всадница, калачевидное железное кресало. Погребение 27 содержало дирхем 1001–1002 гг. чеканки [Никитина,

2002, с. 313]. Датировка по материалам Дубовского могильника следующая. В нескольких комплексах встречены дирхемы: два дирхема 952–953 гг. чеканки (п. 36), дирхем 994–995 гг. (п. 56), дирхем 949–974 гг. (п. 60), два дирхема 907–914 и 922–923 гг. (п. 76) [Федоров-Давыдов, 1984, с. 160–162]. В погребении 70 найден широкосрединный перстень с завязанными концами, датируемый по новгородским находкам XI в. [Седова, 1981, с. 129]. В комплексах Нижней Стрелки такие височные кольца обнаружены вместе с железными гривнами (пп. 2-а, 30, 38) X–XI вв. Ранней датировкой отличается 7 погребение, содержащее нагрудное украшение прямоугольной формы с привесками, которое имеет аналогии в древностях муромы IX – начала X в. [Гришаков, Зеленеев, 1990, рис. 8]. В комплексах Русенихинского могильника эти височные кольца датируются следующим образом. Погребение 5 содержит боевой нож-скрамасакс. А.Н. Кирпичников отмечает, что на Руси скрамасаксы перестали употребляться в XI в. [1966а, с. 71]. Погребение 11 датировано выше временем не ранее второй половины XI в.

Височные кольца с отогнутым концом имеют, таким образом, широкую датировку – с IX по XI в. Не исключено, что такие украшения сохраняются и в начале XII в.

Тип 4 – 5 экз. Кольцевые большого диаметра, отогнутый конец закручен в спираль (рис. 3: *6*).

Встречены: Вес.: п. 3 (2 экз.); ЧК: пп. VI, XI (2 экз.).

По сообщениям Ф.Д. Нефедова [1899, табл. I: 1] и Д.Н. Анучина [1899, с. 245, 246] подобные украшения характерны для памятников Костромского Поволжья рубежа I и II тысячелетий.

Погребение VI Черемисского Кладбища содержит дирхем 962–968 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 312], Г.А. Архипов датирует его XI в. [1973, с. 68]. Погребение 3 Веселовского могильника отнесено ко времени X – начала XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56].

Тип 5 – 2 экз. Кольцевые большого диаметра, один конец оформлен втулкой (рис. 3: *7*).

Встречены: НС: п. 18 (2 экз.).

Втульчатые височные кольца являются этноопределяющим украшением мери и встречаются на мерянских памятниках в VI–X вв. [Горюнова, 1961, с. 117; Леонтьев, 1996, с. 159] известны они на памятниках от Москворечья до Белого озера [Леонтьев, 1996, с. 159].

Погребение 18 датируется дирхемом 980–981 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 314]. Он имеет отверстие, что может говорить о длительном периоде его использования в качестве украшения [Никитина, 2012, с. 67].

Тип 6 – 6 экз. Кольцевые большого диаметра с отверстием на одном конце и крючком на другом (рис. 3: *8*).

Встречены: НС: п. 5 (2 экз.); Рус.: п. 16 (2 экз.), жк. 15 (2 экз.).

Характерны они для памятников муромы в VIII–X вв. [Дубынин, 1949, с. 103; Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 24].

Выше уже рассмотрена датировка погребения 5 Нижней Стрелки. Оно может быть датировано концом XI – началом XII в.

Комплексы Русенихинского могильника содержат витые завязанные браслеты, вследствие чего могут быть датированы не ранее XI в. (подробно о них см. ниже), а в погребении 16 найдено еще и овальное кресало, которое может уточнить дату до XII в. [Колчин, 1959, с. 99]. Вероятно, погребение 16 датируется второй половиной XI – началом XII в. Т.Б. Никитина определяет его время второй половиной XI в. [Никитина, 2018б, с. 69].

Тип 7 – 3 экземпляра. Кольцевые большого диаметра, витые из двух проволок (рис. 3: *9, 10*).

Встречены: Вес.: п. 1; Дуб.: п. 55; ЧК: п. VI.

Аналогии можно указать только экземпляру с завязанными между собой концами. Датируется такое кольцо X – началом XII в. и является этноопределяющим украшением смоленских и полоцких кривичей [Древняя Русь, 1997, с. 64].

В погребении 55 Дубовского могильника концы кольца оформлены крючками (рис. 3: *10*). Погребение датируется железной гривной X–XI вв. Более точно датировать этот комплекс затруднительно. Погребение 1 Веселовского могильника датировано А.Х. Халиковым XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56]. Концы экземпляра из этого комплекса завязаны между собой. В погребении VI Черемисского Кладбища концы височного кольца связаны между собой тонкой проволокой. Комплекс, как уже отмечалось, содержит дирхем 962–968 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 312].

Таким образом, марийские материалы IX – начала XII в. содержат большое разнообразие серег и височных колец. Местными можно считать украшения группы I подтипа 1а и подтипов 3а, 3б группы II. Причем последние являются этноопределяющими для марийского населения IX–XI вв. [Никитина, 2012, с. 84]. Ряд височных украшений (серег) связан с Прикамьем и, по-видимому, является не прямым импортом, а результатом импульса, приведшим к появлению схожих или аналогичных вещей в Ветлужско-Вятском междуречье. Речь идет о всех подтипах типа 2, 4, типе 3 группы I, из которых до XII в. в большом количестве сохраняются только калачевидные серьги (тип 3). Все эти изделия появляются

на марийской территории с X в., а некоторые даже с IX в. Следующий пласт височных украшений датируется в марийских захоронениях с XI в. и связан с западным влиянием (локализуется на территории от Белого моря до Оки, включая муромские памятники и Костромское Поволжье, и в Новгородской земле). Это подтип 1в группы I, типы 1, 2, 4–7 группы II. Отдельно следует выделить подтип 1б группы I, появившийся в марийских могильниках в XI в. и имеющий аналогии в Булгарии.

Нахождение в марийских захоронениях височных колец подтипа 1в группы I, типов 2, 5, 6 группы II, считающихся этноопределяющими для води, кривичей, мери и муромы соответственно, может натолкнуть на мысль о присутствии представителей этих этносов в древнемарийских могильниках. Сама такая возможность не отрицается, однако необходимо рассмотреть эти украшения в каждом комплексе. Так, в погребении 27 Веселовского могильника височное кольцо кривичей обнаружено с височным кольцом с отогнутым концом, «усатыми» перстнями с валиком на щитке, копоушками и обувными привесками, характерными для марийской средневековой культуры IX–XI вв. В погребении 38 Нижней Стрелки также обнаружено височное кольцо с отогнутым концом. В погребении 18 Дубовского и 23 Нижней Стрелки такие украшения использованы в качестве браслетов, причем, скорее всего, оба захоронения мужские. А в погребении 5 Нижней Стрелки типичные для муромы височные кольца находились в комплексе с головной цепочкой (отличительная черта марийского женского костюма) и с височными кольцами с заходящими концами, характерными для Северо-Западной Руси. Обилие импортных височных украшений в древнемарийских могильниках не может говорить о проживании в Ветлужско-Вятском междуречье разнообразного в этническом плане населения, что уже отмечалось ранее [Никитина, 2010, с. 89]. Однако о том, что погребения 16–18 и жертвенный комплекс 15 Русенихинского могильника могли быть оставлены финским населением, испытавшим славянское влияние, уже упоминалось в литературе [Никитина, Акилбаев, 2014, с. 68–70]. Мерянские височные кольца в погребении 18 Нижней Стрелки положены с браслетами и «усатыми» перстнями в мужское захоронение как заупокойный дар, а водские височные кольца встречены в погребении 11-а Нижней Стрелки тоже в виде заупокойного дара в мужскую могилу. Сложно сказать имеем ли мы дело в двух последних случаях с финским населением, пришедшим с запада, или это просто случайность, поскольку остальные вещи в комплексах не имеют яркой этнической окраски.

§ 2. Шейно-нагрудные украшения

Шейные гривны имели широкое распространение у древних марийцев. На сегодняшний день известно 79 экземпляров. Имеется несколько гривен, найденных вне погребений. Они изготавливались из серебра, сплавов на основе меди и из железа различными технологическими приемами: кручение, нарезка дрота, витье проволок, ковка.

Гривны сами по себе не могут выступать в качестве полового или социального определения, они встречаются как в женских, так и в мужских захоронениях, как в погребениях с большим количеством инвентаря, так и в комплексах, содержащих небольшое количество вещей.

Представленная типология основана на способе изготовления (дротовые или проволочные) и оформлении дрота или концов. Исключение составляют железные гривны, форму которых трудно определить из-за их плохой сохранности, они условно объединены в один тип.

Группа I. Дротовые.

Тип 1. Гривны, украшенные косой винтовой нарезкой (или кручением), прерывающейся в средней части.

Подтип 1а – 41 экз. Круглые в сечении серебряные или латунные (бронзовые) гривны. Концы оформлены в виде многогранной, гвоздевидной или грибовидной головки и крючка (рис. 4: *1*).

Встречены: Анатк.: п. 6; Бор.: 2 экз.; Вес.: пп. 3 (2 экз.), 4, 5 (2 экз.), 12, 13, 15 (2 экз.), 16, 1 экз. из раскопок 1929 г.; Дуб.: пп. 4, 14, 42, 52, 53, 71, 74, 1 экз. из сборов; Коч.: п. 5; КХ: п. 23 (фрагмент), 32, жк. 2; НС: пп. 1, 19-а, 25, жк. 4 (2 экз.); Рус.: пп. 2, 3, 6; ЧК: 1 экз. из материалов раскопок 1908 г.; Юм.: пп. 5, 7, 3 экз. (один из них в обломках) из сборов А.А. Спицына и 1 экз. из сборов 1957 г.

Большинство гривен серебряные (или из белого металла), исключения составляют находки из погребений 15, 22 Веселовского, 5 Кочергинского, 74 Дубовского могильников, погребения 16 и жертвенного комплекса 4 могильника Нижняя Стрелка. Г.А. Архипов выдвинул предположение о том, что такие изделия являются подражаниями образцам, выполненным из серебра. На это исследователя натолкнула меньшая глубина и распространенность по дроту нарезки [Архипов, 1973, с. 21].

Рассматриваемые украшения в литературе получили название гривен глазовского типа. Это связано с их широким распространением на территории бывшего Глазовского уезда в Удмуртии, в бассейне реки Чепцы. Кроме указанной территории, «глазовские» гривны встречаются

в Поволжье (мордовские, мерянские (Сарское городище) и муромские (могильники Чулковский, Стексовский, Новленский, Максимовский и другие), Финляндии и Прибалтике, в Приладожье, Прикамье и Волжской Булгарии, широкое распространение этих изделий приходится на IX–XI вв. [Иванов, 1998, с. 75; Вихляев и др., 2008, рис. 15: *4*; 16: *1, 2*; Бейлекчи, 2005, с. 181, рис. 24, с. 177, рис. 1; 17: *1*; Леонтьев, 1996, рис. 70: *2*]. Экземпляр из погребения 15 Веселовского могильника в дополнение к винтовой нарезке имеет крестообразные насечки в середине и на концах дрота. Интересной деталью является наличие на головках некоторых серебряных гривен прочерченных знаков [Архипов, 1973, рис. 18].

«Глазовские» гривны представлены в материалах древнемарийских могильников X–XI вв. Самое раннее погребение с подобной находкой – 5-е Веселовского могильника. Как уже отмечалось, оно датируется первой половиной X в. Но не исключено, что некоторые экземпляры Борисковского, Юмского могильников и Черемисского Кладбища могут быть датированы и IX в. Позже XI в. такие гривны не встречаются.

В погребении 7 Юмского могильника имеется гривна, аналогичная вышеназванному типу, но в средней части дрот четырехгранный в сечении [Архипов, 1973, рис. 18: *2*]. Г.А. Архипов выделил ее в отдельный тип. Погребение, в котором она найдена, не содержит датирующих вещей.

Подтип 1б – 1 экз. Круглая в сечении гривна, концы оформлены в виде многогранных головок (рис. 4: *2*).

Встречена: НС: п. 23.

Аналогии такому украшению не известны.

Погребение 23 датируется английским денарием 1017–1023 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 314].

Подтип 1в – 1 экз. Серебряная гривна из квадратного, перекрученного в средней части дрота, концы оформлены гвоздевидной шляпкой и крючком (рис. 4: *3*).

Встречена: Дуб.: п. 17.

Подобные изделия известны в материалах пермских финнов [Финно-угры и балты, 1987, табл. LXIII: 16; Голдина, 1999, рис. 182].

Время появления погребения 17 определено не ранее XII в. на основании датировок овального кресала [Колчин, 1959, с. 99].

Подтип 1г – 1 экз. Концы выполнены в виде крючка и очень маленькой гвоздевидной шляпки (рис. 4: *4*).

Встречена: НС: п. 11.

Точных аналогий не обнаружено, но можно предположить, что это вариант гривен 1 типа, только без выраженной головки. Погребение 11 могильника Нижняя Стрелка может быть датировано «радимичской» гривной XI в. (см. ниже). Нахождение сразу двух гривен в одном комплексе – явление редкое для древнемарийских могильников.

В погребениях 22 Веселовского могильника, 83 Дубовского и 16 Нижней Стрелки найдены обычные «глазовские» гривны, но один конец оформлен грибообразной шляпкой, другой – тупой (обрублен?). Поэтому не представляется возможности отнести их к какому-либо подтипу.

В Веселовском могильнике, в погребении 22, шейная гривна найдена со спиралевидной фибулой с треугольным сечением, которые бытовали с X по конец XII в. [Древняя Русь, 1997, с. 72]. Здесь же имеются пластинчатые браслеты, встречающиеся с XI в. [Левашева, 1967а, с. 237; Кашкин, 2003, рис. 1: *22*, с. 121; Комаров, 2002, рис. 7, 8].

Тип 2 – 1 экз. Крученая серебряная гривна, концы гладкие, чуть загнутые (рис. 4: *5*).

Встречена: Дуб.: п. 32.

Подобные украшения больше нигде не встречены.

Тип 3 – 1 экз. Гривна из круглого бронзового или медного дрота, украшенного винтовой нарезкой по всей его длине, кроме концов. Концы разомкнуты и расплющены, имеют отверстия (рис. 4: *6*).

Встречена: Вес.: п. 25.

Прямых аналогий такой гривне не найдено.

Гривна происходит из погребения вместе с фибулой с маковидными головками, бытовавшей на Руси в XI – начале XII в. [Древняя Русь, 1997, с. 72], и звериноголовыми браслетами (см. ниже), которые не противоречат дате XI в.

Тип 4 – 1 экз. Медная или бронзовая гривна из круглого крученого дрота. Концы оформлены крючками (рис. 4: *7*).

Встречена: Дуб.: п. 30.

Аналогичная, но ложновитая гривна есть в материалах Армиевского могильника [Вихляев и др., 2008, рис. 15: *3*].

Такая гривна найдена в погребении 30, датируемом рубежом XI–XII вв. на основании датировок плетеных браслетов [Левашева, 1967а, с. 222], кроме того, здесь найдено овальное кресало, наличие которого в комплексе свидетельствует о поздней дате.

Тип 5 – 6 экз. Медные или бронзовые гривны из гладкого, круглого в сечении, тонкого дрота, с концом, оформленным грибовидной или многогранной шляпкой (рис. 4: *8*).

Встречены: 4 экз. из Лопьяльских находок; ЧК: пп. 5, 7.

Аналогии этому типу гривен имеются в материалах мордвы, где датируются IX–X вв. [Материалы по истории мордвы, 1952, табл. VI: 8].

Архипов Г.А. датирует погребение 5 IX–X вв. [1973, с. 68].

Тип 6 – 1 экз. Медная или бронзовая круглопроволочная гривна, один конец оформлен крючком, другой квадратной гвоздевидной шляпкой (рис. 4: *9*).

Встречена: НС: жк. 12.

Близкие аналогии ей есть в материалах мордвы в VIII–IX вв. [Вихляев и др., 2008, с. 16–22, рис. 12: *2*].

Происходит из комплекса вместе с витым завязанным браслетом X–XII вв. [Древняя Русь, 1997, с. 120]. Т.Б. Никитина предлагает датировать этот жертвенный комплекс концом XI – началом XII в. [Никитина, 2012, с. 69].

Тип 7 – 1 экз. Гривна из тонкого круглого в сечении дрота, концы которого раскованы, оформлены крючками и украшены орнаментом «волчий зуб» (рис. 4: *10*).

Встречена: Рус.: п. 17.

Точных аналогов найти не удалось, однако же оформлением дрота она схожа с изделиями Владимиро-Суздальской и Новгородской земель [Фехнер, 1967, с. 71–73], Белозерья и Поонежья [Макаров, 1997, с. 117], Костромского Поволжья [Рябинин, 1986, с. 60].

В комплексе имеется витой завязанный и пластинчатый браслеты, определяющие дату погребения XI в.

Тип 8 – 3 экз. Гривны из тонкого, треугольного в сечении пластинчатого дрота (центральная часть не раскована, круглая в сечении), концы которого заходят друг за друга и украшены многогранными или полукруглыми головками. Лицевая сторона раскованной части дрота украшена орнаментом «волчий зуб» (рис. 4: *11*).

Встречены: НС: пп. 3, 11; Рус.: п. 8.

В литературе за такими гривнами закрепилось название «радимичских». Распространены они в бассейне р. Сож [Фехнер, 1967, с. 64], но встречаются также на широкой территории Руси в памятниках X – начала XI в. [Фехнер, 1967, с. 78–79; Макаров, 1997, табл. 151: 3].

В погребении 3 Нижней Стрелки гривна встречена с петлеконечным витым браслетом XI в. [Левашева, 1967а, с. 222]. Погребения 8 Русенихинского могильника и 11 Нижней Стрелки датированы выше XI в.

Тип 9 – 8 экз. Железные дротовые гривны (рис. 4: *12*).

Встречены: Анатк.: п. 26; Дуб.: пп. 19, 40, 55; НС: пп. 2-а, 30, 38; Рус.: п. 11.

Из-за плохой сохранности невозможно проследить их форму, поэтому они условно объединены в один тип. Железные гривны были распространены в X–XI вв. на территории Северной Европы [Фехнер, 1967, с. 62–63; Кочкуркина, 1973, с. 23], а также на Руси [Древняя Русь, 1997, с. 66; Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 36]. Следует отметить, что находки таких украшений сосредоточены вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока [Древняя Русь, 1997, с. 66], причем М.В. Фехнер считает эти изделия продуктом скандинавского импорта [1967, с. 62–64].

В погребении 40 Дубовского могильника железная, круглая в сечении гривна найдена с пластинчатыми разомкнутыми узкими браслетами с расширяющимися прямосрезанными или округлыми концами, которые получили распространение в XI–XII вв. [Левашева, 1967а, с. 236–237, 251; Археология севернорусской деревни, 2008, с. 118]. В погребении 38 Нижней Стрелки железная гривна встречена с браслетообразным височным кольцом с завязанными концами. Такие височные кольца, как уже было отмечено, встречаются в XI–XII вв. [Левашева, 1967б, с. 40; Древняя Русь, 1997, с. 64]. Гривна из погребения 11 (датированного выше XI в.) Русенихинского могильника имеет следы обмотки (или спиралей) из латунной проволоки. Такая же гривна встречена в погребении 31 Нефедьевского могильника, которое датируется XI в. [Макаров, 1997, с. 125, 179, рис. 151: *5*].

Группа II. Проволочные.

Тип 1 – 2 экз. Бронзовая гривна из перевитых, круглых в сечении проволок. Концы ее оформлены в виде петли и крючка (рис. 5: *1*).

Встречены: Вес.: 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Рус.: жк. 14.

Похожие гривны можно встретить в древностях Новгородской и Владимиро-Суздальской земель [Фехнер, 1967, с. 71, 72].

Архипов Г.А. предположил, что гривна из раскопок Веселовского могильника 1929 г. обмотана лентой, имитирующей резьбу [Архипов, 1973, с. 21], но осмотр данного изделия в музее города Ветлуги Нижегородской области (шифр ВТМ 241/22) показал, что гривна свита из двух проволок. К сожалению, гривна представлена вне комплекса.

Жертвенный комплекс 14 Русенихинского могильника может быть датирован XI в. на основании датировок «звериноголовых» браслетов (см. ниже).

Тип 2 – 1 экз. Бронзовая гривна из перевитых проволок, концы оформлены грибовидными головками (рис. 5: *2*).

Встречена: Рус.: п. 18.

Аналогичные гривны имеются в материалах радимичей, где датированы XI в. [Седов, 1982, табл. XLVII: 12], в Брянской, Смоленской, Псковской, Тверской, Рязанской областях [Фехнер, 1967, с. 71, 83; Древняя Русь, 1997, с. 66].

Погребение 18 датировать затруднительно.

Тип 3 – 2 экз. Гривны из трех перевитых медных или бронзовых проволок (рис. 5: *3*).

Встречены: Дуб.: пп. 33, 43.

Концы их оборваны, поэтому они условно объединены в один тип. Возможно, что эти украшения относятся к какому-либо из представленных здесь типов витых гривен. Оба погребения, где встречены такие изделия, очень бедные, 43-е не содержит вещей, кроме гривны, а в 33-м имеются подражания дирхемам.

Тип 4 – 1 экз. Гривна, свитая из двух бронзовых проволок, концы раскованы, украшены орнаментом «волчий зуб» и оформлены в виде петли и крючка (рис. 5: *4*).

Встречена: НС: п. 4.

Аналогии этой гривне имеются в материалах XI–XII вв. Владимиро-Суздальской и Новгородской земель, Костромском Поволжье [Фехнер, 1967, с. 71–73, 84], Нефедьевского могильника [Макаров, 1997, с. 117, табл. 138: 9; 151: 1].

Гривна встречена в погребении с височным кольцом с заходящими концами и нанизанным бубенчиком с крестообразной прорезью. Такого типа височные кольца датируются второй половиной XI – началом XII в. (см. выше).

Тип 5 – 1 экз. Гривна, свитая из двух бронзовых проволок, концы раскованы, один обрублен, другой оформлен крючком (рис. 5: *5*).

Встречена: НС: п. 12.

Внешне она похожа на изделие предыдущего типа, но проще в оформлении. Прямых аналогий установить не удалось.

Погребение 12 не содержит вещей с твердой датировкой.

Тип 6 – 3 экз. Из одной проволоки (рис. 5: *6*).

Встречены: Дуб.: пп. 34, 50; НС: п. 24.

Найдено три экземпляра, изготовленных из различных металлов. В погребении 50 Дубовского могильника найдена бронзовая или медная

круглопроволочная гривна с сужающимися концами. Датирующих вещей в комплексе нет. В погребении 34 Дубовского могильника серебряная круглопроволочная гривна с сужающимися концами встречена с европейским денарием 1059–1071 или 1059–1086 гг. чеканки [Федоров-Давыдов, 1984, с. 165]. Гривна из круглой бронзовой или медной проволоки с завязанными концами происходит из погребения 24 Нижней Стрелки. Такого рода украшения, как отмечает М.В. Фехнер, были распространены среди сельского населения Руси в XI в. и использовались преимущественно в качестве стержня, на который насаживались бусы [Фехнер, 1967, с. 68], а также в материалах мордвы, где имеют широкую датировку [Вихляев и др., 2008, рис. 9: *24*; Петербургский, 2011, рис. 82, 94, 167]. В комплексе это украшение встречено с дирхемом 970-х гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 314].

Гривны, найденные на древнемарийских памятниках IX – начала XII в., имеют различное происхождение. Проблему представляют гривны «глазовского» типа. Как уже отмечалось, они встречены в Восточной Европе от Приуралья до Балтики, хотя западные образцы отличаются от изделий Урало-Поволжского региона оформлением головок [Финно-угры и балты, 1987, табл. III: 12; Фехнер, 1967, с. 56–59], вследствие чего мы не может связать древнемарийские гривны с западным импортом. Исключение может составлять изделие из погребения 15 Веселовского могильника, оно обломано, головка не сохранилась, а дрот, кроме нарезки, орнаментирован крестообразными насечками, как на гривне, опубликованной М.В. Фехнер [1967, рис. 7: *4*].

Архипов Г.А. в своей работе, основываясь на большом количестве находок «глазовских» гривен в погребениях древнемарийских могильников, выдвинул предположение о том, что Ветлужско-Вятское междуречье является одним из районов наибольшего распространения таких изделий [Архипов, 1973, с. 21]. Материалы последующих раскопок показали правоту этого предположения: такие изделия встречаются во всех рассмотренных могильниках.

Вопрос о том, изготавливались ли эти гривны на месте или их привозили, не имеет однозначного ответа. В пользу привозного характера говорят более ранняя датировка в материалах Приуралья, где они широко встречаются с IX в. [Иванов, 1998, с. 74–75], в то время как основная масса древнемарийских гривен датирована X–XI вв., упомянутое выше предположение о возможном производстве бронзовых гривен по образцам серебряных (привозных?), а также характер их ношения, имеются

случаи использования не в качестве шейного украшения, а в виде браслетов, путем сворачивания в два оборота или разрубания напополам (п. 5 Веселовского могильника, экземпляр из материалов раскопок могильника Черемисское Кладбище 1908 г.). Причем никакие другие гривны не использовались подобным образом. Против говорит распространенность «глазовских» гривен в комплексах рассматриваемых могильников, они являются одной из характерных черт материальной культуры марийского населения IX–XI вв.

Гривна подтипа 1в также имеет аналогии в приуральских материалах.

В древностях мордвы встречены гривны группы I типов 5, 6. Сложно сказать, являются ли они следствием торговых контактов, культурного влияния, общности происхождения мордвы и марийцев или их сходство – это случайность, обусловленная простотой технологических приемов изготовления.

Изделиям группы I типов 7, 8, 9, группы II типов 1, 2, 4, 6 есть широкие аналогии на территории Руси (преимущественно в северной части). Эти украшения уместно связать с древнерусским влиянием. Все гривны, имеющие аналогии на западе, встречены в марийских захоронениях XI в. (кроме некоторых железных, датировка которых затруднена).

Остальные типы шейных гривен с марийских могильников не имеют прямых аналогий, встречены в единичных экземплярах и, вероятно, представляют собой местные изделия.

Можно выделить три территории концентрации гривен различных типов, аналогичным изделиям из древнемарийских могильников. Наиболее значительной является Прикамье, где сосредоточено подавляющее большинство гривен «глазовского» типа. Районом их распространения можно считать также мордовские и муромские земли. Следующая территория, где встречены аналогии, – это земли между Белым озером, средним течением Оки и Костромским Поволжьем.

Подвески в составе ожерелья

Тип 1 – 9 экз. Подвески-всадницы (или всадники), изображающие человека на крылатом коне, который стоит на змее (рис. 6: *1*).

Встречены: Вес.: п. 8; Дуб.: пп. 4, 46, 51, 53, 56; Рус.: п. 4; НС: п. 27, жк. 4.

Подобные подвески известны в Среднем Прикамье и на Чепце (Вакинский, Загарский, Купрос, Баяновский, Качкашурский могильники, городище Дондыкар, Рябиновский клад) [Иванова, 1998, рис. 27; Иванов, 1998, рис. 56], в Нефедьевском [Макаров, 1997, с. 354], Танкеевском

могильниках [Казаков, 1992а, рис. 70: *15*], Приладожье, Прионежье [Голубева, 1962, рис. 5; Рябинин, 1981, с. 25–26], датируются в основном X–XI вв., но встречаются и в IX в. [Иванова, 1998, с. 140, 142; Голубева, 1979, с. 42]. Кроме того, имеется находка в Архангельской области [ОАК, 1918, с. 179], а самой западной находкой является экземпляр из-под деревни Вырица Ленинградской области [Голубева, 1979, с. 41–42]. Большинство изображений стилизовано, но на раннем экземпляре из Глазовского района отчетливо прорисованы детали, позволяющие утверждать, что здесь изображена женщина на крылатом коне, который стоит на змее [Смирнов, 1952, табл. LVIII: 4]. Территорией их происхождения традиционно считается Прикамье, где найдены самые ранние экземпляры [Голубева, 1979, с. 41–42]. Один экземпляр имеется в погребении 18 могильника Кузинские Хутора, которое нельзя интерпретировать в качестве марийского [Акилбаев, Никитина, 2017, с. 134–135].

Как отмечает Г.А. Архипов, Среднее Поволжье и Поветлужье стали третьим (наряду с Приладожьем и Прионежьем, а также Средней Камой и Чепцой) регионом распространения подобных изделий [Архипов, 1973, с. 22]. Почти все подвески-всадницы встречены в мужских погребениях.

Комплекс Веселовского могильника, содержащий подвеску, определен выше X – началом XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56]. По материалам Дубовского могильника такие подвески датируются следующим образом. В погребении 4 обнаружена монета 936–937 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 316]. Серединой X в. его датирует Г.А. Архипов [1973, с. 63]. Погребение 46 – монету 913–943 гг. чеканки [Федоров-Давыдов, 1984, с. 161], погребение 51 может быть датировано X–XI вв. на основании датировок топора-чекана [Кирпичников, 1966б, с. 32] и металлической чаши [Никитина, Руденко, 1992, с. 59]. В погребении 53 имеется четырехгранный браслет со спиральной завязкой на концах, датируемый X–XI вв. [Левашева, 1967а, с. 248]. Погребение 56 содержит монету 994–995 гг. [Федоров-Давыдов, 1984, с. 162]. В погребении 27 могильника Нижняя Стрелка найдены дирхемы 927–928 и 970-х гг. чеканки [Никитина, 2002. с. 315], в жертвенном комплексе 4 – фибула с многогранными головками в виде усеченной пирамиды со срезанными углами, датируемая X – первой половиной XI в. [Мальм, 1967, с. 159–161, 181–182; Древняя Русь, 1997, с. 72], биконьковая подвеска X–XI вв. [Голубева, 1966, с. 94], грушевидные бубенчики, встречающиеся на Танкеевском могильнике IX–X вв. [Казаков, 1971, с. 141]. Комплекс можно датировать X в.

Погребение 4 Русенихинского могильника датировать затруднительно, оно не содержит четко датирующих вещей, однако его материал (гривна «глазовского» типа, граненые браслеты с циркульным орнаментом) укладывается в хронологические рамки X–XI вв.

Таким образом, по материалам древнемарийских могильников подвески датируются X–XI вв.

Тип 2. Круглые подвески.

Подтип 2а – 11 экз. Круглые (монетовидные) подвески, имеющие (за редким исключением) орнамент (рис. 6: *2, 3*).

Встречены: Вес.: пп. 2, 23 (2 экз.), 24 (2 экз.); Дуб.: п. 30; НС: п. 40 (3 экз.), жк. 9; ЧК: п. 15.

На некоторых изделиях пунктиром нанесен узор, состоящий, как правило, из прямых линий. Подвеска из погребения 2 Веселовского могильника украшена пунктирным орнаментом в виде птицы [Халиков, Безухова, 1960, рис. 20: *1*].

Круглые подвески есть в Костромском Поволжье [Рябинин, 1986, табл. IV], в Больше-Тарханском [Генинг, Халиков, 1964, табл. XIV], Танкеевском могильниках [Казаков, 1992а, рис. 65: *2, 3*], на территории Руси [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 120: *1–6*; Древняя Русь, 1997, рис. 53], в материалах удмуртов [Иванова, 1992, рис. 12: *37*; 1982, рис. 5], корелов [Кочкуркина, 1981, табл. 3: 1, 2, 5], ливов [Финно-угры и балты, 1987, табл. IX: 24], в Верхнем Прикамье [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXVIII: 17, 18, 21; Голдина, 1985, табл. XIX: 15–18], но точных аналогий найти не удалось. Г.А. Архипов, со ссылкой на Е. Кивикоски [Kivikoski, 1951], аналогии монетовидным подвескам с чеканными точками по краям указывает в Финляндии [Архипов, 1973, с. 24]. Датируются по материалам Веселовского могильника следующим образом. Погребение 2 содержит «звериноголовые» браслеты XI – начала XII в. [Седова, 1981, с. 112]. Погребение 23 содержит лировидную пряжку, известную по новгородским находкам с XI в. [Седова, 1981, с. 144]. Погребальный комплекс 24 содержит монету 944–945 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 313], но в комплексе найдены овально-удлиненное кресало, которое появляется в XII в. [Колчин, 1959, с. 99], и лировидная пряжка XI–XII вв. [Седова, 1981, с. 114]. Вероятно, погребение относится к началу XII в. В материалах Черемисского Кладбища такие подвески встречены с витыми завязанными браслетами, свитыми из 3 проволок, которые широко представлены на древнерусских памятниках X–XII вв. [Древняя Русь, 1997, с. 74; Макаров, 1997, с. 120].

Все монетовидные подвески, найденные в комплексах древнемарийских могильников, датируются не ранее XI в. Отсутствие полных аналогий и простота изготовления могут свидетельствовать о местном производстве этих украшений. Различного вида монетовидные подвески встречены и в марийских могильниках XII–XIII вв. [Архипов, 1986, рис. 21: *29*, 23: *28*, 24: *11, 12*].

Подтип 2б – 53 экз. Подвески-дирхемы. Многие дирхемы, найденные в погребальных комплексах, пробиты и, вероятнее всего, использовались в качестве подвесок. Об этом говорит и нахождение некоторых из них в области груди.

Встречены: Вес.: пп. 22 (2 экз.), 25 (7 экз.), 27 (4 экз.); Дуб.: пп. 33, 34, 40 (7 экз.), 45 (2 экз.), 46 (6 экз.), 47 (2 экз.), 62, 66 (4 экз.); НС: пп. 5, 27 (4 экз.), 36 (?), 40 (3 экз.); Рус.: п. 16, жк. 6 (2 экз.), 15, 2 экз. из подъемного материала; Рут: п. 1.

Не исключено, что не все представленные дирхемы были в составе ожерелий. Возможно также, что часть дирхемов, использовавшихся в качестве подвесок, не вошла в этот перечень. Объясняется это трудностью интерпретации дирхема в качестве подвески нагрудного украшения.

Монеты сами по себе служат датирующим для комплекса материалом, однако чаще всего время их чеканки не соответствует датировке погребения.

В Веселовском могильнике в погребении 22 дирхемы встречены с бубенчиком, датируемым концом X – началом XII в. [Мальм, Фехнер, 1967, с. 136], витым браслетом с завязанными концами, встречавшимся в памятниках X–XII вв. [Древняя Русь, 1997, с. 74; Макаров, 1997, с. 120], пластинчатым браслетом с расширяющимися концами, бытовавшим в XI–XII вв. [Левашева, 1967а, с. 237]. Погребение, таким образом, может быть датировано XI в., вероятнее, второй его половиной. Однако дата самих дирхемов не определена. В погребении 25 найдена фибула с маковидными головками, бытовавшая на Руси в XI – начале XII в. [Древняя Русь, 1997, с. 72]. На основании фибулы и пластинчатых браслетов с расширяющимися концами время этого комплекса определяется XI в. Однако дирхемы также не датированы. Погребение 27 содержит дирхем 1001–1002 гг. чеканки. Здесь же найдены браслетообразные височные кольца с завязанными концами XI–XII вв. [Левашева, 1967б, с. 40; Седов, 1982, табл. XLVIII, XLIX; Древняя Русь, 1997, с. 64]. Комплекс уверенно датируется XI в. По материалам Дубовского могильника датировки следующие. Погребение 33 – дирхемы не прочитаны. Комплекс малоинвен-

тарный и не содержит вещей с твердой датировкой. Погребение 40 – ни один из семи дирхемов не датирован. Здесь найдена железная, круглая в сечении гривна, распространенная в X–XI вв. [Фехнер, 1967, с. 62–63], пластинчатые разомкнутые узкие браслеты с расширяющимися прямосрезанными или округлыми концами, которые получили распространение в XI–XII вв. [Левашева, 1967, с. 236–237, 251; Археология северно-русской деревни, 2008, с. 118; Макаров, 1997, с. 342]. Погребение датируется XI в. Остальные дирхемы чеканены в 966–974 гг. (п. 45), 913–943 гг. (п. 46, дирхем имеет ушко для подвешивания), 933–941 гг. (п. 47), 938–939, 933–941, 940–941 гг. (п. 66). В 47 погребении имеется недатированный дирхем, однако указано, что он относится к правлению Нуха ибн Насра, который правил в 943–954 гг. или Насра ибн Ахмеда 914–943 гг. правления. К правлению Наср ибн Ахмеда относится и дирхем из 66 погребения. Вещей с твердой датировкой погребения 45, 46, 47, 66 не содержат. Датировки по комплексам могильника Нижняя Стрелка: погребение 5 содержит дирхем 909–910 гг., но само погребение может быть датировано началом XII в. [Никитина, 2002, с. 193–194]; в погребении 27 дирхемы определены 927–928 и 970 гг., два других дирхема не определены; в погребени 36 дирхем 940 г., происходящий из Волжской Булгарии [Никитина, 2002, табл. 25].

Таким образом, из приведенных датировок следует, что монета надежно может определить только нижнюю дату комплекса.

Подтип 2в – 1 экз. Круглая подвеска большого диаметра (рис. 6: *4*).

Встречена: НС: п. 15.

Бляха крупная (6 см в диаметре) и украшена псевдозернью. Учитывая общее богатство комплекса и наличие в нем меча, можно предположить, что эта бляха является статусной вещью, отражающей положение ее обладателя в обществе. Аналогии этому украшению не известны.

Погребение 15 датируется XI в. по плетеным завязанным браслетам [Монгайт, 1961, с. 119; Археология северно-русской деревни, 2008, с. 118], остальные предметы укладываются в X–XI вв. (меч, калачевидное кресало, «усатые» перстни, завязанный витой браслет).

Тип 3 – 1 экземпляр. Подвеска в виде шестиконечной звезды, украшенной чеканкой из точек, образующих несколько окружностей (рис. 6: *5*).

Встречена: Коч.: п. 5.

Точных аналогий найти не удалось, погребение датировано выше.

Тип 4 – 10 экз. В виде птицы (рис. 6: *6–8*).

Встречены: Анатк.: яма № 1; Вес.: пп. 13, 26, 29, 33, 1 экз. из сборов; Выж.: жк. 16; Дуб.: п. 58; Рус: 1 экз. из сборов; ЧК: 1 экз. из сборов 1908 г.

Изображения птиц встречаются в Верхнем Прикамье [Голдина, Кананин, 1989, рис. 53: *28*; 71: *23*; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXIX: 1; Голдина, 1985, табл. XX: 24], на Чепце [Иванова, 1992, рис. 14: *1, 2*], на Урале и за Уралом [Финно-угры и балты, 1987, табл. LXXVIII: 33, 40, XCVIII: 11, 14, 18, 19, 21]. Изображение лица на теле птицы характерно для Верхнего Прикамья [Смирнов, 1952, табл. LXIV, LXV]. Появление подвесок в виде птицы в материалах древнемарийских могильников, очевидно, стоит связывать с прикамским влиянием и с местными традициями [Никитина, 2017б, с. 98].

В Веселовском могильнике такие подвески встречены в погребении 13 с фибулой с многогранными головками X – первой половины XI в., складной расческой X – первой половины XI в. [Древняя Русь, 1997, с. 21], височным кольцом с замотанными проволокой прямыми концами XI в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 101] (п. 26), «звериноголовыми» браслетами XI – начала XII в. [Седова, 1981, с. 112] (п. 29). Комплекс Дубовского могильника Т.Б. Никитиной на основании бус и элементов пояса датируется концом X – началом XI в. [2012, с. 71].

Тип 5 – 1 экз. Подвеска в виде арки с пятью полукруглыми выступами с отверстиями в нижней части и петелькой в верхней. На лицевой стороне изображены две птицы (рис. 6: *9*).

Встречена: ЧК: 1 экз. из сборов 1908 г.

Аналогии этому изделию указать затруднительно. Однако Г.А. Архипов считает, что к этой подвеске близка бляха из Змеиногорска, опубликованная А.А. Спицыным, который сближает ее с подобными бляхами из Харьковской области и Кавказских могильников VIII–IX вв. [Архипов, 1973, с. 23; Спицын, 1906, с. 32, рис. 6].

Тип 6 – 1 экз. Подвеска в виде креста (рис. 6: *10*).

Встречена: Вес.: 1 экз. из сборов.

Этот тип крестов в литературе получил название скандинавских. Бытуют они в XI в. на территории Руси [Древняя Русь, 1997, с. 173, табл. 103: *12*], в памятниках корелы [Финно-угры и балты, 1987, табл. XV: 9], одна такая подвеска есть в материалах Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 189: *15*].

Тип 7 – 1 экз. Пластинчатая подвеска с орнаментом в виде концентрических кругов. Возможно, это стилизованный вариант лунницы (рис. 6: *11*).

Встречена: Юм.: 1 экз. из сборов.

Похожая подвеска известна в материалах поломской культуры [Финно-угры и балты, 1987, табл. LX: 16], но она отличается пропорциями и оформлением.

Тип 8 – 2 экз. Подвески в виде когтя (топора?). В основании имеют бусину – пронизку, от нее отходит металлическое изображение когтя или топорика с длинной лопастью, украшенное зернью (рис. 6: *12*).

Встречены: Вес.: пп. 26, 33.

Точных аналогий найти не удалось, однако такое же изделие есть в погребении 17 (XII в.) марийского Выжумского III могильника.

Погребение 26 Веселовского могильника датировано выше XI в. Погребение 33 датировать затруднительно.

Тип 9. Раковины-каури.

В силу плохой сохранности и зачастую игнорирования находок раковин в научных отчетах, затруднительно назвать точное их количество. Неоднократно найдены в составе ожерелий. Такие раковины добывались в Индийском океане [Мугуревич, 1965, с. 59].

Тип 10 – 1 экз. Подвеска в виде полумесяца с утолщением в центре (рис. 6: *13*).

Встречена: Вес.: 1 экз. из сборов.

Аналогии имеются в материалах мордвы [Финно-угры и балты, 1987, табл. XLVII: 16], муромы [Бейлекчи, 2005, рис. 20].

Архипов Г.А. приводит [1973, с. 22] в качестве подвески изделие в виде стилизованного зверя из погребения 27 Веселовского могильника. Однако более подробное ознакомление с этой вещью показало, что она является фрагментом навершия биметаллического кресала (похожие кресала есть в Дубовском и Веселовском могильниках) и найдено в стороне от костяка, поэтому вряд ли могло использоваться в составе ожерелья.

Тип 11 – 2 экз. Подвеска в виде свернувшейся змеи (рис. 6: *14*).

Встречена: ЧК: п. 14; Рус.: п. 17.

Встречаются и в более поздних марийских материалах – в погребениях 18 и 24 Выжумского могильника.

Подвеска представляет собой скрученную в спираль проволоку, один конец заострен, другой раскован в виде головы змеи. Прямые аналогии назвать затруднительно.

Нагрудные украшения

В основу классификации нагрудных украшений положена классификация Г.А. Архипова. Критерием разделения вещей по типам является форма щитка украшения.

Тип 1 – 26 экз. Коньковые с трапециевидным щитком, составленным из проволок. В верхней части украшение оканчивается имитацией конских головок, а в нижней имеются привески. Носились попарно (рис. 7: *1*).

Встречены: Вес.: пп. 6, 12, 13, 16, 20; Дуб.: п. 14; КХ: 3 экз. из колл. Шахова; НС: пп. 19, 29, жк. 7; Рус.: п. 6, жк.7 (1 экз.); 2 экз. из Кантауровского могильника.

По мнению Г.А. Архипова такие украшения являются специфическими для могильников Ветлужско-Вятского междуречья [1973, с. 26]. Однако аналогии им имеются в материалах муромы (Урвановский, Малышевский и Подболотьевский могильники), а также в погребении муромки в Танкеевском могильнике. Л.А. Голубева также соглашается с тем, что подобные украшения являются этническим украшением марийцев [Голубева, 1979, с. 51, табл. 22: 2]. В погребении 143 Малышевского могильника одна подвеска прикреплена к гривне, другая лежала на плече, в погребении 253 Подболотьевского могильника подвеска находилась ниже пояса, что свидетельствует о разном способе ношения подвесок у марийцев и муромы (в марийском костюме такие подвески носились на груди, попарно, соединенные перекинутым через шею шнуром или цепочкой) [Голубева, 1979, с. 51].

В Веселовском могильнике вещевой комплекс погребений 6 и 12 определяется Г.А. Архиповым X–XI вв. [1973, с. 67]. В погребении 13 трапециевидные подвески положены как дар. Оно мужское и датировано выше X–XI вв. Выше концом X – первой половиной XI в. датировано и погребение 16. Время погребения 20 по биметаллическому кресалу можно определить X в., так как в IX в. они не встречены [Голубева, 1964, с. 125–126; Крыласова, 2007, с. 185], здесь же есть пластинчатое нагрудное украшение X в. [Вихляев и др., 2008, с. 146], о котором речь пойдет ниже. В Дубовском могильнике инвентарь погребения 14 (гривна глазовского типа, височные кольца с отогнутым концом) укладывается во временные рамки X–XI вв. Т.Б. Никитина на основании глазчатых бус определяет время этого комплекса концом X – началом XI в. [2012, с. 71]. Рассматриваемые коньковые подвески встречены в могильнике Нижняя Стрелка со «звериноголовыми» браслетами XI – начала XII в. [Седова, 1981, с. 112] (п. 19), с прямоугольной с вырезом поясной накладкой, датирующейся по наблюдениям Е.П. Казакова X в. на основании датировок погребения 25 Киевского некрополя, где они также найдены [Каргер, 1958, табл. VII: 4; Казаков, 1991, с. 138]. Коньковые подвески по материалам погребения 6 Русенихинского могильника встречаются в X–

XI вв. на основании датировок биметаллического кресала с изображением человека между двумя птицами [Крыласова, 2007, с. 185], монеты 892–907 гг. [Мухамедшин, Гомзин, 2018, с. 242; Никитина, 2018б, табл. 5] (п. 6) и пластинчатых браслетов с разомкнутыми расширяющимися прямосрезанными концами, которые получили распространение в XI–XII вв. [Левашева, 1967а, с. 236–237, 251] (жк. 7).

Приведенные даты говорят о том, что рассмотренные украшения нашли применение в марийском костюме в X–XI вв.

Одна литая подвеска из коллекции Шахова имеет более миниатюрные размеры, по сравнению с остальными. По нижнему краю расположено пять колец с лапчатыми привесками (рис. 7: *2*). Точных аналогий ей не известно.

Тип 2 – 1 экз. Украшение, основу которого составляет прямоугольный щиток, над которым расположены две загнутые стойки, возможно, имитирующие головы животных (рис. 7: *3*).

Встречено: Юм.: сборы 1891 г.

Аналогии таким нагрудным украшениям встречены в материалах муромы (Кочкинский могильник) [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXIV: 1].

Тип 3 – 13 экз. С круглым ажурным щитком. Основу составляет округлый щиток, к которому крепятся различные привески (рис. 7: *4, 5*).

Встречены: Вес.: пп. 15, 26, 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: п. 77; Рус.: пп. 2, 6, жк. 14; НС: пп. 10 (2 экз.), 19, жк. 13; ЧК: пп. 14, 15.

Аналогии этим вещам известны в материалах муромы X – начала XI в. [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXV: 3]. Изделия, похожие на украшение из жертвенного комплекса 13 могильника Нижняя Стрелка (рис. 7: *4*), имеются в материалах мордвы [Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010, рис. 47: *2*].

Несколько отличается изделие из погребения 26 Веселовского могильника [Архипов, 1973, рис. 22: *7*]. Это украшение представляет собой круг, орнаментированный зернью и шнуровым орнаментом. Такие украшения более характерны для марийских материалов XII–XIII вв. [Архипов, 1986, рис. 25: *5*].

Погребение 15 Веселовского могильника датировано А.Х. Халиковым X – началом XI в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 56]. Погребение 26 датировано выше XI в. Жертвенный комплекс 13 имеет ранний облик, его время приходится на рубеж IX–X вв. [Никитина, 2012, с. 66]. Погребение 2 Русенихинского могильника датируется на основании биметаллического кресала в виде стилизованных всадников, скачущих в противоположные

стороны – X – первой половиной XI в. [Крыласова, 2007, с. 185]. Время появления жертвенного комплекса 14 может быть определено XI в. на основании дат пластинчатых браслетов с расширяющимися концами и звериноголовых браслетов (см. ниже). Погребения 14 и 15 Черемисского Кладбища датированы выше не ранее XI в.

Тип 4 – 1 экз. Круглая бляха, окантованная по краю отверстиями в виде капель, снизу – десять конусовидных привесок (рис. 7: *6*).

Встречена: ЧК: п. 1.

Аналог этому изделию есть в материалах Плесковского могильника [Спицын, 1902, табл. XXII: 21].

Погребение 1 отличается ранней датой. Г.А. Архипов совершенно справедливо датировал его VIII – началом IX в. на основании дат крупных конических привесок, длинных трубчатых пронизок, головного венчика [Архипов, 1973, с. 67].

Тип 5 – 1 экз. Бляха в виде центрального умбона, который соединен с наружным диском тройными «спицами» (рис. 7: *7*).

Встречена: Вес.: п. 29.

Погребение 29 Веселовского могильника Г.А. Архипов датирует XI в. [1973, с. 67].

Аналог этому изделию найти не удалось.

Тип 6 – 1 экз. Фрагмент округлой бляхи (рис. 7: *8*).

Встречен: Дуб.: сборы.

Такие бляхи характерны для финского населения Среднего Поволжья и Оки до XI в. [Петербургский, Аксенов, 2006, с. 46], известны они в материалах мордвы [Петербургский и др., 2010, рис. 35: *14;* 38: *16*; Вихляев и др., 2008, рис. 46: *1*; Петербургский, Аксенов, 2006, рис. 8], мери [Горюнова, 1961, рис. 55: *14*], муромы [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXIV: 12]. Есть и в ранних марийских материалах [Финно-угры и балты, 1987, табл. XLIX: 3].

Тип 7 – 1 экз. Украшение с вытянутой пластинчатой основой. По нижнему краю имеются восемь отверстий для привесок (рис. 7: *9*).

Встречено: Вес.: п. 20.

Подобные вещи известны в материалах мордвы [Петербургский и др., 2010, рис. 23: *35*; Финно-угры и балты, 1987, табл. XLVI: 4–6; Петербургский, Аксенов, 2006, рис. 6, 12, 14], где крепились к одежде с помощью сюльгамы [Петербургский, Аксенов, 2006, рис. 6, 12, 14]. Датируются они по мордовским материалам X в. [Вихляев и др., 2008, с. 146]. Г.А. Архипов со ссылкой на А.П. Смирнова и М.Ф. Жиганова

пишет о том, что такие подвески встречены в материалах муромы и датируются не позднее IX в. [Архипов, 1973, с. 27].

Архипов Г.А. датировал комплекс IX–X вв. [1973, с. 65–66]. Однако, основываясь на времени бытования коньковых трапециевидных подвесок, дату комплекса можно ограничить X в.

Тип 8. С арочными щитками.

Подтип 8а – 20 экз. Основа сплошная, часто украшена чеканным орнаментом (рис. 8: *1–3*).

Встречены: Бор.: 1 экз.; Вес.: пп. 5 (4 экз.), 15 (2 экз.), 17–18 (2 экз.); Дуб.: пп. 71 (2 экз.) и 79 (2 экз.); КХ: п. 9 (2 экз.); НС: пп. 17 (2 экз.), 25 (1 экз.), жк. 10 (2 экз.).

Аналогии известны в материалах неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXVI: 15, 18], Верхнего Прикамья в целом [Голдина, Кананин, 1989, рис. 51: *6*], на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис. 31: *10, 11*]. Арочные подвески широко распространены по лесной зоне Европейского Севера России до Нижнего Приобья [Архипов, 1973, с. 27].

Время погребения 5 Веселовского могильника определено Т.Б. Никитиной началом X в. [2012, с. 62]. Погребение 15 Веселовского могильника датировано выше X – началом XI в., а 17–18 – X в. Погребение 71 Дубовского могильника содержит дирхем 928–929 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 321]. Погребение 79 датировать затруднительно, но его инвентарь (топор-чекан, калачевидное кресало, серьги салтовского типа) укладывается во временные рамки X–XI вв. Погребальный комплекс 17 Нижней Стрелки содержит рубчатоконечный «усатый» перстень, датируемый XI–XIII вв. [Седова, 1981, с. 130]. Погребение 25, по мнению Т.Б. Никитиной, имеет ранний облик и датируется VIII–IX вв. [2002, с. 193]. Жертвенный комплекс 10 содержит прямоугольную с вырезом поясную накладку, датирующуюся X в. (см. ниже).

Изделия в погребениях 71 и 79 Дубовского могильника найдены в районе висков. Интерпретация этих украшений в качестве височных выдвинута Г.А. Архиповым [1984, с. 119], однако, как уже упоминалось, в рассматриваемый период примеров употребления таких украшений в качестве височных нет.

Подтип 8б – 12 экз. Основа с прорезями (рис. 8: *4–6*).

Встречены: Вес.: п. 4 (2 экз.), 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Коч.: п. 1; КХ: пп. 10 (2 экз.), 25 (2 экз.); НС: жк. 13 (2 экз.); Юм: п. 8.

Аналогичные украшения имеются в материалах поломско-чепецких памятников IX в. [Иванов, 1998, рис. 19: *14*], в верховьях Камы в IX в.

[Голдина, Кананин, 1989, рис. 51: *7, 16, 17, 18*; 70: *17, 18*; Голдина, 1985, табл. XV], в материалах Танкеевского могильника [Казаков, 1992а, рис. 64: *4, 7*], в Бекешевском могильнике на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис. 31: *10, 11*].

Погребение 4 Веселовского могильника датировано выше X в., а жертвенный комплекс 13 могильника Нижняя Стрелка – рубежом IX–X вв. Время погребения 1 Кочергинского могильника определить затруднительно. А.П. Смирнов датировал его X в. [1949, с. 89–94]. Н.А. Лещинская отнесла к IX в. [1995, с. 97–98]. В погребении 8 Юмского могильника найден пластинчатый браслет с отогнутыми концами второй половины VIII – первой половины IX в. [Генинг, 1962, табл. II: 11; Семенов, 1980, табл. III: 7, 8, 10].

Таким образом, нагрудные подвески с арочными щитками появляются в Ветлужско-Вятском междуречье достаточно рано, в целом бытуют в IX–X вв., но, вероятно, в незначительном количестве сохраняются и в XI в.

Тип 9. Каплевидные (подтреугольные) подвески с петлями для привесок.

Они разбиты на подтипы, в основу которых положены разработки Л.А. Голубевой [1982].

Подтип 9а – 2 экз. Каркас щитка подвески изготовлен из двух витых и спаянных проволок (рис. 8: *7*).

Встречены: НС: жк. 4; ЧК: п. XIII.

Голубева Л.А. отмечает, что эти подвески попали на марийскую территорию с Оки. В отличие от мордовского и муромского варианта ношения (шумящие привески навешаны непосредственно на петли), в марийском костюме они крепились на цепочках, согласуясь с местной традицией [Голубева, 1982, с. 114].

Погребение XIII по Г.А. Архипову датируется X в. [1973, с. 68]. Жертвенный комплекс 4 выше датирован X в.

Подтип 9б – 5 экз. Щиток подвески выполнен из гладких спаянных проволок (рис. 8: *8*).

Встречены: Дуб.: п. 52; Рус.: п. 14 (4 экз.).

Один экземпляр из Русенихинского могильника имеет насечки [Никитина, 2018б, рис. 11: *10*].

Ближайшие аналоги имеются в материалах могильника Сунгирь под Владимиром, где датируется IX–X вв., в курганах Владимирской, Ярославской, Тверской, Ивановской областей и считаются типичным эле-

ментом материальной культуры мери IX–XII вв. [Голубева, 1982, с. 117]. Такие изделия часто встречаются в древнемарийских могильниках XII–XIII вв. [Архипов, 1986, рис. 24: *7*; 26: *4*].

Погребение 52 Дубовского могильника может быть датировано по двум дирхемам 933–941 и 920–950-х гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 320].

Подтип 9в – 11 экз. Щиток подвески из витых и спаянных проволок закруглен в основании (рис. 8: *9*).

Встречены: Вес.: пп. 1, 26, 33; Рус.: жк. 15; ЧК: пп. VI, 14; Юм.: пп. 6 (3 экз.), 7 (2 экз.).

Данные подвески относятся ко второму варианту пятого типа по Л.А. Голубевой, который отличается наличием на изделиях зерни. Аналогии имеются в могильнике Мыдлань-шай [Генинг, 1962, табл. VI: 15] и в погребениях 440, 601 Танкеевского могильника [Казаков, 1971, табл. XV: 8, 10]. Причем, по наблюдениям Л.А. Голубевой, к щитку подвески из 601 погребения прикреплены типично марийские цепочки из овальных проволочных звеньев. Таким образом, можно предположить местное производство этого типа подвесок [Голубева, 1982, с. 119].

Погребение VI Черемисского Кладбища содержит дирхем 916–917 гг. чеканки [Никитина, 2002, с. 312]. Погребение 14 датировано Т.Б. Никитиной (как было указано выше) временем не ранее начала XI в. [Никитина, 2010а, с. 150]. Время погребения 7 Юмского могильника может быть определено IX в. на основании датировок наконечника стрелы, встреченного в этом погребении. Наконечник имеет вытянутую форму и прямые, параллельные друг другу плечики, которые резко соединяются на конце, образуя острие. Подобный наконечник известен в могильнике Мыдлань-Шай и датируется VIII–IX вв. [Медведев, 1966, с. 109, табл. 12, рис. 35]. Кроме того, здесь найден узкий топор с двумя парами треугольных щековиц, типа VIII по А.Н. Кирпичникову. Указанный исследователь отмечает архаичность этой формы топора для X–XI вв., а период его наибольшего распространения приходится на V–IX вв. [Кирпичников, 1966б, с. 38].

Тип 10 – 1 экз. Подвеска с прямоугольной основой. В центре девять выпуклин. По верхнему краю расположены треугольники зерни, а по нижнему петельки и подвески (рис. 8: *10*).

Встречена: НС: п. 7.

Аналогии есть в материалах муромы IX – начала X в. [Гришаков, Зеленеев, 1990, рис. 8: *26*], на территории Удмуртии (случайная находка в бывшем Глазовском уезде) [Иванов, 1998, рис. 59: *9*].

В погребении 7 могильника Нижняя Стрелка найден пластинчатый браслет с отогнутыми концами, датированный выше второй половиной VIII – первой половиной IX в. Исходя из этого время появления комплекса – IX в. Такую же дату предлагает и Т.Б. Никитина [2012, с. 66].

Тип 11 – 1 экз. В виде стилизованного изображения конька (рис. 9: *1*).

Встречена: Вес.: п. 29.

Подобные подвески известны в материалах мери X–XI вв. [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXIX, 12; Леонтьев, 1996, рис. 73: *1*; 94: *1*; Рябинин, 1997, рис. 42: *5, 6*].

Погребение 29 содержит «звериноголовые» браслеты, датируемые в основном XI – началом XII в. [Седова, 1981, с. 112].

Тип 12. Биконьковые подвески. В виде двух конских голов, смотрящих в разные стороны, на основании имеются отверстия, к которым крепятся подвески на цепочках. Носились парой.

В основу классификации коньковых подвесок положена классификация Л.А. Голубевой [1966].

Подтип 12а – 2 экз. Подвески с сильно вытянутой, суженой средней частью (рис. 9: *2*).

Встречены: Вес.: п. 3 (2 экз.).

Аналогии не известны.

Подтип 12б – 5 экз. С небольшими треугольными или округлыми отверстиями в основании и у петли для привешивания (рис. 9: *3*).

Встречены: Вес.: 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: п. 74 (2 экз.); НС: жк. 4 (2 экз.).

Жертвенный комплекс 4 Нижней Стрелки датирован выше X в. Погребение 74 Дубовского могильника датировать затруднительно.

Подтип 12в – 2 экз. Отличаются от предыдущего подтипа отсутствием отверстия у основания (рис. 9: *4*).

Встречены: КХ: п. 23 (2 экз.).

По изображению животных подвески подтипов 12б и 12в близки изделиям варианта 4 типа V классификации Л.А. Голубевой, датированных началом X в. [1966, с. 94, рис. 7: *18*]. Увеличение числа привесок до 6 по древностям родановской культуры считается признаком более поздним [Крыласова, 2001, с. 66].

Погребение 23 может быть датировано по «усатому» перстню с узким щитком без валика, украшенным орнаментом «волчий зуб». Такие перстни в марийских материалах известны с XI в. (см. ниже).

Подтип 12г – 7 экз. С прорезью в виде замочной скважины, на петле подвесок изображена личина (рис. 9: *5*).

Встречены: Анатк.: п. 10; Дуб.: п. 58 (2 экз.); Рус.: п. 11 (2 экз.); ЧК: п. XI (2 экз.).

Аналогии есть в материалах курганов у деревни Заозерье [Голубева, 1979, с. 44] и в Верхнем Прикамье, где датированы XI в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 381, рис. 187: *16*].

В материалах марийских памятников подвески с личиной встречены в погребении 58 Дубовского могильника X – начала XI в. и в погребении 11 Русенихинского могильника, которое датировано выше XI в.

Подтип 12д – 7 экз. С прорезью в виде замочной скважины, окаймленной «жемчужным» орнаментом (рис. 9: *6*).

Встречены: Вес.: п. 17–18 (2 экз.); Рус.: п. 6 (2 экз.), 1 экз. из сборов; 2 экз. из Лопьяльских находок.

В погребениях 11 Нижней Стрелки и 38 Дубовского могильника имеются кресала, изготовленные из коньковых подвесок. Они близки подтипу 12д, но отличаются отсутствием «жемчужного» орнамента (вместо него имеются ряды прямоугольных полос).

Такие изделия имели широкое распространение в IX–XI вв. от Швеции до Оби, концентрация их приходится на Прикамье [Голубева, 1979, с. 44]. Встречены в Большетиганском, Танкеевском могильниках [Халикова, 1976, рис. 8: *17–19*; Казаков, 1971, с. 140, табл. XV: 5, 6; 1992а, рис. 64], Чишминском могильнике [Казаков, 1978, рис. 5: *11*], в Биляре и Болгаре [Город Болгар, 1996, рис. 64: *1*; Голубева, 1979, с. 44], в Стерлитамакском могильнике на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис. 49: *8*; 50: *15*], в Верхнем Прикамье [Голдина, 1985, табл. XIV; Финно-угры и балты, 1987, табл. LXIV: 10, LXV: 9], в Крюково-Кужновском могильнике [Голубева, 1979, с. 44], в материалах веси [Голубева, 1979, с. 44, Финно-угры и балты, 1987, табл. XX: 21], в материалах Усть-Ишимской культуры [Финно-угры и балты, 1987, табл. LXXXII: 21], на Чепце [Иванова, 1998, рис. 55: *32*], в курганах у деревни Заозерье [Голубева, 1979, с. 44].

Погребение 17–18 Веселовского могильника датировано выше X в. Погребение 6 – одно из самых ранних на Русенихинском могильнике. Здесь имеется монета 892–907 гг. [Мухамедшин, Гомзин, 2018, с. 242; Никитина, 2018б, табл. 5], биметаллическое кресало X – первой половины XI в. [Крыласова, 2007, с. 184]. X в. датирует это захоронение и Т.Б. Никитина [2018б, с. 67].

Подтип 12е – 1 экз. Небольшое по размеру изделие, имеющее треугольное со сглаженными углами отверстие и четыре лапчатых привески на цепочках. В отличие от других коньковых подвесок, встречена в комплексе в единичном экземпляре и, по-видимому, была частью ожерелья (рис. 9: *7*).

Встречено: Рус.: п. 18.

Аналогий такому изделию обнаружить не удалось.

Тип 13 – 2 экз. Наборные подвески с ажурным прямоугольным щитком (рис. 9: *8*).

Встречены: НС: жк. 10.

Один по бокам оформлен стилизованными головами коней, второй представляет собой просто прямоугольник.

Известны такие украшения в древностях всех волжских финнов, но характерны для мордвы. Первый экземпляр по мордовским материалам датируется X в., другой – IX в. [Голубева, 1979, с. 49; Горюнова, 1961, рис. 42: 6]. Жертвенный комплекс 10 можно датировать X в. по поясным накладкам с полукруглым выступом на одной стороне и выемкой на другой (см. ниже).

Тип 14 – 2 экз. Коньковая подвеска в виде планки, от которой отходят две условных конских головы (рис. 9: *9*).

Встречены: Рус.: п. 2 (2 экз.).

Аналогии найти не удалось.

Подкововидные фибулы

Подкововидные фибулы использовались в качестве застежки верхней одежды, либо для крепления нагрудного украшения (женские погребения), об этом говорит местонахождение фибул в области груди и шеи. Исключение составили фибула из погребения 42 Дубовского могильника, использовавшаяся в качестве пряжки ремня, причем ее концы стянуты шнурком, и фибула из погребения 24 Веселовского могильника, использовавшаяся как разделительное поясное кольцо [Архипов, 1986, с. 41]. Фибула в погребении 25 Веселовского могильника найдена у ног, а в 45-м Дубовского могильника – у локтя правой руки, что позволило А.Н. Павловой интерпретировать ее в качестве застежки плаща [Павлова, 2004, с. 189].

Все фибулы изготовлены из бронзы (или сплавов на основе меди), некоторые имеют железную иглу (как экземпляры из погребений 5 Нижней Стрелки и 45 Дубовского могильника).

В основу классификации подкововидных фибул положены форма наверший (головок) и поперечное сечение дуги. Фибулы, происходящие из

марийских могильников IX – начала XII в., можно разделить на типы. Подобная классификация применена В.А. Мальм [1967].

Тип 1 – 8 экз. С многогранными головками. Головки этого типа фибул выполнены в виде усеченной пирамиды со срезанными углами (рис. 10: *1–2*).

Встречены: Вес.: пп. 13, 16, 1 экз. из материалов 1929 г.; КХ: жк. 1 (3 экз.), 1 экз. из колл. Шахова; НС: жк. 4.

Экземпляр из Кузинских Хуторов, найденный вне комплекса, имеет на дуге два многогранных выступа, аналогичных головкам.

Схожие украшения с многогранными концами обнаружены в слоях Новгорода от X до середины XII в. [Седова, 1981, с. 86], на Сарском городище, в Приладожье, Гнездове, в ярославских могильниках второй половине X в., а также в конце IX – первой половине XI в. в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии [Мальм, 1967, с. 161; Древняя Русь, 1997, с. 72].

Комплексы, содержащие такие фибулы, датированы выше X–XI вв., жертвенный комплекс Кузинских Хуторов содержит крестопрорезные шаровидные бубенчики, орнаментированные двумя парами перекрещивающихся линий, которые датируются второй половиной X – первой половиной XI в. в Приладожье, Владимирской области, на севере Европы [Мальм, Фехнер, 1967, с. 133–134].

Тип 2 – 2 экз. Многогранные с шипами. Головки той же формы, что и у фибул типа 1, но на верхней грани имеются четыре шипа. Сечение таких фибул треугольное, на дуге есть орнамент в виде одного или двух рядов округлых ямок (рис. 10: *3*).

Встречены: Вес.: п. 5, 1 экз. из материалов 1929 г.

Аналогии известны в Приладожье, на острове Березань в устье р. Буг, в ярославских могильниках, в Швеции, Норвегии, Финляндии, на Готланде. Родиной фибул этого типа является Финляндия, где они известны в IX–X вв. Датируется этот тип на территории Руси X – началом XI в. [Мальм, 1967, с. 161–162; Древняя Русь, 1997, с. 72].

Погребение 5 Веселовского могильника датировано выше началом X в.

Тип 3 – 2 экз. С воронковидными или гвоздевидными концами. Головки в виде перевернутой усеченной пирамиды, с выемками по краям, сечение линзовидное (рис. 10: *4–5*).

Встречены: Дуб: п. 42; НС: п. 5.

Аналогии этому типу известны в Ленинградской, Смоленской, Владимирской, Ярославской областях, Новгороде, Суздале, Эстонии, Латвии, Финляндии, Готланде, Швеции, Норвегии, причем Прибалтика

является родиной этого типа фибул. Датируется он на Руси, как и в Прибалтике, с IX по начало XI в., но может встречаться и позднее [Мальм, 1967, с. 162–163; Древняя Русь, 1997, с. 72].

Погребальный комплекс Нижней Стрелки датирован выше XI – первой половиной XII в. Погребение 42 Дубовского могильника также датировано выше XI в.

Тип 4 – 1 экз. Маковидная. Головки похожи на семенную коробочку мака. Поперечное сечение круглое (рис. 10: *6*).

Встречена: Вес.: п. 25.

Аналогичные фибулы встречены в Ярославской, Псковской, Ленинградской, Вологодской областях, в Прикамье, в Старой Рязани, Новгороде, Карелии, Финляндии, Латвии и Эстонии [Мальм, 1967, с. 163, 184]. Происходят они из Прибалтики (памятники конца X–XI в.) и датируются на Руси XI – началом XII в. [Мальм, 1967, с. 184; Древняя Русь, 1997, с. 72].

Фибулу этого типа в марийских материалах можно датировать XI в. на основе датировки комплекса, где она найдена (см. выше).

Тип 5 – 1 экз. На концах фибулы находятся восьмигранные «башенки». Сечение прямоугольное (рис. 10: *7*).

Встречена: ВIII: п. 10.

Подобные фибулы известны в Нукшинском могильнике на территории Латвии, датируются они X–XII вв. [Нукшинский могильник, 1957, табл. VIII: 8], похожая, но с трапецивидным сечением дуги и ромбовидными в разрезе «башенками» застежка есть в могильнике Залахтовье [Хвощинская, 2004, табл. L: 13].

Выжумский III могильник в целом датируется XII–XIII вв., однако погребение 10 содержало дирхем, комплекс в целом может быть датирован рубежом XI–XII вв. [Никитина, 2002, с. 201–202].

Тип 6 – 1 экз. С загнутыми концами и прямоугольным (пластинчатым) сечением. Без орнамента (рис. 10: *8*).

Встречена: Вес.: п. 20.

Аналогичные, но изготовленные из железа, изделия встречены во владимирских курганах, Тимеревском могильнике, где датированы X в. Имеются аналогии в Финляндии и Скандинавии [Мальм, 1967, с. 155]. Такие фибулы получили распространение в XII–XIII вв., но в Новгороде известны с XI до XIV в. [Древняя Русь, 1997, с. 72]. Стоит отметить существование таких застежек на территории расселения марийцев в более ранний период [Никитина, 1998, с. 22].

Погребение 20 датировано выше X в.

Тип 7 – 2 экз. С загнутыми концами и круглым сечением (рис. 10: *9*).

Встречены: Анатк.: п. 26; Рус.: из сборов.

Подобные фибулы имеют широкое распространение и известны в Брянской, Владимирской, Вологодской, Тверской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Рязанской (Старая Рязань), Ярославской областях, Белоруссии, Прикамье, Прибалтике, Финляндии, Швеции, Готланде. Датируются такие фибулы X–XIII вв., а в Финляндии, Прибалтике и Швеции IX–XII вв. [Древняя Русь, 1997, с. 72; Мальм, 1967, с. 174–176].

Сложно однозначно интерпретировать это изделие в качестве импорта, поскольку в древностях марийцев (материалы Младшего Ахмыловского могильника) такие фибулы известны с VI в. [Никитина, 1998, с. 22].

Тип 8 – 6 экз. С загнутыми концами и треугольным, полукруглым или трапециевидным сечением (рис. 10: *10–11*). Верхнее ребро дуги иногда выражено нечетко, поэтому точно определить сечение удается не всегда. Экземпляр из погребения 24 Веселовского могильника использовался в качестве поясного кольца.

Встречены: Вес.: пп. 1, 22, 24, 25, 31; ЧК: п. VIII.

Такой тип фибул известен в Брянской, Владимирской (из раскопок А.С. Уварова и П.С. Савельева), Тверской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Смоленской областях, в Белорусии, Украине, Латвии, Финляндии и Швеции [Мальм, 1967, с. 176–177; Авдусина, Ениосова, 2001, с. 95]. Бытовали такие фибулы с X по конец XII в. [Древняя Русь, 1997, с. 72]. В памятниках Латвии фибулы этого типа известны с IX по XII в. [Мальм, 1967, с. 176].

Датировать фибулу из Черемисского Кладбища затруднительно. Остальные фибулы датируются на основании датировок комплексов XI в. (см. выше). Погребение 31 Веселовского могильника определяется Т.Б. Никитиной XI в. [2012, с. 64].

Тип 9 – 1 экз. На концах линзовидной в сечении фибулы имеется 4 личины: по одной на концах и по одной на боках лицевой части дуги. Личины имеют круглые глаза, выступающий нос, прорезь рта сразу под носом, чрезмерно длинный лоб с двумя полосами и высокий свод черепа с чуть обозначенными ушами. Возможно, это изображение головы медведя (рис. 10: *12*).

Встречена: Дуб.: п. 45.

Аналогии фибуле не известны.

Тип 10 – 1 экз. Тордированная с зооморфными головками (рис. 10: *13*).

Встречена: Вес.: из материалов 1929 г.

Аналогии известны в Новгороде, Верхнем Понеманье, Брестском Побужье. Родиной этого типа фибул считается Прибалтика, а датируются они с X до XIV в. [Древняя Русь, 1997, с. 73].

Тип 11 – 1 экз. Дуга оформлена кручением или нарезкой, одна головка не сохранилась, вторая сохранилась очень плохо, ее форма не прослеживается (рис. 10: *14*).

Встречена: Рус.: п. 6.

Фибулы с крученой дугой известны в материалах Новгорода [Древняя Русь, 1997, с. 73, рис. 56: *1*; Седова, 1981, рис. 31: *6, 7*], Пскова [Королева, 1996, табл. I: 19, XXV: 4], похожая фибула известна в древностях эстов [Финно-угры и балты, 1987, табл. III: 6]. А витые фибулы имели распространение в Прибалтике в целом [Финно-угры и балты, 1987, табл. CVIII: 6, 10, CXIV: 20, CXXI: 20]. Однако точную аналогию не указать, ввиду плохой сохранности изделия.

Тип 12 – 1 экз. «Усатая» сюльгама (рис. 10: *15*).

Встречена: НС: жк. 13.

Является частой находкой на мордовских памятниках [Петербургский, Аксенов, 2006, с. 45], характерна и для памятников муромы [Бейлекчи, 2005, рис. 23: *1*].

Жертвенный комплекс 13, как уже было отмечено, появился в IX–X вв.

§ 3. Перстни и браслеты

Перстни

Перстни являются одним из наиболее распространенных украшений древних марийцев. Встречаются и в женских, и в мужских погребениях. Зачастую носились по несколько на одной руке. За основу взята классификация Г.А. Архипова [Архипов, 1973, с. 34–35], однако ее пришлось дополнить и расширить ввиду появления новых материалов и необходимости более дробной типологии.

Группа I. Щитковые.

Тип 1 – 1 экз. Щитковый перстень с валиком, концы образуют одну дугу (рис. 11: *1*).

Встречен: Дуб.: п. 23.

Встречаются такие перстни на Руси в конце XI–XII вв.: владимирские курганы, Калужская, Московская области, Нефедьевский могиль-

ник, а также в Томниковском могильнике [Недошивина, 1967, с. 270; Археология севернорусской деревни, 2008, с. 121].

Комплекс, содержащий этот перстень, датирован выше. Время появления данного изделия определяется не ранее второй половины XI в.

Тип 2 – 6 экз. Щитковые с завязанными концами перстни (рис. 11: *2*).

Встречены: Вес.: п. 16; Дуб.: п. 70 (2 экз.); КХ: п. 25; НС: жк. 4; Рус.: п. 8.

Такие перстни встречаются на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: владимирские курганы, Тверская, Ленинградская, Псковская, Смоленская, Ярославская области, Новгород, в Прибалтике, в мордовских и муромских материалах с XI в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 121; Древняя Русь, 1997, с. 77]. Однако в Финляндии и Швеции они появляются в X в. [Седова, 1981, с. 129–130]. Перстни из материалов древнемарийских могильников отличаются от аналогов орнаментом на щитке.

Комплексы датированы выше, время появления таких перстней на территории Ветлужско-Вятского междуречья можно отнести к XI в.

Тип 3. «Усатые» щитковые перстни.

Встречаются в IX – начале XII в. в Финляндии, Прибалтике, в Волго-Окском междуречье, в Северо-Западной Руси и являются характерным признаком финских народов [Древняя Русь, 1997, с. 77]. «Усатые» щитковые перстни по своему количеству превосходят в материалах древнемарийских могильников все другие типы перстней. Существует четыре их типа.

Подтип 3а – 156 экз. и обломки. С валиком в центре щитка (рис 11: *3*).

Встречены: Анатк.: пп. 11, 18, 21, жк. 1; Вес.: пп. 3 (6 экз.), 4 (8 экз.), 5 (3 экз.), 6 (4 экз.), 9, 12 (7 экз.), 15 (5 экз.), 16 (9 экз.), 26 (обломки), 27 (6 экз.), 29 (2 экз.); Дуб.: пп. 14 (3 экз.), 31, 36 (2 экз.), 37 (2 экз.), 40 (обломки), 42, 53 (2 экз.), 55, 56, 58 (2 экз.), 59 (2 экз.), 60, 71 (2 экз.), 73, 74 (2 экз.); КХ: п. 9 (3 экз.), 10 (2 экз.), 23, 25 (3 экз.), жк. 2; Рус.: пп. 2 (3 экз.), 3 (4 экз.), 5, 6 (8 экз.), 8, 10, жк. 5 (3 экз.), 7, 14 и 3 экз. из сборов; НС: пп. 1, 3, 5 (2 экз.), 7, 10 (2 экз.), 12, 15, 17, 18 (2 экз.), 19 (2 экз.), 20, 23, 25 (2 экз.), 29 (4 экз.), 30 (2 экз.), 32 (2 экз.), 33, жк. 4 (6 экз.), 13; ЧК: пп. 14, 15 (2 экз.); Юм.: пп. 2 (2 экз.), 5 (2 экз.), 6.

Перстни этого подтипа являются самым распространенным типом перстней на территории расселения раннесредневековых марийцев. Изготовлялись преимущественно из белого металла (серебра?), латунных или бронзовых перстней такого типа крайне мало. Аналогии им

локализуются в Среднем Поволжье и низовьях Оки [Недошивина, 1967, с. 257–258]. Встречаются на Корбальском могильнике, в древностях мордвы [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXII: 5, XLVII: 20], муромы [Бейлекчи, 2005, рис. 27: *29*], в Михайловских курганах Ярославского Поволжья [Горюнова, 1961, с. 196–197], в Нефедьевском могильнике на севере Руси [Макаров, 1997, табл. 133: 3], во владимирских курганах, Ленинградской, Смоленской, Ярославской областях [Недошивина, 1967, с. 267], в Гочевских курганах [Седов, 1982, табл. XXXVI: 13].

Датируются на территории расселения древних марийцев широко – от погребения 7 могильника Нижняя Стрелка IX в. до погребения 5 этого же могильника, время которого может быть определено началом XII в.

Учитывая широкие хронологические рамки, большое количество таких перстней и широкую их распространенность в памятниках Ветлужско-Вятского междуречья, можно предположить, что они являются продуктом местного производства и не связаны с импортом.

Подтип 3б – 13 экз. Без валика (рис. 11: *4*).

Встречены: Вес.: п. 28 (3 экз.); Дуб.: пп. 52, 74 (2 экз.); КХ: п. 23; НС: пп. 15, 17 (5 экз.); Рус.: п. 16.

Аналогии встречаются в древностях эстов, латгаллов, земгаллов [Финно-угры и балты, 1987, табл. III: 8; CVII: 30; CXVI: 19; Хвощинская Н.В., 2004, с. 90], во владимирских курганах, Ленинградской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Ярославской областях, Новгороде, в слое XI в. [Недошивина, 1967, с. 267; Рябинин, 1997, рис. 60: *25, 26*], в Гочевских курганах [Седов, 1982, табл. XXXVI: 12].

Погребение 28 Веселовского могильника может быть определено временем не ранее XI в. на основании датировок пластинчатых и «звериноголовых» браслетов (см. ниже). Погребение 16 Русенихинского могильника имеет довольно поздний облик и на основании овального кресала (см. выше) может быть датировано началом XII в. Остальные погребения имеют облик, характерный для XI в. Таким образом, появление «усатых» перстней без валика на щитке можно отнести к XI в. Эти перстни однозначно связаны с западным импортом. Об этом, в частности, говорит нанесение на щитках орнамента «волчий зуб», характерного для древностей Северной Руси.

Подтип 3в – 1 экз. «Усатый» рубчатоконечный перстень (рис. 11: *5*).

Встречен: НС: п. 17.

Аналогии есть в Новгороде в слое XIII в. и на северо-западе Новгородской земли, на Готланде, в Финляндии, Прибалтике (Люцинский

могильник, Асотское городище), датируются XI–XIII вв. [Седова, 1981, с. 130], имеются на Сарском городище [Леонтьев, 1996, рис. 74: *6, 7*].

Комплекс датирован выше XI в.

Подтип 3г – 1 экз. С очень узким щитком. «Усы» раскованы в пластину (рис. 11: *6*).

Встречен: Рус.: п. 8.

Является промежуточной формой между щитковыми «усатыми» и проволочными спиралевидными перстнями.

Похожие перстни есть в древностях словен новгородских [Седов, 1982, табл. XXI: 6] и в древностях латгалов (Люцинский могильник) [Финно-угры и балты, 1987, табл. CVII: 29], муромы (Александровский могильник) [Бейлекчи, 2005, рис. 9].

Погребение 8 уже датировано XI в.

За отсутствием прямых аналогий преждевременно строить выводы относительно происхождения данного перстня.

Группа II. Проволочные.

Тип 1 – 14 экз. Спиралевидные перстни из проволоки различного сечения от 3 до 8 оборотов (рис. 11: *7*).

Встречены: Вес.: пп. 5 (3 экз.), 26 (2 экз.); Дуб.: пп. 11, 14, 31, 74; КХ: п. 23; НС: п. 5; ЧК: п. 3; Юм.: п. 8 (2 экз.).

Встречены в женских погребениях, исключение составляет погребение 5 Веселовского могильника, где подобные перстни положены в изголовье погребенного вместе с женскими украшениями.

Характерны для балтских и финно-угорских народов, среди которых фиксируются уже в I тысячелетии н.э. Они бытовали долгое время, например, в могильнике Залахтовье встречаются в XII в. [Хвощинская, 2004, с. 89]. В древностях марийцев такие перстни известны с I тыс. на Младшем Ахмыловском могильнике [Никитина, 1998, с. 26], вследствие чего мы не можем связывать их с импортом.

Тип 2 – 3 экз. Из круглой в сечении проволоки с заходящими концами (рис. 11: *8*).

Встречены: Дуб.: п. 18 (2 экз.); НС: п. 5.

Проволочные кольца с заходящими концами распространены широко, но они, вероятнее всего, являются украшением головного убора. Встречаются в древностях восточных славян [Седов, 1982, табл. XXVI–XXXI, XXXVII, LIX], есть они и в более поздних марийских древностях [Архипов, 1986, с. 19]. Такого типа украшения известны на территории Северной Руси [Макаров, 1997, с. 116; Захаров, 2004, с. 168–169;

Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 92], муромы [Горюнова, 1961, рис. 78], мордвы [Петербургский и др., 2010, с. 41], мери [Леонтьев, 1996, с. 211], Волжской Булгарии [Город Болгар, 1996, рис. 60], в могильниках ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. II], в материалах удмуртов [Иванова, 1992, рис. 11], в Верхнем Прикамье [Голдина, Кананин, 1989, рис. 45]. Они имеют широкую датировку. Таким образом, круглопроволочные перстни известны на памятниках многих культур Восточной Европы. Их распространенность обусловлена простотой формы и изготовления. Ввиду простоты изготовления вряд ли стоит связывать эти перстни с прямым импортом.

Оба погребения, где найдены такие перстни, отличаются поздней датировкой – конец XI–XII вв. (см. выше).

Тип 3 – 1 экз. Витой из проволок, с завязанными концами перстень (рис. 11: *9*).

Встречен: НС: п. 5.

Аналогии известны в материалах Мининского археологического комплекса, где датированы второй половиной X – началом XI в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 296; рис. 110: *14*], в древностях дреговичей [Седов, 1982, табл. XXIX: 31].

Группа III. Дротовые.

Тип 1 – 1 экз. Из плоского дрота. Концы заходят друг за друга. Фактически этот перстень близок к перстням типа 2 группы II, только толще и прямоугольный в сечении (рис. 11: *10*).

Встречен: НС: п. 5.

Похожие перстни имеются в Брянской, Смоленской, Владимирской областях, где датируются XI в. (Недошивина, 1967, с. 273). Прямые аналогии есть в булгарских древностях (Измерское селище) [Казаков, 1991, рис. 33: *17, 18*].

Тип 2 – 2 экз. Перстень в виде пластины, свернутой в кольцо с одним суженным концом (рис. 11: *11*).

Встречены: Вес.: п. 26 (2 экз.).

Аналогии найти не удалось, ввиду чего затруднительно говорить, являются ли эти перстни продуктом местного производства или импортными вещами. Возможно, они изготовлены из одного браслета, форма которого изменена путем ковки.

Тип 3 – 1 экз. Рубчатый перстень (рис. 11: *12*).

Встречен: Дуб.: п. 16.

Подобные изделия широко распространены по территории Северной Руси с конца X по XIII в. [Недошивина, 1967, с. 264; Захаров, 2004, с. 182].

На Мининском археологическом комплексе они известны в XII – начале XIII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 123–124]. Такие перстни были одним из самых распространенных украшений у всех славянских племен [Древняя Русь, 1997, с. 76].

Это украшение обнаружено в комплексе Дубовского могильника с овально-удлиненным кресалом, которое появляется в XII в. [Колчин, 1959, с. 99].

Группа IV. Со вставками.

Тип 1 – 1 экз. С четырьмя полушариями (рис. 11: *13*).

Встречен: Вес.: п. 10.

Аналогия происходит из материалов городища Копок (Леонтьев, 1996, с. 244).

Погребение 10 датировано IX в. [Архипов, 1973, с. 65; Никитина, 2012, с. 62].

Тип 2. Перстни со вставками из стекла, камня или янтаря.

Подтип 2а – 5 экз. С четырьмя держателями для вставки на щитке (рис. 11: *14*).

Встречены: Анатк.: п. 18; Вес.: п. 10 (2 экз., у одного экземпляра вставка потеряна и держатели загнуты), 1 экз. из материалов 1929 г.; Коч.: п. 3.

Аналогии этим перстням происходят из материалов салтовского круга второй половины VIII – начала IX в. [Степи Евразии, 1981, рис. 37: *6*; Аланы, 1995, табл. XIX, XXV, XLIX, XXX], Волжской Булгарии (I Измерское селище, Танкеевский могильник) [Казаков, 1991, рис. 33: *13*; 1992а, рис. 29: *61*], Верхнего Прикамья (Аверинский, Поломский II, Качкашурский, Мыдланьшай, Варнинский и некоторые другие могильники, Рождественский археологический комплекс) [Голдина, Кананин, 1989, рис. 46: *4, 5*, 71: *20*; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 182: *8*; Иванов, 1998, рис. 48: *2, 3, 8, 9, 10, 13*], в материалах Потчевашской культуры (Маломурлинский курган) [Финно-угры и балты, 1987, LXXVIII: 7], материалах Тимеревских курганов [Меч и златник, 2012, с. 112, рис. 298], на Сарском городище [Леонтьев, 1996, рис. 74: *9*] и в Восточной Европе в целом [Белавин, Крыласова, 2008, с. 369–370; Древняя Русь, 1997, табл. 38: 5].

Появление таких перстней традиционно связывается с салтовской культурой.

Погребение 10 является одним из самых ранних комплексов Веселовского могильника и датируется IX в. Погребение 3 Кочергинского могильника также датируется IX в. [Никитина, 2002, с. 189].

Таким образом, перстни со вставкой, зафиксированной четырьмя держателями, являются наиболее ранними импортными вещами в материалах древнемарийских могильников IX–XI вв. и связаны с южным (булгаро-салтовским) импортом.

Подтип 2б – 6 экз. Без держателей для вставки (рис. 11: *15*).

Встречены: Анатк.: пп. 6 (2 экз.), 7; Вес.: п. 16; Дуб.: п. 57; Рус.: п. 8.

Изделия отличаются друг от друга: экземпляр из Веселовского могильника имеет маленькую вставку, перстень из Русенихинского могильника украшен витой проволокой [Никитина, 2018б, рис. 10: *10*], а из п. 6 Анаткасинского могильника – пирамидками зерни [Никитина и др., 2016, рис. 5: *2*].

Аналогии перстню из Русенихинского могильника обнаружить не удалось. Перстень с зернью есть в материалах I Измерского селища [Казаков, 1991, рис. 33: *15*, с. 125–126]. Остальным изделиям аналогии имеются в Нефедьевском могильнике, в погребении третьей четверти XII в. [Макаров, 1997, с. 128, табл. 143: 13], а также в материалах Волжской Булгарии [Казаков, 1991, рис. 33: *14, 15*; 1992а, рис. 61: *19, 20*], салтовской культуры IX – первой половины X в. [Степи Евразии, 1981, рис. 37: *142*], Новгорода [Седова, 1981, рис. 80], Пскова [Археологическое изучение Пскова, 1996, табл. XIX: 7], Верхнего Прикамья (Аверинский могильник) [Голдина, Кананин, 1989, рис. 46: *7*].

Погребение 16 Веселовского могильника датируется X – самым началом XI в. (см. выше). Время погребения 57 определяется X – началом XI в. [Никитина, 2012, с. 71]. Погребение 8 датировано выше XI в.

Группа V. С привесками.

Тип 1 – 2 экз. С простым щитком и лапчатыми привесками. Привески расположены поперек щитка (рис. 11: *16*).

Встречены: Вес.: п. 26; НС: п. 3.

Известны такие перстни в материалах мери в XI в. [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXIX: 9, 16], во Владимирской и Тверской областях в X–XI вв. [Недошивина, 1967, с. 270], в материалах муромы (Максимовский могильник) [Бейлекчи, 2005, рис. 18].

Комплексы датированы XI в. (см. выше).

Тип 2 – 2 экз. С украшенным щитком. Привески расположены вдоль щитка (рис. 11: *17, 18*).

Встречены: НС: п. 12; ЧК: п. 15.

Эти два экземпляра отличаются друг от друга. Первый имеет привески в виде бубенчиков и сплошной щиток, украшенный зернью. У второго щиток прорезной, оформлен елочным орнаментом и имеет лапчатые привески.

Аналогии перстням этого подтипа найти не удалось.

Таким образом, большинство составляют «усатые» перстни с валиком на щитке. Спиралевидные проволочные перстни, как уже было указано, имеются в более ранних древнемарийских материалах. Эти два типа следует считать местными изделиями. Перстням группы I подтипа 3г, группы III типа 2, группы V типа 2, а также перстню со вставкой из погребения 8 Русенихинского могильника аналогий обнаружить не удалось, вследствие чего вопрос о происхождении этих перстней остается открытым, их находки не отличаются массовостью. Другие типы перстней достаточно четко делятся на две категории импорта – с Запада и с Юга. К западным вещам относятся перстни группы I типов 1, 2, подтипов 3б, 3в, группы II типа 3, группы III типа 3, группы IV типа 1, группы V типа 1. Это преимущественно территории расселения волжских финнов, Волго-Окское междуречье в целом и Белозерье. В отдельный район выделяются земли у Финского залива, Чудского озера и Прибалтика. Однако все экземпляры с этой территории, равно как и аналогии в более западных районах (верховья Днепра, Десны, Белоруссия), встречены в Северо-Восточной Руси и Волго-Окском междуречье.

До конца XI в. в костюме древнемарийского населения господствуют «усатые» перстни с валиком и лишь в конце XI в. их вытесняют различные привозные или заимствованные образцы.

Браслеты

Браслеты играют заметную роль в костюме древнемарийского населения. Они встречены во всех рассматриваемых могильниках и являются самым распространенным украшением. Носились вне зависимости от пола, возраста и, очевидно, социального положения. Зачастую на одну руку надевалось несколько браслетов. Иногда прослеживается их ношение на плече. Изготавливались браслеты из цветных металлов (сплавы на основе меди или серебра), реже из железа.

Существует разработанная Г.А. Архиповым [1973, с. 32–33] классификация браслетов из древнемарийских могильников. В ее основу положено сечение браслета, оформление концов изделия. Однако с 1973 г. появилось большое количество материала, что привело к необходимости дополнения и детализации типологии. В ее основу легли поперечное сечение (дротовые, пластинчатые, витые из проволок, плетеные из проволок) – группы, сомкнутые или не сомкнутые концы – типы. Типы делятся на подтипы. Браслеты, изготовленные из гривен или височных колец, выделены в отдельные группы.

Группа I. Дротовые.

Тип 1. С разомкнутыми концами.

Подтип 1а – 375 экз. Многогранные в сечении, с несомкнутыми концами (рис. 12: *1–3*). Браслеты этого подтипа представляют собой раскованный дрот (количество граней может быть различным, иногда грани не четко выражены и сечение представляет собой овал или круг), выгнутый в форме овала. Часто на внешнюю сторону наносится кружковый орнамент, иногда сопровождаемый орнаментом из насечек. Часть браслетов имеет головки на концах.

Встречены: Анатк.: пп. 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 18, 23, 29, жк. 1, 2, подъемный материал (всего 39 экз.); Бор.: 3 экз.; Вес.: пп. 3 (18 экз.), 4 (8 экз.), 5 (9 экз.), 6 (8 экз.), 8 (3 экз.), 12 (10 экз.), 13 (4 экз.), 15 (12 экз.), 16 (8 экз.), 17–18, 19 (3 экз.), 20, 22, 31 (3 экз.), 32, 2 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: пп. 4, 6 (2 экз.), 8, 11 (3 экз.), 12–13 (2 экз.), 14 (7 экз.), 19, 26, 27 (2 экз.), 36 (8 экз.), 37 (6 экз.), 42, 44, 45 (4 экз.), 46, 47 (2 экз.), 48, 49, 51, 52 (2 экз.), 53 (2 экз.), 55, 56 (4 экз.), 62 (2 экз.), 63 (2 экз.), 68 (2 экз.), 70 (4 экз.), 71 (2 экз.), 72 (6 экз.), 74 (4 экз.), 75 (2 экз.), 76 (2 экз.), 77 (4 экз.), 83 (4 экз.) и 8 экз. из сборов; Коч.: пп. 1 (4 экз.), 2, 3 (4 экз.), 4, 5; КХ: пп. 10 (4 экз.), 23 (3 экз.), 25 (1 экз.), жк. 2 (2 экз.); НС: пп. 1 (3 экз.), 3, 4, 5, 6 (2 экз.), 8, 10 (5 экз.), 11, 13, 17 (8 экз.), 18 (3 экз.), 19–19-а (4 экз.), 20, 22 (2 экз.), 23, 25 (2 экз.), 29 (4 экз.), 30 (5 экз.), 32 (2 экз.), 33, жк. 4 (4 экз.), 7 (2 экз.), 8, 13 (2 экз.); Рус.: пп. 1 (3 экз.), 2 (4 экз.), 3 (7 экз.), 4 (4 экз.), 5 (5 экз.), 6 (4 экз.), 10 (3 экз.), 11 (10 экз.), жк. 7, 8 (5 экз.), 9 (2 экз.) и 1 экз. из сборов; ЧК: пп. 3, 15 (2 экз.); Юм.: пп. 5, 6 (3 экз.), 8 (9 экз.).

Аналогии таким браслетам имеются в Верхнем Прикамье [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXIII; Голдина, 1985, табл. IV], в материалах мордвы [Петербургский, Аксенов, 2006, рис. 9], булгар [Казаков, 1992а, рис. 22], в курганах Южного Урала [Мажитов, 1981, рис. 44: *8*].

Широкое распространение таких браслетов на древнемарийской территории, вероятнее всего, свидетельствует о местном их производстве. Это наиболее распространенная форма браслетов, они встречаются во всех рассматриваемых древнемарийских могильниках и являются характерным элементом древнемарийской культуры IX–XI вв. Такие браслеты бытуют с IX–X вв. и до рубежа XI–XII вв. Однако исчезают в XII–XIII вв.

Подтип 1б – 32 экз. «Звериноголовые». Концы таких браслетов украшены стилизованным изображением головы животного (рис. 12: *4*).

Встречены: Вес.: пп. 2 (2 экз.), 21, 22 (2 экз.), 25 (3 экз.), 28, 29 и 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: пп. 19, 31 (3 экз.), 40, 41,

82; НС: пп. 3, 4, 5, 11–11-а (2 экз.), 12, 19–19-а (2 экз.), 23, жк. 8, 12; Рус.: жк. 14, 15, 1 экз. из сборов.

«Звериноголовые» браслеты имеются в материалах могильников Верхней Волги [Степанова, 2010, с. 289], где А.В. Успенской, в сочетании с головными венчиками и тордированными гривнами, трактуются, как принадлежащие финно-угорскому населению [Успенская, 1993, с. 122]. Появились такие браслеты в X в. в Прибалтике, откуда распространились на финские и славянские территории, на которых датированы в основном XI – началом XII в. [Седова, 1981, с. 112]. Имеются во владимирских курганах, в курганах Южного Приладожья, Ярославского и Костромского Поволжья [Левашева, 1967а, с. 215].

«Звериноголовые» браслеты встречены с височными кольцами с заходящими концами (п. 31 Дубовского могильника), которые датируются XI – первой половиной XII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 101]. В погребении 11-а Нижней Стрелки они найдены вместе с височными кольцами в виде несомкнутого кольца с нанизанными бусами, датируемыми XI–XIV вв. [Левашева, 1967б, с. 19; Древняя Русь, 1997, с. 65]. В погребении 19-а такие браслеты встречены с плетеным браслетом со свободными концами, датируемым по новгородским материалам XI–XIII вв. [Седова, 1981, с. 100–102]. В погребении 23 Нижней Стрелки имеется плетеный браслет с завязанными концами, которые бытуют в XI–XII вв. [Монгайт, 1961, с. 119].

Таким образом, «звериноголовые» браслеты встречаются в комплексах древнемарийских могильников с XI в.

Подтип 1в – 3 экз. Ложновитые. Представляют собой дрот, на который нанесена нарезка, имитирующая витье (рис. 12: *5*).

Встречены: Дуб.: п. 74; Рус.: жк. 15, 1 экз. из сборов.

Эти браслеты, вероятно, являются подражанием витым браслетам с прямообрубленными концами, которые считаются этноопределяющим украшением новгородских словен. Их концентрация приходится на северо-запад Новгородской земли и датируются они XI – началом XIV в. [Левашева, 1967а, с. 220; Древняя Русь, 1997, с. 74]. Ложновитые подражания имеют те же датировки [Древняя Русь, 1997, с. 75]. Известны они в древностях Белоозера [Захаров, 2004, с. 180], владимирских курганов, Костромского Поволжья [Левашева, 1967а, с. 220]. Единичные аналогии есть в Верхнем Поволжье, бассейне р. Москвы, Оки, верховьях Десны [Левашева, 1967а, с. 225].

Подтип 1г – 8 экз. С сужающимися концами (рис. 12: *6*).

Представляют собой дрот круглого или ромбовидного сечения, согнутый в круг, концы которого сужаются. Орнамента не имеют. Экземпляр из Русенихинского могильника носился на плече.

Встречены: Анатк.: п. 7; Вес.: пп. 22, 29; Дуб.: пп. 20, 31; Рус.: п. 8; Рут: п. I (раскопок 1958 г.); Юм.: п. 5.

Аналогии таким браслетам встречены в мордовских древностях [Вихляев и др., 2008, рис. 54: *4*], в Верхнем Прикамье [Голдина, 1985, табл. IV: 13], в Волжской Булгарии [Казаков, 1992а, рис. 22: *16*]. На Руси являются самым распространенным типом браслетов и бытуют с I тысячелетия до XIV в. [Левашева, 1967а, с. 214; Жилина, 2008, рис. 2]. Аналог экземпляра из Русенихинского могильника имеется на территории Руси в кладе IX–X вв. [Древняя Русь, 1997, табл. 38: 4].

Тип 2. Концы сомкнуты.

Подтип 2а – 3 экз. С замком (рис. 12: *7–8*). Замки разные, оба экземпляра объединены в один подтип условно.

Встречены: Дуб.: п. 51 (2 экз.); НС: п. 33 (этот экземпляр имеет обмотку).

Точных аналогий обнаружить не удалось.

Подтип 2б – 6 экз. Завязанные (рис. 12: *9–11*). Представляют собой круглый или ромбовидный в сечении дрот, концы которого сужаются и завязаны между собой. Чаще всего завязка в виде спирали, однако в погребениях 14 Веселовского и 5 Юмского могильников концы просто намотаны друг на друга. Несколько отличается браслет из Русенихинского могильника – он подражает витым со сканью браслетам.

Встречены: Вес.: п. 14, 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: п. 53; НС: жк. 8; Рус.: п. 7; Юм.: п. 5.

Близкие браслеты, известные в Новгороде, Владимирских курганах, курганах Приладожья, Верхнем и Среднем Поволжье, кладах Руси, датируются X–XI вв. [Корзухина, 1954, табл. IX, 1; Древняя Русь, 1997, с. 74].

В погребении Юмского могильника такой браслет находился вместе со складной расческой X – первой половины XI в. [Древняя Русь, 1997, с. 21]. Остальные погребения датировать затруднительно, однако они не имеют поздних вещей и могут определяться в пределах X – начала XI в.

Группа II. Пластинчатые.

Тип 1. С разомкнутыми концами.

Подтип 1а – 31 экз. Равноширокие по всей длине (рис. 13: *1*).

Встречены: Анатк.: п. 8; Вес.: пп. 2, 6, 12 (имеет желоб по центру), 28 (имеет ребро по центру), 29 (2 экз.) и 1 экз. из материалов раскопок

1929 г. (концы закруглены); Дуб.: пп. 8, 14 (2 экз.), 18 (железный, плохой сохранности), 36, 40 (один конец отогнут), 58 (3 экз.); НС: пп. 5 (2 экз.), 11–11-а (2 экз.), 14, 15, 27 (с заходящими концами), 29 (2 экз.), 33, жк. 7, 12; Рус.: п. 17, 1 экз. из сборов.

Браслет из материалов Веселовского могильника раскопок 1929 г. по стилю оформления близок к браслетам из Новгорода [Древняя Русь, 1997, табл. 58: 1]. Браслет с заходящими концами из Нижней Стрелки имеет аналогии в мордовских древностях [Вихляев и др., 2008, рис. 61: *1*].

Подтип 1б – 27 экз. С расширяющимися концами (рис. 13: *2*).

Встречены: Анатк.: п. 6 (в качестве заплатки при ремонте котла); Вес.: пп. 4 (2 экз.), 22 (3 экз.), 25, 28 (2 экз.), 31 и 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: п. 9; НС: пп. 5, 15 (3 экз.), 20 (2 экз.), 40, жк. 12; Рус.: п. 11 (2 экз.) и жк. 7, 14 (3 экз.); Юм.: п. 5.

Пластинчатые разомкнутые узкие браслеты с расширяющимися концами получили распространение в XI–XII вв. в Тверском, Угличском, Ярославском Поволжье, Приладожье и Белозерье [Левашева, 1967а, с. 237; Макаров, 1997, с. 342, табл. 130: 10], имеются на Мининском археологическом комплексе, где датируются XI в. [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 105: *13*], во владимирских курганах [Спицын, 1905, с. 153, рис. 333, 338, 339, 346; Леонтьев, 1996, рис. 76: *10*], в Прикамье [Крыласова, 2001, с. 119, рис. 42: *6*, 56: *9*]. Датируются на Верхней Волге XI–XII вв. [Комаров, 2002, рис. 7: *8*; Кашкин, 2003, рис. 1: *22*; с. 121].

Стоит отметить, что аналогии часто отличаются от древнемарийских образцов орнаментом.

Древнемарийские комплексы, содержащие эти браслеты, датированы в целом XI в. (см. выше).

Подтип 1в – 2 экз. С одним загнутым в спираль концом (рис. 13: *3*).

Встречены: Дуб.: п. 40; НС: п. 10.

На экземпляре из погребения 10 могильника Нижняя Стрелка в закругленный конец продето кольцо, а концы расширяются. Экземпляр с Дубовского могильника равноширокий по всей длине.

Браслет с Нижней Стрелки аналогичен экземплярам из мордовских древностей [Вихляев и др., 2008, рис. 72: *4*].

Подтип 1г – 15 экз. С отогнутыми концами (рис. 13: *4*).

Встречены: Бор.: 11 экз.; Вес.: п. 10, 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; ЧК: п. 5; Юм.: п. 8.

Такие браслеты встречены в материалах мордвы [Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010, с. 42], муромы [Бейлекчи, 2005, рис. 27: *17*].

Все погребения, содержащие такие браслеты, отличаются ранней датой. Так, погребение 10 Веселовского могильника справедливо отнесено к IX в. [Халиков, Безухова, 1960, с. 55–56]. Погребение 5 Черемисского Кладбища датировано IX–X вв. [Архипов, 1973, с. 67].

Подтип 1д – 3 экз. С квадратными выпуклыми завершениями концов (рис. 13: *5*).

Встречены: Рус.: п. 2 (2 экз.); НС: жк. 9.

Аналогий найти не удалось.

Подтип 1е – 12 экз. С продольным желобком и овальными концами (рис. 13: *6*).

Встречены: Анатк.: пп. 12, 14 (всего 3 экз.); Вес.: п. 29 (2 экз.); Дуб.: пп. 7, 8 (2 экз.), 36; НС: п. 17; Рус.: 2 (2 экз.).

Близкие изделия есть в мордовских древностях [Вихляев и др., 2008, рис. 67: *1*]. Встречаются на древнерусских памятниках XI–XIII вв. [Левашева, 1967а, с. 239], однако древнерусские браслеты несколько отличаются оформлением и не являются прямыми аналогиями.

Группа III. Витые из проволок.

Тип 1. С разомкнутыми концами.

Подтип 1а – 6 экз. Петлеконечные. Свитые из 2 или 3 проволок (рис. 13: *7*).

Встречены: Дуб.: пп. 18, 20; НС: пп. 3 (2 экз.), 5 (2 экз.).

Витые петлеконечные браслеты в Новгороде встречаются в XI–XII вв. [Седова, 1981, рис. 34: *3а*, с. 94–96). Немало таких браслетов на территории Пскова [Королева, 1996, табл. II: 5, 9; X: 1, 3, 6, 9, 10; Седов, 2007, с. 374]. Имеются они в материалах мордвы [Вихляев и др., 2008, рис. 68: *4, 6*; Петербургский, Аксенов, 2006, рис. 25: *11*], в костромских курганах [Рябинин, 1986, табл. II: 9)] на памятниках вятичей [Никольская, 1981, с. 228].

В погребениях 18 и 20 Дубовского могильника имеются височные кольца с напускной бусиной, известные с XI в. (см. выше). В материалах Нижней Стрелки такие браслеты встречены с гривной «радимичского» типа X–XI вв. (п. 3) [Фехнер, 1967, с. 64], погребение 5 отличается поздней датой и определяется рубежом XI–XII вв. [Никитина, 2002, с. 193].

Таким образом, витые петлеконечные браслеты появляются на территории расселения древних марийцев с XI в.

Подтип 1б – 1 экз. С сужающимися концами (рис. 13: *8*).

Встречен: НС: п. 16.

Этот браслет похож на ложновитые браслеты, найденные в Новгороде в XI–XIV вв., [Седова, 1981, рис. 34: *10, 11*, с. 98], однако он витой. Возможно, мы имеем дело с подражанием витым обрубленноконечным браслетам новгородских словен [Левашева, 1967а, с. 220; Древняя Русь, 1997, с. 74].

Подтип 1в – 1 экз. Витой браслет со вставками (рис. 13: *9*).

Встречен: Вес.: п. 6.

Витой с шатонами браслет есть в материалах рубежа XI–XII вв. в Новгороде [Седова, 1981, с. 97, рис. 34: *5б*], похожий есть в Суваре [Хлебникова, 1976, с. 205] и на I Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 42: *5*], но все аналогии отличаются от древнемарийского браслета прямоугольной формой шатонов.

Тип 2. Концы сомкнуты.

Подтип 2а – 28 экз. Концы браслета намотаны друг на друга (рис. 14: *1–2*).

Встречены: Вес.: пп. 22, 29 (3 экз.), 31 (2 экз.); НС: пп. 4 (2 экз.), 5, 11–11-а, 15 (2 экз.), 23 (4 экз.), 27; жк. 12; Рус.: пп. 16 (2 экз.), 17, жк. 15 (3 экз.); Рут: пп. 16, 44; ЧК: п. 15 (2 экз.). Имеется экземпляр в погребении 28 Веселовского могильника, однако его концы обломаны, точный тип определить затруднительно.

Аналогии широко представлены на древнерусских памятниках X–XII вв. (русские клады, Южное Приладожье, владимирские, ярославские, костромские курганы, Суздаль, Переяславль, курганы верховьев Днепра и Десны, Нефедьевский могильник, могильник Минино II) [Древняя Русь, 1997, с. 74; Макаров, 1997, с. 120; Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 105: *1*; Горюнова, 1961, рис. 84: *4*].

Отличается браслет из погребения 27 Нижней Стрелки. Он свит из тордированных проволок [Никитина, 2012, рис. 178: *10*]. Этот браслет и все экземпляры из Черемисского Кладбища имеют продетые кольца.

Два изделия из Русенихинского могильника (п. 16, жк. 15) и один из погребения 16 Руткинского могильника имеют спиральную завязку. Такие браслеты известны в подмосковных и владимирских курганах XI–XII вв. [Арциховский, 1930, с. 175], в Скандинавии и Прибалтике, а А.А. Юшко предполагает их прибалтийское происхождение [1967, с. 53]. По материалам русских кладов они датируются X – началом XI в. [Жилина, 2008, рис. 2-Б].

Упомянутые комплексы не отличаются ранней датой – все они появились не ранее XI в.

Подтип 2б – 1 экз. Тонкоконечный с одним завязанным концом (рис. 14: *3*).

Встречен: НС: п. 5.

Витые тонкоконечные браслеты известны в Новгороде в слоях XII–XIV вв. и Киеве в кладе XI–XII вв. [Левашева, 1967а, с. 222]. Ложновитые тонкоконечные браслеты имеют аналогии в материалах Приладожья и Новгорода, где датируются XI–XIII вв. [Левашева, 1967а, с. 225].

Вероятно, к этой группе браслетов относится и экземпляр из погребения 17 Дубовского могильника. Однако концы его обломаны, вследствие чего невозможно однозначно определить тип.

Подтип 2в – 1 экз. Концы скреплены замком (рис. 14: *4*).

Встречен: ЧК: п. 14.

Аналогий найти не удалось.

Подтип 2г – 2 экз. Тонкоконечный, украшенный сканью. Концы завязаны (рис. 14: *5*).

Встречены: НС: п. 23.

Точных аналогий найти не удалось.

Группа IV. Плетеные и ложноплетеные.

Тип 1. С разомкнутыми концами.

Подтип 1а – 3 экз. С шатонами (рис. 14: *6*).

Встречены: Дуб.: п. 30 (2 экз.); НС: п. 16.

Такие браслеты характерны для древностей Волжской Булгарии [Город Болгар, 1996, рис. 62]. Имеются в материалах мордвы [Вихляев, Петербургский, 1999, рис. 13].

Погребение 16 отличается поздней датой и определяется XI – началом XII в. [Никитина, 2012, с. 68]. Также следует датировать погребение 30.

Отличается экземпляр из погребения 14 Русенихинского могильника. Один конец его оформлен пластиной, украшенной тремя спиралями, другой – неорнаментированной пластиной.

Подтип 1б – 2 экз. Плетеные, свободноконечные (рис. 14: *7*).

Встречены: НС: п. 19–19-а; Рус.: п. 11.

По новгородским материалам датируются такие браслеты XI–XIII вв. [Седова, 1981, с. 100–102].

В погребении 11 имеется два пластинчатых браслета XI в. (см. выше). Погребения 19–19-а также датированы выше временем не ранее середины X в.

Плетеные свободноконечные браслеты появляются в древнемарийских материалах в XI в.

Подтип 1в – 1 экз. Ложноплетеный. С концами в виде головы и хвоста (рис. 14: *8*).

Встречен: Рус.: п. 14.

Близок к экземплярам из Жабкинского и Максимовского могильников [Рябинин, 1997, рис. 58: *10*; Бейлекчи, 2005, рис. 18].

Тип 2. Концы сомкнуты.

Подтип 2а – 3 экз. Сплетены из нескольких проволок, концы связаны между собой (рис. 14: *9*).

Встречены: Вес.: п. 29; НС: пп. 15 и 23. Возможно, обломок такого браслета есть в п. 28 Веселовского могильника.

Аналогии известны во владимирских курганах и могильниках западных поволжских финнов в XI–XII вв., известны также в Новгороде и на севере Руси [Монгайт, 1961, с. 119; Археология севернорусской деревни, 2008, с. 118, рис. 105: *1*; Седова, 1981, с. 100–102, рис. 36; Левашева, 1967а, рис. 29: *7*].

Погребения 15 и 23 датированы выше, время бытования плетеных браслетов определяется XI в.

Группа V – 9 экз. Из гривны глазовского типа (рис. 14: *10*). Серебряные «глазовские» гривны сворачивались в один-два оборота. Иногда использовалась целая гривна.

Встречены: Вес.: п. 5 (2 экз. из одной гривны); Рус.: пп. 1, 3, 4, 5 (2 экз.), 8; ЧК: 1 экз. из материалов раскопок 1908 г.

Аналог имеется в мордовских древностях [Вихляев и др., 2008, рис. 68: *1*].

Группа VI – 4 экз. Из проволоки с завязанными концами (рис. 14: *11*). Представляют собой височные кольца, концы которых намотаны на противоположные, использовавшиеся в качестве браслетов.

Встречены: Дуб.: п. 18 (2 экз.), НС: п. 23 (2 экз).

Такие височные кольца известны в XI–XII вв., подробнее они рассмотрены в § 1.

Таким образом, многие типы браслетов в древнемарийских могильниках являются привозными. Собственно марийскими можно считать подтип 1а типа 1 группы I, подтип 1г типа 1 группы II, а также все браслеты, изготовленные из гривен. Возможно, местными являются изделия подтипа 1а типа 1 группы II. Спорно происхождение всех браслетов, аналогии которым не найдены. Браслеты подтипа 1г типа 1 группы I широко распространены в Восточной Европе.

Импортные браслеты происходят в большинстве из Волго-Окского междуречья, Северной Руси и территории волжских финнов. Однако не исключено, что некоторые экземпляры могут быть подражанием привозным изделиям.

Широким спросом пользовались изделия местного производства – многогранные дротовые браслеты, их вытеснение из древнемарийского костюма началось в XI в. и закончилось к его концу. Могильники Поветлужья XII–XIII вв. уже практически не знают этого украшения. Их место заняли преимущественно пластинчатые, «звериноголовые» и витые (завязанные или петлеконечные) браслеты, происходящие с территории Волго-Окского междуречья.

§ 4. Пояса

Наборный пояс имел широкое распространение в среде древнемарийского населения и встречается в погребениях всех половозрастных категорий. От 44,5 до 87,5 % всех известных комплексов могильников Ветлужско-Вятского междуречья имеют пояса с металлическими частями [Никитина, 2018а, с. 158]. Как правило, пояс состоит из пряжки, наконечника и накладок. Иногда встречаются разделительные кольца. В зависимости от конструкции наконечников может быть несколько. В большинстве случаев пояса имеют несколько типов накладок. Иногда встречаются ремни, снабженные только одной пряжкой, а иногда наборные, украшенные накладками и наконечниками пояса, не имеют пряжки.

По-видимому, большинство древнемарийских поясов имеют так называемую венгерскую конструкцию, когда один конец свободно свисал, продетый через обойму или просто перекинутый через плотно прилегающую часть ремня, второй конец завершался пряжкой. Обычно такие пояса имели два наконечника [Мурашева, 2000, с. 70]. Но имеются и другие конструкции: к примеру, когда пояс охватывал талию в два оборота [Никитина, 2002, с. 105].

В древностях Руси, степняков, Скандинавии наборные пояса были частью дружинной, воинской культуры [Мурашева, 2000, с. 70]. Отличительной особенностью древнемарийского костюма является широкое использование таких поясов: их носили мужчины, женщины, даже дети (п. 5 Кочергинского могильника). Вряд ли в древнемарийской культуре наборный пояс считался вещью, маркирующей особое социальное положение человека в обществе.

В силу плохой сохранности очень редко встречаются плетеные пояса. В погребении 6 Русенихинского могильника такой пояс снабжен пряжкой.

Проблему представляет невозможность, в случаях когда элемент пояса найден вне комплекса, определить, относится он собственно к поясу или является частью сумки, ремня-перевязи и т.д. В некоторых погребениях пояса положены сбоку от костяка или в изголовье.

Пряжки

На сегодняшний день существует разработанная Г.А. Архиповым классификация пряжек с древнемарийских могильников [Архипов, 1973, с. 36]. Он делит пряжки на типы: цельнолитые с пластиной для крепления к ремню (тип I); аналогичные предыдущему типу, но массивные (тип II); шарнирные (тип III); рамчатые (тип IV); проволочные рамчатые (тип V). Однако в рамках данной работы целесообразно тип I и тип II объединить, поскольку отличаются они только размерами, а в данном случае размер пряжки едва ли имеет решающее значение.

Тип 1 – 71 экз. Цельнолитые пряжки с пластиной для крепления к ремню при помощи штифтиков. Язычок вращается на стержне, закрепленном в корпусе пряжки (рис. 15: *1–7*).

Встречены: Анатк.: пп. 1, 6 (пластина отломлена?), 7, 8; Вес.: пп. 5 (2 экз.), 8, 12, 13, 14, 19, 20, 31; Дуб.: пп. 3, 4, 12–13 (2 экз.), 24, 32, 37, 38, 45, 46, 52, 55, 58, 60, 64, 66, 69, 73, 79, 1 экз. из сборов; Коч.: п. 3; КХ: п. 32; НС: пп. 5, 6 (2 экз.), 7, 10, 11 (2 экз.), 12, 15, 16, 18, 19-а, 21, 22, 28, 30, 31, 34, жк. 4, 10, 13; Рус.: пп. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, жк. 2, 6, 8; ЧК: п. 14; Юм.: пп. 2, 5, 7 (2 экз.).

Тип 2 – 3 экз. Шарнирные (рис. 15: *8*).

Встречены: Вес.: п. 2; Дуб.: п. 6; Юм.: п. 4.

Тип 3 – 44 экз. Рамчатые (рис. 15: *9–10*). Различаются оформлением кольца и формой рамки.

Встречены: Анатк.: п. 11; Вес.: пп. 4 (3 экз.), 23, 24; Дуб.: пп. 2, 3, 4, 19, 25 (2 экз.), 38, 71, 77, 78; Коч.: п. 3 (2 экз.); КХ: п. 23 (3 экз.); НС: пп. 2, 3 (2 экз.), 4 (2 экз.), 10 (2 экз.), 13, 16, 19-а (2 экз.), 25, 40, жк. 4, 10, 12, 13, 1 экз. из сборов; Рус.: п. 7, 1 экз. из сборов; ЧК: пп. 3, 6; Юм.: п. 6.

Тип 4 – 21 экз. Проволочные рамчатые. Кольцо согнуто из проволоки, края которой соединены стержнем, на стержне свободно вращается язычок (рис. 15: *11–13*).

Встречены: Вес.: пп. 3, 5, 6, 10, 16; Дуб.: пп. 36, 70, 73; Коч.: пп. 1, 2, 4, 5; КХ: п. 9; НС: пп. 1, 17; ЧК: пп. 5, 9 и 1 экз. из сборов; Юм.: пп. 5, 7 (2 экз.).

Пряжки в наборных поясах, как правило, оформлены в одном стиле с накладками и наконечниками.

Проволочные рамчатые пряжки в силу простоты изготовления, возможно, изготавливались в Ветлужско-Вятском междуречье. В погребениях 23, 24 Веселовского, 3 Юмского, 19 Дубовского могильников встречены так называемые лировидные пряжки. Это наиболее распространенный тип пряжек в Новгороде, встречаются они и в новгородских, минских, смоленских, владимирских, подмосковных курганах, найдены также в Волжской Булгарии и Верхней Каме и датируются в Новгороде XI–XII вв. [Седова, 1981, с. 144].

Остальные рамчатые пряжки есть в материалах Волжской Булгарии [Генинг, Халиков, 1964, рис. 21: *15*; Казаков, 1992а, рис. 36: *10*, рис. 59: *52, 53*], на Верхней Каме [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 197; Голдина, 1985, табл. VIII] и Чепце [Иванов, 1998, рис. 19: *24*], в мордовских древностях [Альбом древностей мордовского народа, 1941, с. 8; Петербургский, Аксенов, 2006, рис. 11: *11*], во владимирских курганах [Мурашева, 2000, рис. 85].

Аналогии пряжкам из погребения 3, жертвенного комплекса 2 Русенихинского могильника и 2 Юмского встречены в курганах Приладожья [Кочкуркина, 1989, рис. 88].

В погребениях 6 и 7 Русенихинского, 45, 55 Дубовского могильников есть пряжки, аналогичные изделиям из могильников Петровский и Минино II [Зайцева, 2008, рис. 70: *10*].

Пряжки из погребениий 1, 4, 9, жертвенного комплекса 13 Русенихинского, 29, 30, 34, жертвенных комплексов 8, 10 Нижней Стрелки, погребений 36, 46, 58, 60, 64 Дубовского имеются в мордовских древностях, на Верхней Каме [Материальная культура, 1969, табл. 32: 12; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 198: *16*; Крыласова, Иванов, 2006, рис. 6].

Цельнолитые пряжки с пластиной для крепления без орнамента, подобные изделию из погребения 5 Юмского могильника [Никитина, 2012, рис. 123: *2*], известны в материалах юдинской культуры [Турова, 2016, рис. 3: *15, 16*]. А аналог пряжке из погребения 2 этого же могильника встречен в Приладожье [Кочкуркина, 1989, рис. 88].

Поясные накладки

Поясные накладки представлены большим количеством типов. Изготовлены, как правило, из сплавов на основе меди, из серебра, иногда имеют позолоту. По технике изготовления подразделяются на две группы: литые и штампованные (к сожалению, публикации зачастую не отра-

жают этот момент, поэтому он не взят в основу классификации). Многие штампованные накладки сохранились плохо, их тип не различим.

Из-за большого разнообразия видов накладок (практически в каждом погребении отдельная разновидность) подробная классификация не имеет смысла. Достаточно сложно подсчитать общее количество накладок, поэтому приведены только комплексы, где они обнаружены.

Поясные накладки можно разделить на типы по форме.

Тип 1. Сердцевидные и каплевидные (рис. 16: *1–17*).

Встречены: Анатк.: пп. 1, 6, 10, 14, 17, 29, подъемный материал; Вес.: пп. 5, 8, 11, 12, 13, 14, 19, 20, 1 экз. из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: пп. 2, 4, 24, 32, 36, 38, 42, 45, 52, 53, 58, 60, 64, 65, 66, 67, 69, 72, 73, 79 и случайные находки с территории могильника; КХ: п. 32; НС: пп. 5, 6, 10, 11-а, 16, 18, 19-а, 21, 22, 26, 28, жк. 4, 12 и случайные находки с территории могильника; Рус.: пп. 3, 4, 6, 7, 9, 18, жк. 2, 9 и случайная находка с территории могильника; ЧК: п. 11 и случайные находки с территории могильника; Юм.: пп. 2, 4, 5.

Аналогии этих поясных накладок обширны. Накладки из погребений 5, 8 Веселовского, 45, 79 и случайные находки Дубовского, 19-а, 26 Нижней Стрелки (рис. 16: *7*) встречены в Большетиганском, Танкеевском могильниках [Казаков, 1992а, с. 165, рис. 20: *19*], на Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *31, 33, 35*], в могильниках ломоватовской [Голдина, 1985, табл. XII: 18], юдинской культур [Турова, 2016, рис. 1: *18–21*]. Сердцевидные накладки с круглым отверстием или выемкой у основания, известные в погребениях 11, 14 Веселовского, 18 Русенихинского могильников, 32 Кузинских Хуторов и на Анаткасинском могильнике (рис. 16: *9*), есть в материалах Большетиганского и Танкеевского могильников [Казаков, 1971, с. 121, табл. XX: 23; 1992а, рис. 60, 35; рис. 20: *19*], в Болгаре [Полякова, 1983, табл. LIX: 8], в мордовских древностях [Воронина, 2007, рис. 14: *10*), на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис. 71: *6*], в Удмуртии [Иванов, 1991, рис. 9: *2*], в Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 74–76; Голдина, 1985, с. 201], на Белом озере [Захаров, 2004, рис. 263: *29*], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *11–14*]. Двускатные сердцевидные накладки из погребения 66 Дубовского могильника и с территории Русенихинского могильника (рис. 16: *6*) имеются в Прикамье [Генинг, 1979, табл. О-12, Р-16], похожие есть в Болгаре и Бирке [Мурашева, 2000, рис. 28: *2А*]. Аналогии в Прикамье и на Мыдлань-Шае [Генинг, 1979, табл. X: 38] имеют накладки из погребений 5 Юмского могильника и жертвенного комплекса 12 Нижней

Стрелки (рис. 16: *10*). Аналогии изделиям из погребений 5, 11-а, 16 и жертвенного комплекса 12 Нижней Стрелки (рис. 16: *3, 4*) есть в материалах Большетиганского и Танкеевского могильников [Казаков, 1992а, рис. 60: *35*, 20: *19*], в Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *25*], в материалах юдинской культуры [Турова, 2016, рис. 1: *15*], в курганах Южного Урала [Мажитов, рис. 58: *31*]. В погребениях 4 Юмского, 1 Нижней Стрелки, 2, 4, 52, 72 Дубовского, 7 и 9 Русенихинского могильников есть сердцевидные накладки с пояском вдавлений по краю (рис. 16: *11*). Аналогии им встречены на Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *34*] и в материалах могильников Южного Урала [Степи Евразии, 1981, рис. 55: *8*]. В погребении 65 Дубовского могильника и 18 Нижней Стрелки (рис. 16: *12*) имеются сердцевидные накладки с каплевидными выступами. Аналогии им происходят из Венгрии и мордовских материалов [Мурашева, 2000, с. 28]. В погребении 36 Дубовского могильника встречены сердцевидные бляшки с каплевидными выступами, имеющие углубленный орнамент из остроовальных фигур, расположенных в виде трилистника (рис. 16: *13*). Такие накладки есть в Лядинском могильнике [Мурашева, 2000, с. 34], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *49*]. В погребениях 13 Веселовского и 2 Юмского могильников, 22, 28 Нижней Стрелки, 3, 6, жертвенном комплексе 2 Русенихинского могильника и на Анаткасинском могильнике (рис. 16: *8*) найдены сердцевидные накладки с растительным орнаментом. Аналогии есть в материалах Тимеревского могильника [Ярославское Поволжье, 1963, с. 67], в Минино II [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 81], в мордовских материалах [Материалы по истории мордвы, 1952, табл. XXXI: 2], на Кубенском озере [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 77: *2*], на Семеновском I селище [Казаков, 1991, рис. 44: *44*], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *32*]. В погребении 14 Веселовского могильника имеются сердцевидные накладки небольшого размера с орнаментом (рис. 16: *14*). Похожие есть на Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *43*], в материалах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 55: *10*], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *26–27, 31*]. В погребениях 19 и 20 Веселовского, 1 Русенихинского могильников есть сердцевидные накладки, орнаментированные по краям полушариями (рис. 16: *15*). Такие накладки имеются в материалах могильников Южного Урала [Степи Евразии, 1981, рис. 55: *8*]. В погребении 11 Черемисского Кладбища обнаружены сердцевидные накладки с тремя лепестками (рис. 16: *16*). Похожие есть в материалах Танкеевского могильника [Казаков, 1992а, рис. 60: *42*]. В погребении 6

Нижней Стрелки найдены округлые накладки с острым концом (рис. 16: *1, 2*). Подобные есть в Танкеевском могильнике [Казаков, 1992а, рис. 60: *17*]. Изделие, похожее на накладки из погребений 32 и 53 Дубовского могильника (рис. 16: *17*) имеется в Финляндии [Мурашева, 2000, рис. 47: *1*]. В погребении 2 Дубовского могильника найдены накладки с выемкой у основания (рис. 16: *5*). Аналогии им есть в Танкеевском могильнике [Казаков, 1992а, рис. 60: *36*].

Тип 2. Прямоугольные (рис. 16: *18–20*).

Встречены: Анатк.: пп. 4, 10, 14, 26; Вес.: пп. 3, 5, 6, 8, 11, 13, 14, 15, 33 и случайные находки с территории могильника; Дуб.: пп. 6, 10, 36, 42, 47, 58, 73, 75; Коч.: п. 1; КХ: пп. 25 (плохой сохранности), 32; НС: пп. 26, 28; Рус.: п. 3, жк. 2, 6, 11; ЧК: пп. 6, 10, 15 и случайные находки с территории могильника; Юм.: п. 2.

Квадратные накладки с отверстием в основании, без орнамента встречены в погребениях 8, 11, 14 Веселовского могильника и случайные находки с него, 26 Нижней Стрелки, 6 Черемисского Кладбища, погребение 10, 47 Дубовского могильника, 32 Кузинских Хуторов (рис. 16: *18*). Аналогии известны широко в материалах Ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. X: 40–43], Танкеевского, Большетиганского могильников [Казаков, 1991, рис. 20 и 60], в древностях Западной Сибири [Степи Евразии, 1981, рис. 27: *24*; Турова, 2016, рис. 1: *1, 2*], на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис. 63: *12*], салтовской культуры [Степи Евразии, рис. 37: *133*; Аланы, 1995, с. 278], восходят они к наборным поясам тюрок [Степи Евразии, 1981, рис. 19: *83*]. В погребениях 13 Веселовского и 2 Юмского могильников, 22, 28 Нижней Стрелки, 3, 6, жертвенном комплексе 2 Русенихинского могильника, в погребении 10 Черемисского Кладбища, 7, 36 Дубовского и экземпляров из пп. 10, 26 Анаткасинского могильника найдены квадратные накладки с отверстием в основании и растительным орнаментом (рис. 16: *19*). Аналогии есть в материалах Тимеревского могильника [Ярославское Поволжье, 1963, с. 67], в Минино II [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 81], мордовских древностях [Материалы по истории мордвы, 1952, табл. XXXI: 2], в Пермском Предуралье [Белавин, 2000, рис. 47–53; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: *3*; Данич, 2013, рис. 1: *13*], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина, 1999, рис. 10: *19*], в Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов, 1985, рис. 5: *17, 19*), во владимирских курганах, Тизирево и Кирьяново Ярославской области второй половины X в., Гнездово Смоленской области X в. [Мальм, 1963,

рис. 39: *1*; Мурашева, 2000. рис. 62: *1Г.ТД*, с. 16], Новгороде [Козлова, 2004, с. 189, рис. 2: *10*], Старой Ладоге [Михайлов, 1997, 252, рис. 2: *4*], Венгрии [The Ancient, 1996, s. 207]. В погребении 19 Веселовского могильника имеются квадратные накладки с двумя выемками по одному краю и растительным узором (рис. 16: *20*). Такие накладки встречены в I Семеновском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *79*].

Тип 3. Арочные и пятиугольные (рис. 16: *21–28*).

Встречены: Вес.: пп. 5, 12, 14, 19, 20; Дуб.: пп. 1, 2, 3, 4, 8, 10, 12–13, 24, 45, 52, 58, 66, 79 и случайные находки с территории могильника; НС: пп. 6, 10, 19-а, 21, 29, 30, жк. 4; Рус.: пп. 1, 7, 8, 9, жк. 7, 10, 13; ЧК: п. 11, отдельные находки с территории могильника; Юм.: п. 4.

В погребении 66 Дубовского могильника имеются пятиугольные накладки с параллельными боковыми сторонами, отверстием в основании и двускатным щитком (рис. 16: *21*). Такие же имеются в Бирке [Мурашева, 2000, с. 27]. Аналогии накладкам из погребений 2, 4, 52 Дубовского, 4 Юмского могильников, 10 Нижней Стрелки, 7, 9 Русенихинского могильника (рис. 16: *22*) известны в Лядинском могильнике, Швеции [Мурашева, 2000, с. 31], на Верхней Каме [Данич, 2013, рис. 1: *58*]. Экземпляр из погребения 2 (рис. 16: *23*) несколько отличается оформлением и имеет аналогии в Танкеевском могильнике, где датируется второй половиной IX – первой четвертью X в. [Казаков, 1992а, рис. 2: *5*]. В погребениях 19 и 20 Веселовского могильника имеются арочные накладки, орнаментированные по краям полушариями (рис. 16: *24*). Такие накладки имеются в материалах могильников Южного Урала [Степи Евразии, 1981, рис. 55: *8*]. В погребении 5 Веселовского могильника есть накладки арочной формы без орнамента и с прорезью (рис. 16: *25*). Такие же накладки найдены в могильниках Южного Урала [Степи Евразии, 1981, рис. 55: *11*], в Танкеевском могильнике [Казаков, 1991, рис. 69: *92*]. В погребении 29 Нижней Стрелки найдены пятиугольные накладки (рис. 16: *26*), аналогии которым известны в Семеновском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *57–59*]. В погребении 6 Нижней Стрелки есть пятиугольные накладки с прямоугольным отверстием со стрельчатым верхом у основания (рис. 16: *27*). По краю поясок выпуклостей. Аналогичные встречены в Лядинском могильнике и Швеции [Мурашева, 2000, с. 31]. Аналогии в I Измерском селище во второй половине X–XI вв. [Казаков, 1991, рис. 44: *47*] имеют пятиугольные накладки с параллельными боковыми сторонами и рифленым ободком из погребения 8 Дубовского могильника (рис. 16: *28*).

Тип 4. В виде головы животного (рис. 16: *29–30*).

Встречены: Вес.: п. 12; Дуб.: пп. 7, 59; НС: пп. 16, 31; Рус: п. 2, жк. 11; ЧК: п. 6.

В погребениях 12 Веселовского могильника, 31 Нижней Стрелки, 6, 59 Дубовского могильника есть накладки в форме имитации головы животного (рис. 16: *29*). Такие же есть на I Семеновском селище, Болгаре (Казаков, 1991, рис. 44: *95*), в Пановском могильнике [Материальная культура, 1969, табл. 19: 2, 3]. В погребениях 6 Черемисского Кладбища, 16 Нижней Стрелки и на Русенихинском могильнике (рис. 16: *30*) встречены накладки в виде головы совы (?). Аналогии есть в Верхнем Прикамье [Данич, 2013, рис. 1: *2*], на Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *65–68*]. Е.П. Казаков считает, что на Измерском селище они и изготавливались [Казаков, 1991, с. 137]. Большое разнообразие таких накладок есть в материалах юдинской культуры [Турова, 2016, рис. 1: *50–54*].

Тип 5. Круглые (рис. 16: *31–32*).

Встречены: Вес.: пп. 2, 16; Дуб.: пп. 36, 46, 58, 66; КХ: пп. 10, 23; НС: пп. 6, 11-а, 15, 16, случайные находки с территории могильника; Рус.: п. 1.

Аналогии этим накладкам найдены в Болгаре, I Семеновском селище во второй половине X–XI вв. [Казаков, 1991, рис. 44: *17*], на Южном Урале в IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 55: *4*], в Венгрии (Мурашева, 2000, с. 33), в Верхнем Прикамье [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200: *18*], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *38–43*]. В погребении 6 Нижней Срелки имеются округлые накладки с острым концом. Подобные есть в Танкеевском могильнике [Казаков, 1992а, рис. 60: *17*].

Тип 6. С кольцом (рис. 16: *33–35*).

Встречены: Вес.: из материалов раскопок 1929 г.; Дуб.: п. 58; Коч.: пп. 3, 5; НС: пп. 11-а, 30; Рус.: п. 6; ЧК: п. 3, случайные находки с территории могильника; Юм.: п. 7.

Из раскопок 1929 г. Веселовского могильника происходят квадратные накладки с кольцом и растительным орнаментом (рис. 16: *34*). Такие накладки есть в материалах I Семеновского селища [Казаков, 1991, рис. 44, 45]. В погребении 58 Дубовского могильника найдены пятиугольные с параллельными боковыми сторонами с петлей для подвешивания кольца (рис. 16: *35*), орнаментом (верхний цветок опирается на основание в виде побегов с отходящими от него листьями). Аналогии есть в Елизавет-Михайловском могильнике [Материальная культура, 1969, табл. 29: 12].

Тип 7. В виде цветка с лепестками (рис. 16: *36, 37*).

Встречены: НС: жк. 13; Рус.: п. 5.

Аналогии таким накладкам известны в Волжской Булгарии [Казаков, 2007, рис. 24: *1, 2*].

Тип 8. Прямоугольные, орнаментированные полушариями. Имеется две разновидности: с отверстием в основании и без него (рис. 16: *38, 39*).

Встречены: Анатк.: п. 29; Рус.: жк. 2; ЧК: п. 14, случайные находки.

Аналогичные изделия найдены в курганах Южного Приладожья [Мурашева, 2000, с. 109], в могильнике Минино II [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 90], в Белозерье [Тухтина, 1966, с. 127], курганах Южного Урала [Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31: *14*], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *7*], булгарских древностях, датированы они второй половиной X в. [Мурашева, 2000, с. 32, 109].

Тип 9. С прямоугольной основой и двумя выпуклостями в виде цветков лилии (?) (рис. 16: *40*).

Встречены: Вес.: пп. 2, 33; НС: жк. 6.

Такие накладки есть в I Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *91*].

Тип 10. В виде полумесяца с полушарными выступами по краям (рис. 16: *41*).

Встречены: НС: жк. 6.

Аналогии известны на I Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *85*], в Большетиганском могильнике [Казаков, 1992а, рис. 20: *52*].

Тип 11. Прямоугольные с полукруглым выступом и выемкой на противоположных сторонах (рис. 16: *42*).

Встречены: Анатк.: жк. 2, п. 6; НС: жк. 7, 8, 10.

Такие же накладки есть в могильнике Минино II [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 79], в I Семеновском селище [Казаков, 1991, рис. 44: *81*], в древностях мордвы [Материальная культура, 1969, табл. 18: 2–5], в Гнездово [Мурашева, 2000, с. 54], на Белом озере [Захаров, 2004, рис. 96: *19, 43*], в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 1: *64*].

Наконечники (концевые накладки)

Часто оформлены в одном стиле с накладками и пряжкой поясного набора.

Встречены: Анатк.: п. 6; Вес.: пп. 2, 3, 5 (5 экз.), 6, 8, 9, 11, 12 (2 экз.), 13, 14, 16, 19 (2 экз.), 20, 24; Дуб.: пп. 2, 3, 6, 32, 36 (2 экз.), 45 (12 экз.), 52 (2 экз.), 58, 59, 64, 66 (3 экз.), 67, 73 (3 экз.), случайные находки с территории могильника; Коч.: пп. 1, 3, 5; КХ: пп. 10 (плохой сохранности), 32;

НС: пп. 5, 6, 10, 11, 15 (2 экз.), 16, 19, 21 (2 экз.), 26 (2 экз.), 28, 29, 30, 31, 34, 40, жк. 4 (2 экз.), 7, 8, 12, 13, случайные находки с территории могильника; Рус.: пп. 1 (2 экз.), 2, 3 (2 экз.), 4, 5, 6, 7 (2 экз.), жк. 2 (2 экз.), 3, 5, 6, 7; ЧК: пп. 6 (2 экз.), 11, 14, случайная находка с территории могильника; Юм.: пп. 2, 4 (2 экз.), 5, 7 (2 экз.).

В погребении 3 Веселовского могильника имеется наконечник, изготовленный из неорнаментированной пластины и крепящийся к ремню с помощью заклепок (рис. 17: *1*). Аналогии ему известны в Танкеевском могильнике [Казаков, 1991, рис. 59: *9*].

В погребениях 13 Веселовского могильника, 73 Дубовского, 14 Черемисского Кладбища, жертвенном комплексе 3 Русенихинского могильника встречены наконечники, основу орнаментальной композиции которых составляет цепочка ромбов, расположенных по центру (рис. 17: *2*). Аналогии им есть на Семеновском I селище во второй половине X–XI в. [Казаков, 1991, с. 130, рис. 44: *39*].

Аналогии наконечникам (рис. 17: *3*) из погребений 31 Нижней Стрелки, 36, 59 Дубовского могильника, составляющим композицию с накладками из соответствующих погребений (накладки типа 4), есть в I Семеновском селище [Казаков, 1991, рис. 44].

Из отдельных находок с Черемисского Кладбища происходит наконечник, верхний край его прямо срезан, нижний округлый, орнамент – остроовальные фигуры, расположенные в виде трилистников (рис. 17: *4*), имеющий аналогии в Новоникольском (огузско-печенежская орда) X в. [Мурашева, 2000, с. 59].

В материалах Мартыновского клада VII в. [Мурашева, 2000, с. 60] имеются наконечники (рис. 17: *5*), похожие на изделия из погребений 2 Юмского могильника, погребения 3 и жертвенного комплекса 2 Русенихинского могильника.

В жертвенном комплексе 4 Русенихинского могильника (рис. 17: *6*) имеется наконечник, находящий аналогии в Приладожье [Кочкуркина, 1989, рис. 88: *3*].

В жертвенном комплексе 12 Нижней Стрелки, погребении 32 Дубовского могильника имеются наконечники (рис. 17: *7*), имеющие аналогии в Барсовом Городке в Западной Сибири в X−XI вв. [Мурашева, 2000, с. 60].

В погребении 79 Дубовского могильника встречен наконечник, его верхний край имеет треугольный вырез, нижний край округлый, гладкий ободок, орнамент – композиция из пятилистника с отогнутым нижним ле-

пестком и растительным мотивом в виде пучков листьев (рис. 17: *8*), аналог которому есть в материалах Бирки в Швеции [Мурашева, 2000, с. 64].

Простым неорнаментированным концевым накладкам, как, например из погребения 26 Нижней Стрелки (рис. 17: *9*), есть аналогии в юдинской культуре [Турова, 2016, рис. 2: *4, 16*].

Поясные кольца

Иногда древнемарийские пояса в своей конструкции имеют кольца (рис. 17: *10–12*). Однако это не характерно для могильников Ветлужско-Вятского междуречья. В основном это простые, гладкие металлические (железо или бронза) кольца, но есть и с орнаментом (это погребения 5 Юмского могильника и 16 Нижней Стрелки). В погребении 26 Веселовского могильника кольцо имело 4 спицы, а в 24-м Веселовского могильника вместо поясного кольца использована фибула.

Встречены: Вес.: пп. 12 (железное), 22 (2 экз.), 24, 26; НС: пп. 4, 11, 16, 18, 40 и случайная находка с территории могильника; ЧК: п. 6 (2 экз.); Юм.: п. 5.

Пояса с кольцами характерны для балтских народов, имеются также в материалах Гнездовских курганов [Мурашева, 2000, с. 74–75], Корбальского могильника, в Приобье [Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. XXII, XCI], в Новгороде [Седова, 1981, с. 150–152], в могильнике Минино II [Археология севернорусской деревни, 2008, рис. 86], в материалах юдинской культуры [Турова, 2016, рис. 2].

С одной стороны, немногочисленность находок поясных колец, с другой – необходимость их использования (фибула вместо кольца) наводят на мысль о каком-то практическом применении таких поясов для ношения колчана со стрелами на поясе или каких-либо других целей. Погребения с кольцами отличаются относительно поздней датой, что может говорить о заимствовании моды на пояса с кольцами с западных территорий.

Таким образом, наблюдается несколько центров, в которых сосредоточены аналогии поясам из древнемарийских могильников: Волжская Булгария, Верхнее Прикамье и Чепца, территория расселения мордвы, Южный Урал, Северная Русь и Приладожье. Импорт с Северной Руси датирован преимущественно XI в. Проблему представляет недостаточно четкая датировка элементов поясной гарнитуры в материалах Волжской Булгарии, не позволяющая проследить цикличность их привоза на территорию Марийского Поволжья.

Вероятно также, что часть поясов ввозили в уже собранном виде, об этом говорит их конструкция, о которой упоминалось выше. Вполне возможно и местное производство некоторых накладок.

Наборные пояса в Ветлужско-Вятском междуречье появляются уже в IX в., а к XII в. наблюдается их исчезновение. Эта территория сконцентрировала в себе большое количество разнообразных типов наборных поясов со всей территории Восточной Европы.

§ 5. Обувь

На сегодняшний день материалы древнемарийских могильников позволяют сделать несколько реконструкций обуви. Обувь древних марийцев шилась из одного-двух кусков сыромятной кожи и фиксировалась на щиколотке посредством шнура, продевавшегося в прорези по бортику обуви. По бокам пришивались очковидные подвески, крупные умбоновидные подвески крепились выше пятки [Никитина, 2018б, с. 81–83]. Расположение подвесок отличается от, например, муромской обуви, где умбоновидные подвески крепились на носок. Примечательно ношение такой обуви не только женщинами, но и мужчинами: погребения 5 Веселовского и 3 Кочергинского могильников. Эти два погребения отличаются богатством инвентаря.

Группа I. Петельные привески.

Тип 1 – 74 экз. В виде парных спиралевидных кружков (очковидные) и дужкой сверху. Внизу на трех или четырех петельках подвешены привески (рис. 18: *1–6*).

Встречены: Вес.: пп. 4 (4 экз.), 5 (4 экз.), 6 (4 экз.), 12 (4 экз.), 17–18 (2 экз.), 19, 20 (4 экз.), 22, 27 (2 экз.), 29; Дуб.: пп. 4 (3 экз.), 49, 52 (3 экз.), 1 экз. из сборов; 2 экз. из Кантауровского могильника; КХ.: п. 25 (2 экз.); Коч.: п. 3 (2 экз.); 2 экз. из Лопьяльских находок; НС: пп. 19 (3 экз.), 25 (2 экз.), 29 (4 экз.), 33 (3 экз.), жк. 4 (4 экз.), 12; ЧК: пп. 1 (4 экз.), 13 (4 экз.); Юм.: пп. 4 (3 экз.), 5 (3 экз.).

Аналогии имеются на Иднакаре [Иванова, 1998, рис. 57: *21*], в древностях чепецкой культуры [Финно-угры и балты, 1987, табл. LXI: 25], в материалах ломоватовской культуры, на Верхней Каме [Голдина, 1985, табл. XVIII: 6; Голдина, Кананин, 1989, рис. 52: *29*], мери [Леонтьев, 1996, рис. 128: *1–3*], муромы [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXV: 8].

Тип 2 – 18 экз. В виде одной пары спиральных кружков и дужкой сверху, но привески на петельках отсутствуют (рис. 18: *7–9*).

Встречены: Вес.: п. 9; Дуб.: пп. 49, 52, 65 (2 экз.), 71 (2 экз.), 74 (3 экз.); КХ: п. 32 (4 экз.); Юм.: п. 4 (2 экз.).

Аналогии есть в материалах ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. XVIII: 7, 9], мери [Леонтьев, 1996, рис. 110: *1*], муромы [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXV: 6].

Тип 3 − 4 экз. В виде двух пар спиральных кружков и дужкой сверху, привески на петельках отсутствуют (рис. 18: *10*).

Встречены: Дуб.: п. 80 (4 экз.).

Аналогии обнаружить не удалось.

Тип 4 − 25 экз. Дужка соединена у основания перекладиной и имеет два кольца, находящихся под прямым углом к плоскости (рис. 18: *11−13*).

Встречены: Вес.: п. 5 (4 экз.); Дуб.: п. 79 (4 экз.); Коч.: пп. 2 (4 экз.), 3 (2 экз.); КХ: п. 22; НС: п. 19 (2 экз.), жк. 4.; ЧК: пп. 1 (2 экз.), 3; Юм.: п. 7 (4 экз.).

Аналогии известны в верховьях Камы [Голдина, Кананин, 1989, рис. 52: *20*].

Тип 5 − 1 экз. Дужка соединена с одним кольцом, находящимся под прямым углом к плоскости (рис. 18: *14*).

Встречена: 1 экз. из Лопьяльских находок.

Аналогии такому изделию не известны.

Группа II. Умбоновидные привески.

Тип 1 − 25 экз. Со спиральным узором. На обороте петля. Внизу от трех до семи петель с привесками (рис. 18: *15−19*).

Встречены: Вес.: пп. 7, 12 (2 экз.), 27 (2 экз.), 32 (4 экз.); КХ: п. 25 (2 экз.); 1 экз. из Лопьяльских находок; НС: пп. 5 (2 экз.), 11-а, 19, 29, жк. 4; Рут: п. 16; ЧК: пп. 1 (2 экз.), 13 (2 экз.); Юм.: пп. 4, 5.

Аналогии есть на муромских памятниках [Горюнова, 1961, рис. 69: *5*; Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXV: 15], в материалах ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. XVIII: 19, 20], мери [Горюнова, 1961, рис. 42: *2*], Корбальского могильника, в древностях вымской, родановской культур [Финно-угры и балты, 1987, XXII: 18, 21; табл. LVII: 12; табл. LXV: 26].

Тип 2 − 1 экз. Со спиральным узором. На обороте петля. Отличаются от типа 1 отсутствием привесок (рис. 18: *20*).

Встречена: Юм.: п. 4.

Аналогичных изделий в материалах других археологических культур не обнаружено.

Тип 3 − 1 экз. Умбоновидная со жгутовой окантовкой, снабжена перекладиной сверху и семью колечками с лапчатыми привесками (рис. 18: *21*).

Встречена: Дуб.: п. 49.

Точную аналогию назвать затруднительно.

Группа III. Обмотки с металлическими пластинами. Представляют собой кожаную ленту, на которую положены бронзовые или латунные пластины, края их загнуты для удержания на ленте (рис. 18: *22*).

Встречены: ЧК: п. 14.

Аналогии известны в муромских могильниках [Бейлекчи, 2005, рис. 24; Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXVI: 2, 3, 9].

Группа IV. Пронизки на обуви (либо в ногах погребенного).

Встречены: Вес.: пп. 4, 5, 13, 15, 20, 27; Дуб.: пп. 14, 59, 60, 70, 71, 74; КХ: п. 32; НС: пп. 2а, 6, 8, 10, 11, 12, 17, 19, 29, 32, 38; ЧК: пп. 1, 13; Юм.: п. 7. Возможно, пронизки были и в других захоронениях и жертвенных комплексах, содержащих остатки обуви.

В погребениях 19 и 32 Нижней Стрелки пронизки снабжены лапчатыми привесками (рис. 18: *23*). Аналогии таким украшениям есть в материалах мери, муромы [Горюнова, 1961, рис. 42: *19*; 58: *9*; 69: *4*], ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. XVIII: 1−4].

Иногда в качестве украшения обуви использовались металлические бусины (пп. 6 Юмского могильника, 1 Черемисского Кладбища), а в погребениях 4 и 5 Юмского могильника − цепочки.

Подводя итог, следует отметить, что обувные привески характерны для волжских финнов и имеют происхождение в материалах рязано-окских могильников. Их присутствие на памятниках Ветлужско-Вятского междуречья является следствием общности волжско-финских народов, однако не исключено, что часть украшений обуви связано с импортом или импульсом из Прикамья или с Оки.

ГЛАВА III.
НАПРАВЛЕНИЯ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Анализ украшений из древнемарийских могильников, поиск аналогий им позволяют выявить многочисленные импортные вещи. Однако не все инокультурные украшения и предметы являются результатом торговли, некоторые изделия, несомненно, появились на древнемарийской территории посредством этнических контактов, а также, возможно, военной добычи. Не все эти вещи проникли в Ветлужско-Вятское междуречье по Волге. Прикамские украшения и, возможно, некоторые древнерусские поступали с севера и северо-востока, однако и эти территории входили в систему Волжского торгового пути, поскольку (равно как и страны Балтийского бассейна) связаны опосредовано с бассейном Волги и тяготели к этой реке, как к крупнейшей и важнейшей магистрали Восточной Европы. Таким образом, даже если предмет попадал на территорию расселения древних марийцев не по Волге, а, скажем, по Вятке или сухопутным путем через многочисленных посредников, его тоже следует связывать с понятием «Великий Волжский путь». Это понятие включает не только торговлю по Волге, но и объединяет все торгово-экономические, межэтнические, миграционные, культурные, политические и прочие процессы в регионах, территория которых значительно превышает волжский бассейн.

Немногочисленное население Ветлужско-Вятского междуречья оказалось рядом с оживленной магистралью средневекового мира, что и привело к появлению обилия привозных вещей. Анализ этих вещей позволяет определить три основных направления их поступления.

§ 1. Связи с Волжской Булгарией

В научной литературе территория расселения древнемарийского населения практически однозначно трактуется как рынок сбыта товаров булгарских купцов. Объясняется это близким расположением и удобным

речным путем по Волге [Смирнов, 1952; Халиков, 1962; Казаков, 1992а]. Ветлужско-Вятское междуречье, несомненно, было втянуто в торговлю с булгарами. Товары из Ирана, Средней Азии, Северного Кавказа и некоторых других регионов на Среднюю Волгу, Вятку и Ветлугу, вероятнее всего, поступали посредством булгарских торговцев.

Одним из основных предметов, которым купцы расплачивались с марийским населением (о товарно-денежных отношениях здесь говорить не приходится), являлись дирхемы. Марийская территория не обладает источниками серебра, да и вообще цветных металлов, необходимых для производства украшений, поэтому для этих целей могли использовать переплавленные дирхемы и привозные украшения. В общем потоке восточных монет преобладают дирхемы Саманидов [Никитина, 2002, табл. 25], что характерно для Восточной Европы в целом [Янин, 1956, табл. II, с. 122, 123]. Дирхемы имели широкое применение: их использовали в качестве элемента украшения (подвески), пробивая отверстие; как обкладку деревянных чаш; вероятно, и в качестве сырья, переплавляя в проволоку и украшения. Дирхемы найдены во всех известных могильниках. Происходят они из Западной и Средней Азии, Волжской Булгарии или являются их подражаниями. Датируются, за единичным исключением, X в. [Никитина, 2002, табл. 25]. Имеется множество подражаний этим монетам, которые, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, производились в Волжской Булгарии [Федоров-Давыдов, 1984, с. 166]. Характерной особенностью Ветлужско-Вятского междуречья является отсутствие кладов монет. Клады известны на Чепце, в Верхнем Прикамье, практически на всем протяжении Волжского торгового пути. Вероятно, данный факт можно объяснить отсутствием на этой территории крупных центров торговли, крупных факторий, большого оборота дирхемов и, как следствие, отсутствие сосредоточения их в одних руках. Возможно, это объясняется и стабильной, спокойной обстановкой.

Большой категорией булгарского импорта являются элементы поясной гарнитуры. Около половины привозных накладок, пряжек и наконечников имеют аналогии либо в булгарских древностях, либо в материалах более южных территорий. Это наиболее показательная группа предметов булгарского ввоза. Вероятно, не все элементы поясной гарнитуры являются предметами торговли, однако мы имеем дело не с единичными изделиями, а массовым материалом. Поскольку большинство типов накладок с рассматриваемых могильников имеют аналогии в булгарских древностях, большую часть древнемарийских поясов можно считать результатом

контактов с булгарами. Пояса носились населением Ветлужско-Вятского междуречья на всем протяжении обозначенного периода, однако основная их масса приходится на X–XI вв.

Следующая крупная категория – бусы. По наблюдениям Г.А. Архипова, бусы из древнемарийских могильников в основном имеют аналогии в Волжской Булгарии, памятниках салтовской культуры, в Средней Азии [Архипов, 1973, с. 24–25; Казаков, 1991, с. 144–149].

Несомненно, посредством булгарских торговцев на древнемарийскую территорию проникли предметы торевтики. Известно 8 чаш, целых или во фрагментах. Чашам из древнемарийских могильников посвящен ряд исследований, где убедительно доказывается их поступление из стран Востока и Волжской Булгарии [Никитина, Руденко, 1992; Руденко, 2000; 2010]. Датируются эти изделия в пределах второй половины X – первой половины XI в. [Руденко, 2000, с. 86–91].

Популярностью среди древнемарийского населения пользовались раковины-каури. Очевидно, что ввозились и органические предметы, плохо сохранившиеся или не сохранившиеся до наших дней. Это ткани: шелк, шерсть [Орфинская, Никитина, 2014, с. 81–83], возможно, продукты питания и т.д. Остальные категории привозных вещей из Волжской Булгарии незначительны.

В качестве булгарских можно рассматривать перстни со вставкой, так называемого салтовского типа, грушевидные бубенчики с орнаментом из материалов могильника Нижняя Стрелка, аналогии которым известны в булгарских древностях [Казаков, 1991, рис. 40; Город Болгар, 1996, рис. 63], биметаллические кресала с навершием в виде трубочек, укрепленных на пластинчатом основании из Дубовского могильника, аналогии им встречены в Болгаре и Верхнем Прикамье, но находки их единичны [Город Болгар, 1996, с. 252], предметы конской упряжи, топоры с двумя парами округлых щековиц, пика, сабля, кинжалы. Некоторые металлические котлы, по-видимому, также являются привозными и связаны с булгарским влиянием.

Ряд исследователей в качестве булгарского импорта приводят и некоторые другие предметы. Т.А. Хлебникова предположила производство биконьковых подвесок (тип 12) на территории Волжской Булгарии [Хлебникова, 1963]. Е.П. Казаков также посчитал эти изделия продуктом ремесленного производства булгар. Кроме этого, к категориям булгарской торговли исследователь относит некоторые биметаллические кресала, поясные сумки, шумящие подвески с коньковыми и арочными щитка-

ми, часть изделий косторезного производства [Казаков, 1992а, с. 45–46]. Картографирование находок биконьковых подвесок, их датировка и отсутствие следов производства на территории Волжской Булгарии однозначно указывает на Прикамье как на родину этих украшений. То же можно сказать и об арочных подвесках. Однако не исключено, что эти изделия могли производить прикамские финно-угры, жившие в Булгарии. Едва ли изделия из кости и рога следует считать продуктами булгарского ремесла. Немногочисленные расчески имеют аналогии на Руси и в Прикамье, а копоушки, биконьковые привески и костяные пронизки отличаются своеобразием и изготавливались на месте.

Отдельно следует сказать о поясных сумках. Сумки из бобрового хвоста с металлическими зажимами по краям долгое время считались булгарским импортом, однако в памятниках волжских булгар известно свыше 25 сумок всех типов [Казаков, 2001, с. 173], в то время как в древнемарийских могильниках встречены 32 сумки только из бобрового хвоста, что выше как в количественном, так и в процентном (на количество учтенных погребений) соотношении. Вряд ли мы имеем основания считать их импортом из Булгарии. Имеется мнение о том, что грушевидные кошельки из территории Венгрии, где они также встречаются в большом количестве, распространились посредством булгарских торговцев [Казаков, 1992а, с. 144]. Но это мнение требует доказательств, поскольку такие сумки известны и на Мининском археологическом комплексе, в Верхнем Прикамье. Древнемарийские же изделия, выделенные Т.Б. Никитиной в тип 1 [2013, с. 151, 152, 158], отличаются оформлением. Очевидно, их следует считать предметом местного изготовления.

Сумки-ташки с металлической пластиной, украшенной чеканным узором, также зачастую интерпретируются в качестве булгарских или венгерских [Казаков, 2001, с. 172–173]. Такие изделия происходят из погребения 19 Веселовского могильника и жертвенных комплексов 2 и 8 Русенихинского могильника, погребения 8 Красногорского могильника. Но прямых аналогий они не имеют, вследствие чего вопрос об их происхождении остается открытым. Возможно, эти изделия распространялись посредствам булгарских торговцев [Никитина, 2013, с. 160].

Мы видим большое количество вещей, импортируемых из Волжской Булгарии или через нее. Однако стоит отметить некоторые особенности.

1. Далеко не все категории вещей, производимых в Волжской Булгарии, были востребованы древнемарийским населением. Прежде всего спросом пользовались наборные пояса, дирхемы, топоры и, вероятно, ткани

(может быть одежда). Мы не видим в погребениях рассматриваемых могильников некоторых видов украшений, характерных для Булгарии: перстней и браслетов различных типов, лунниц и других подвесок, украшенных зернью, а также металлических зеркал и других предметов. Следует предположить, что эти изделия не завозились, поскольку не были восприняты древнемарийским населением или же они переплавлялись.

2. Булгарский импорт содержится примерно в половине всех рассмотренных погребальных комплексов, но эта цифра условна ввиду широкого распространения на территории Восточной Европы некоторых типов вещей, в связи с чем невозможно однозначно интерпретировать их в качестве булгарского импорта. Некоторые предметы (например, элементы поясной гарнитуры) могли изготавливаться на месте по привозным образцам или поступать с других регионов.

3. Не все категории вещей, которые ранее считались булгарским импортом, являются таковым.

4. Вряд ли следует говорить о каких-либо значимых этнических контактах. Рассмотренные могильники не содержат погребений, которые можно было бы интерпретировать как булгарские. Исключением является Амоксарский могильник, материалы которого в работе не использовались.

Материалы Амоксарского могильника отражают сложные культурные процессы, происходившие в X–XII вв. в Среднем Поволжье. Они проявились в особенностях погребального обряда и в сопровождающем инвентаре [Никитина, Акилбаев, 2024]. Однако эта тема требует дальнейших исследований.

5. В Ветлужско-Вятском междуречье отсутствуют булгарские опорные пункты (укрепленные поселения), едва ли при таком положении все древнемарийские племена могли быть зависимы от Волжской Булгарии политически. Булгары могли совершать набеги на древнемарийскую территорию, что характерно для раннефеодального общества, однако о таких набегах источники не сообщают.

6. Мы наблюдаем в Марийском Поволжье не столько сбыт продукции булгарского ремесла, сколько посредническую деятельность торговцев, так как такие товары, как шелк, каури, дирхемы и некоторые другие, не являются булгарскими, а попали в Среднее Поволжье в результате посреднической торговли.

Подводя итог, можно отметить, что древнемарийское население Ветлужско-Вятского междуречья и прилегающих территорий было втянуто

булгарскими купцами в международную торговлю пушниной (поскольку, вероятнее всего, именно пушниной расплачивались за булгарские товары). Судя по обилию привозных вещей и датировкам, эта торговля имела постоянный характер в X – первой половине XI в. Позднее она достаточно резко идет на убыль. Вероятно, это следует связывать с активностью Северо-Восточной Руси, вступившей в противостояние с Волжской Булгарией, в котором марийцы, по-видимому, приняли участие, находясь на пограничной территории.

Таким образом, торговое влияние Волжской Булгарии на древних марийцев было, несомненно, сильно, но его роль несколько завышалась предыдущими исследователями. Территория Ветлужско-Вятского междуречья с редким населением вряд ли могла быть стабильным рынком сбыта булгарских товаров.

§ 2. Западное направление связей

Вопрос о контактировании с западными территориями (Русью, Прибалтикой, Волго-Окским междуречьем, Скандинавией, Северо-Восточной Европой и другими) сложен и неоднозначен. Наиболее ранние контакты древних марийцев с западным миром связаны с взаимоотношениями между ближайшими соседями − мордвой, муромой, мерей. Эти народы объединены общностью происхождения, которая проявляется в схожести некоторых элементов материальной культуры, например, украшений. Перечисленные народы имеют в целом те же принципы ношения нагрудных украшений, обувных подвесок, отличаются широким распространением гривен глазовского типа, «усатых» перстней и некоторыми другими элементами костюма [Никитина, 2017а]. Общность происхождения во многом затрудняет интерпретацию изделий в качестве импорта. Вероятнее всего, взаимоотношения обозначенных народов имели сложный и многогранный характер, включавший меновую торговлю, этнические связи.

К украшениям, попавшим на древнемарийскую территорию от других волжских финнов, можно отнести гривны группы I типов 5 и 6, нагрудные украшения типов 2, 3, 6, подтипов 9а и 9б типа 9, а также типов 10, 11, 13, «усатую» сюльгаму, обувные обмотки с металлическими пластинами. Эти украшения представлены единичными экземплярами, за исключением каплевидных подвесок, и датируются в целом X в. Однако имеются и более ранние вещи – гривны и подвеска в виде прямоугольно-

го щитка. Таким образом, предметы волжско-финского происхождения, наряду с отдельными вещами салтовского мира (перстни со вставкой, некоторые пояса), являются наиболее ранними привозными украшениями в материалах древних марийцев и проникли на территорию их расселения еще в IX в., то есть в период, когда Волжский торговый путь только формировался как магистраль, соединяющая Русь, страны балтийского бассейна с Востоком.

Стоит отметить, что и в муромских материалах имеются древнемарийские вещи, например, трапециевидные подвески в Урвановском и Танкеевском (в муромском погребении) могильниках, что свидетельствует о двусторонности контактов.

Этнические и торговые взаимоотношения между волжскими финнами нашли отражение в течение всего рассматриваемого периода, постепенно перерастая во взаимоотношения уже со славяно-финским населением, пришедшим на земли востока Волго-Окского междуречья в середине XI в. (речь о нем пойдет ниже). Эти контакты имели эпизодический характер, оставили след в женском костюме раннесредневековых марийцев, но существенного влияния на него не оказали. Однако существовали по XII в. включительно, а возможно и позже.

Значительное место в системе контактов населения Ветлужско-Вятского междуречья с западным миром занимает активная торговля на Волге. Из арабских источников начала X в. мы узнаем о пребывании в Волжской Булгарии купцов «русов» [Ковалевский, 1956, с. 141–142]. Торгово-ремесленные поселения, как предполагает Е.П. Казаков, имевшие разноэтничное население [1991, с. 160], существовали в устье Камы. В целом торговые и культурные связи Руси и Волжской Булгарии были активны и в настоящее время хорошо изучены. Причем имеется два пути этих контактов: по Волге и ее притокам и сухопутный, из Болгара в Киев. Нам, несомненно, более интересен первый путь.

Достаточно большое количество вещей западного происхождения на территории Волжской Булгарии может натолкнуть на мысль о том, что эти вещи распространялись в регионе посредством булгарских торговцев. Отчасти это утверждение верно для материалов Прикамья [Иванов, 1998, с. 150]. Но древнемарийская территория, в отличие от Прикамья, расположена на Волжском торговом пути, северо-западнее Булгарии. Вещи западного происхождения в основном иных типов (это всевозможные фибулы, браслеты, оружие и другие) и представлены большим разнообразием, чем древнерусский импорт в Волжской Булгарии, вследствие чего мы

имеем право говорить о торговой деятельности непосредственно купцов из Руси или, возможно, скандинавских стран.

Наиболее ярко этот пласт торговых связей иллюстрируют предметы, имеющие аналогии в странах балтийского бассейна (стоит отметить, что эти предметы получили распространение и на Руси, поэтому утверждать их проникновение напрямую из Скандинавии или Прибалтики нет основания) или в памятниках дружинной культуры Руси. К таким предметам относятся подковообразные фибулы (типы 1, 2), боевые ножи – скрамасаксы, крест скандинавского типа, некоторые браслеты (дротовый с сужающимися концами из погребения 8 Русенихинского могильника, дротовые с завязанными концами) и отдельные поясные накладки (подробнее см. соответствующий раздел), меч, наконечник ножен (возможно, некоторое другое оружие и орудия труда), лировидный кошелек и плетеная цепочка из жк. 1 могильника Кузинские Хутора. Кроме того, шерстяные ткани, иные товары органического происхождения также могли попасть в Ветлужско-Вятское междуречье с запада [Орфинская, Никитина, 2014, с. 81–82].

Интересным фактом является находка трех скрамасаксов (один целый и два фрагмента обкладки ножен), поскольку скрамасакс – редкое оружие, определяющее высокий статус его носителя в Скандинавии, Прибалтике и на Руси. Не исключено, что они являются трофеями.

Стоит отметить, что вещи балтийского и дружинного облика датированы в марийских материалах преимущественно X в., но встречаются и в XI в. Именно они являются ярким свидетельством функционирования Великого Волжского пути. Во второй половине XI в. западные предметы носят иной характер (об этом будет сказано ниже).

Славяно-скандинавские купцы редко посещали древнемарийские территории, торговля с Русью в X в. была слабой, заметно уступала торговым отношениям с Волжской Булгарией. Никаких факторий на рассматриваемой территории древнерусские торговцы не имели. По-видимому, товары, которые могли предложить раннесредневековые марийцы (пушнина, мед, воск) были в изобилии представлены в самой Руси и не интересовали купцов. Возможно, в Марийском Поволжье устраивались кратковременные стоянки, где торговые караваны пополняли запасы провизии, чинили суда и проводили незначительные торговые операции. Не исключено, что такие отношения древних марийцев и купцов перемежались взаимными ограблениями и вооруженными стычками.

Предметы балтийского и дружинного происхождения встречены преимущественно в богатых захоронениях, определяли высокий статус их

владельцев и были исключением в костюме древних марийцев (преимущественно в мужском), не повлияв на него. Такие вещи встречены в погребении 5 Веселовского могильника. Здесь мы видим богатейший комплекс погребального инвентаря: предметы вооружения, многочисленные украшения, характерные для памятников Ветлужско-Вятского междуречья (дротовые браслеты, «усатые» перстни, кошелек из бобрового хвоста, поясной набор, узор из проволоки на подоле верхней одежды). И в то же время верхняя одежда заколота фибулой с «башенками». В погребении 13 Веселовского могильника также фибула с многогранными головками встречена в комплексе с дротовыми гранеными браслетами, «усатым» перстнем, серьгами со змеевидным основанием, кошельком из бобрового хвоста, здесь также найдены предметы вооружения. В качестве примера можно привести погребения 15 Нижней Стрелки и 5 Русенихинского могильника. В первом обнаружен меч каролингского типа, во втором – скрамасакс. Оба комплекса содержат большое количество инвентаря и отличаются богатством. Если говорить о подобных женских захоронениях, то здесь уместно упомянуть погребение 16 Веселовского могильника, в котором в костюме, наряду с трапециевидными нагрудными украшениями, «усатыми» перстнями и гранеными дротовыми браслетами, присутствует фибула с многогранными головками.

Следующим фактором связей древнемарийского населения с Русью, способствовавшим поступлению огромного количества предметов, является славяно-финская колонизация Волго-Окского междуречья и Европейского Севера. С XI в. в материалах могильников Ветлужско-Вятского междуречья наблюдается постепенный приток вещей славян и западных финно-угров, который усиливается к рубежу XI–XII вв.

Большой интерес представляют находки височных колец – украшений, зачастую имеющих этническую окраску: типы 1в, 1г, 5 группы I, типы 1, 2, 4, 5, 6 группы II. Все эти височные украшения женские и появляются на древнемарийской территории только в XI в. Причем их находки немногочисленны, они не вытесняют этнические височные кольца древних марийцев. Изделия волжско-финского происхождения в данном случае можно отнести не к результатам связей непосредственно с родственными марийцам волжскими финнами, а к контактам со смешанным славяно-финским миром (когда волна колонизации дошла до мерянских и муромских земель), поскольку они не синхронны древностям муромы и мери и в древнемарийских погребениях отличаются поздней датировкой. К этой категории вещей следует отнести фрагмент подвески в виде

стилизованного изображения конька из материалов Веселовского могильника, аналоги которому известны в материалах мери. Комплекс, в котором он найден, также отличается поздней датой. Рассмотренные украшения зачастую сопровождаются другими предметами западного мира – некоторыми гривнами и пластинчатыми браслетами, украшенными орнаментом «волчий зуб», «звериноголовыми» браслетами и т.д. В погребении 14 Черемисского Кладбища височные кольца с заходящими заостренными концами найдены вместе с круглой ажурной бляхой, типичной для древнемарийских могильников. Однако и здесь встречены другие западные вещи: топор с треугольными щековицами, обмотки от обуви, украшенные пластинами.

Показательным элементом влияния славяно-финского населения следует отметить шейные гривны: типы 7, 8, 9 группы I, типы 1, 2, 4, 6 группы II. Все они появляются на территории расселения древних марийцев в XI в., но обычные для раннесредневековых марийских древностей «глазовские» гривны эти украшения вытеснили только к концу XI в. С территории Руси происходят некоторые подковообразные фибулы, распространенные в смешанной славяно-финской среде: типы 3, 4, 5, 7, 8, 10, 12. С этой категорией импортных предметов связано большое количество перстней: типы 1, 2 группы I, некоторые разновидности «усатых» перстней, тип 2 группы II, тип 3 группы III, тип 1 группы V, а также браслетов: подтипы 1б, 1в, 1г типа 1 группы I, подтипы 1б типа 1 группы II, большинство витых и плетеных. С территории Руси происходят отдельные элементы поясной гарнитуры: лировидные пряжки, некоторые типы накладок, разделительные кольца. К этому списку следует добавить топоры с треугольными щековицами, калачевидные кресала.

Украшения славяно-финского облика к рубежу XI–XII вв. вытесняют характерные для древних марийцев типы украшений («глазовские» гривны, граненые браслеты, «усатые» перстни), а в XII в. коренным образом изменяют марийский костюм. Изменения касаются и железных изделий. На место биметаллических кресал приходят железные калачевидные и овальные огнива, типы топоров становятся аналогичными топорам с Руси (треугольные щековицы сменяют округлые), практически исчезают некоторые разновидности оружия (боевые топоры, мечи, скрамасаксы).

Многие из представленных изделий имеют широкое распространение на территории Северной Руси, однако достаточно четко локализуется три центра: Волго-Окское междуречье и Верхнее Поволжье (с некоторыми

соседними территориями), Белозерье, Новгородская земля. Причем изделия из Волго-Окского междуречья заметно преобладают.

Существует два пути поступления обозначенных вещей на территорию Ветлужско-Вятского междуречья. Первый путь самый логичный – Волга и ее притоки. Мы уже убедились в активном его использовании. Второй путь – Сухоно-Вычегодский. Для X в. нет доказательств активного функционирования Сухоно-Вычегодского пути, активно он начинает функционировать с конца XI в. в связи с продвижением новгородцев на северо-восток [Иванов, 1998, с. 104, 151]. Несмотря на то что этот путь более удобен для проникновения в Приуралье, он оказал влияние на поступление некоторых предметов к населению Верхнего Поветлужья и Вятки. Однако не стоит преувеличивать значение этого пути: Волга в это время, несомненно, более масштабная торговая артерия, а волжские могильники содержат большее количество древнерусских вещей.

Теперь определимся с механизмом поступления западного импорта. Вероятно, он был сложным и многогранным. Большое количество типовых изделий (браслетов, топоров, кресал) наводит на мысль о сбыте ремесленной продукции древнерусских (вне зависимости от их этнической принадлежности) мастеров, которые в связи с освоением Волго-Окского междуречья стали географически ближе к Среднему Поволжью и Поветлужью. Но редкое марийское население вряд ли могло быть стабильным рынком сбыта. Появление вещей волжско-финского происхождения может свидетельствовать и о некоторых этнических контактах. Рассматриваемый период – это время усиления феодализации и христианизации славяно-финского населения Восточной Руси, сопровождавшегося восстаниями в Суздале и Ростове [Фроянов, 2012, с. 87–101]. Вероятно, эти процессы сопровождались миграцией на восток некоторой части населения. Однако для XI в. (по крайней мере, до второй половины) не следует преувеличивать процессы миграции, сама колонизация (за некоторым исключением) еще не дошла до Среднего Поволжья и не затронула древнемарийскую территорию. Вопрос о том, захоронены ли на рубеже XI–XII вв. и в XII в. на древнемарийских могильниках представители иных этносов, пришедших с запада, остается открытым. Но, вероятнее всего, такое явление имело место быть, о чем свидетельствуют материалы могильника Нижняя Стрелка, Русенихинского, а также Выжумского, Выжумского II и III могильников, где имеются захоронения, которые можно интерпретировать как оставленные пришлым финским населением, испытавшим славянское влияние [Никитина, 2002, с. 211–212; Акилбаев, Никитина, 2014, с. 69–70; Никитина, 2021б, с. 36–40].

О политическом влиянии Древней Руси в Ветлужско-Вятском междуречье говорить не приходится. На древнемарийской территории не обнаружено каких-либо опорных пунктов, откуда могло осуществляться это влияние.

Марийское население, таким образом, было вовлечено в торговлю по Волжскому пути, связывавшему Среднее Поволжье с Северной Русью и Северной Европой. Изделия западного происхождения не могут в полной мере свидетельствовать о постоянных и стабильных торговых связях. Ситуация меняется, когда в конце XI в. Ветлужско-Вятское междуречье начинает испытывать сильное влияние славяно-финской колонизации, которая, однако, непосредственно марийскую территорию затронула слабо.

§ 3. Связи с Прикамьем

В научной литературе неоднократно поднималась проблема влияния прикамского населения на марийцев. Разными исследователями назывались разные привозные (заимствованные) прикамские вещи: умбоновидные и очковидные привески, биконьковые подвески, арочные нагрудные подвески со сплошной или прорезной основой, круглопроволочные серьги подтреугольной формы, калачевидные серьги, серьги с овальным кольцом с гроздевидной привеской, подвески в виде всадницы на змее, подвески в виде птицы, биметаллические кресала (со стилизованным изображением двух медведей, с изображением антропоморфной фигуры между двумя птицами, фантастических животных), керамика с решетчато-шнуровой орнаментацией.

Большое количество прикамских вещей в материалах древнемарийских могильников породило различные предположения относительно их поступления. Традиционно присутствие этих вещей рассматривается в качестве результата этнических контактов марийцев с пермскими народами [Смирнов, 1952, с. 169–171; Никитина, 2002, с. 195].

Из всех рассмотренных погребальных комплексов могильников Ветлужско-Вятского междуречья около 40 % содержат прикамские вещи. Изделия, найденные на территории могильников, но вне комплексов, в силу своей малочисленности не повлияют на процент и общие выводы. В связи с этим следует упомянуть о неубедительности выводов относительно миграций на основании отдельных находок иноэтничных вещей. Подобные выводы можно делать лишь при наличии полного комплекса костюма, имеющего аналогии в материалах других культур [Никитина,

2010]. Большинство прикамских вещей встречено либо с этническими древнемарийскими вещами, либо с вещами, имеющими аналогии в материалах Руси, других волжских финнов, стран Балтии. Наиболее яркие примеры нам дают женские погребения, поскольку именно женские украшения являются надежными этномаркерами. К ним отнесены налобные венчики на жесткой основе (луб, береста) с металлическими пластинами-накладками, головные цепочки, височные кольца с отогнутым концом, часто раскованным в головку, трапециевидные парные нагрудные украшения [Архипов, 1973, с. 17–19, 26; Никитина, 2002, с. 95, 98, 101]. Так, свыше 60 % комплексов с прикамскими вещами содержат либо украшения, являющиеся марийскими этническими маркерами, либо вещи, характерные для волжских финнов в целом (ажурные нагрудные бляхи, щитковые «усатые» перстни и некоторые другие). Во многих погребениях есть предметы, происходящие с территории Руси, стран балтийского бассейна: витые петлевидные или завязанные браслеты, височные кольца, фибулы и шейные гривны, не характерные для материалов Верхнего Прикамья.

Стоит отметить, что прикамские вещи, кроме названных могильников в Ветлужско-Вятском междуречье, распространены достаточно широко и встречаются в материалах мери, муромы, мордвы, Корбальского могильника, удмуртов, на Южном Урале, севере Руси, памятниках корелы, а биконьковые подвески и некоторые типы биметаллических кресал встречаются от Скандинавии до Западной Сибири [Голубева, 1979, с. 42, 44; Крыласова, 2007, с. 164, с. 166–169].

Не все украшения в костюме населения Ветлужско-Вятского междуречья имеют то же назначение, что и в Верхнем Прикамье. К примеру, отличен способ ношения нагрудных украшений (коньковых и арочных подвесок) – они найдены в районе груди, в то время как в Верхнем Прикамье эти изделия находятся преимущественно в области живота и, судя по реконструкции Н.Б. Крыласовой, являлись украшением кос [Крыласова, 2001]. Имеется два кресала в материалах могильников Нижняя Стрелка и Дубовского, изготовленных из таких коньковых подвесок, либо в подражание им.

Заслуживает внимания и факт того, что не все типы прикамских украшений были восприняты населением Ветлужско-Вятского междуречья. Кроме этого, рукояти биметаллических кресал имеют специфические черты, а арочные и биконьковые подвески зачастую снабжались привесками, не характерными для Прикамья [Белавин, Крыласова, Козлов,

2010, с. 111–112]. Прикамское влияние не затронуло такие категории вещей, как перстни и браслеты.

Из вышесказанного происходит вывод о том, что если представители Прикамья и были захоронены на древнемарийских могильниках, то их количество незначительно.

Исключение составляет могильник Кузинские Хутора. Здесь около 80 % всех комплексов оставлены населением, которое связано с вымскими памятниками. Особо следует отметить эту, пока слабо изученную, тему взаимодействия марийской и вымской культур. Территория бассейна Вычегды занимает промежуточное положение между Прикамьем и Северо-Восточной Русью, однако по многим показателям в культурном плане близка к пермским финно-уграм. Вымские племена, продвинувшись далеко на юг, стали хоронить на марийском могильнике Кузинские Хутора. Несмотря на то что один народ сменил другой в XI в., отмечается некоторое взаимодействие, которое проявилось в широком использовании наборных поясов, более активное, по сравнению с основной территорией вымской культуры, ношение очкововидных и умбоновидных подвескок, наличие в захоронениях отдельных вещей волжско-финского облика. Материалы погребения 23 могут свидетельствовать даже об этнических контактах [Акилбаев, 2024, с. 195, 199].

С территории, прилегающей к реке Чепце, происходят гривны «глазовского» типа. Вопрос о том, изготавливались ли такие гривны на месте или их привозили, рассматривался выше. Вероятно, прикамское происхождение имеют подвески-всадницы. Большинство их изображений стилизовано, но на раннем экземпляре из Глазовского района отчетливо прорисованы детали [Смирнов, 1952, табл. LVIII: 4]. Имеется одна особенность: находки этих изделий тяготеют к Волге (встречаются в основном в могильниках на Волге). То есть либо они связаны с волжской торговлей, либо это простая случайность, обусловленная относительно небольшим количеством таких украшений в древнемарийских могильниках. Стоит отметить, что находки этих подвесок вообще малочисленны. Прикамское происхождение, как было упомянуто, имеют некоторые арочные и биконьковые нагрудные подвески.

Подводя итоги, можно отметить, что прикамские вещи, проникнув на территорию Ветлужско-Вятского междуречья посредством контактов с пермским населением еще в IX в., стали характерными для древнемарийской культуры, прочно вошли в состав как женского, так и мужского древнемарийского костюма, носились вместе с этническими или привозными предметами и бытовали весь рассматриваемый период.

Трудно указать характер поступления этих предметов. Вероятнее всего, мы имеем дело со сложными взаимоотношениями, включающими в себя торговлю, военные столкновения, этнические контакты, где последние, несомненно, преобладают.

Таким образом, мы имеем большое количество вещей прикамского происхождения, что может говорить о широких этнических контактах, но отсутствие полных комплексов этих вещей и анализ материалов древнемарийских могильников в целом не позволяют делать выводы о проживании сколько-нибудь значительного числа прикамского населения на рассматриваемой территории совместно с древними марийцами, за исключением северных контактных территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

IX–XI вв. явились периодом становления марийского этноса. Несмотря на наличие ярких этнических черт в костюме и погребальном обряде, марийские могильники переполнены привозными вещами. Что не удивительно: регион расположен между Волжской Булгарией и Русью, прикамскими и поволжскими финнами, лесом и степью. Марийская культура впитала в себя многие чужеродные элементы. Привозные вещи по-разному были восприняты населением Ветлужско-Вятского междуречья.

Катализатором этих процессов стали Волга и ее притоки. Они значительно облегчили не только движение товаров, но и движение элементов культуры, возможно, и технологий. Исследователями выделяется три этапа функционирования Волжского торгового пути: вторая половина X – первая половина XI в. (установление торгово-дипломатических отношений Руси и Волжской Булгарии), вторая половина XI – первая половина XII в. (наивысший подъем торговли по Волжскому пути, связанный с усилением Северо-Восточной Руси и перенесением торговых путей с юга на север из-за половецкой угрозы), вторая половина XII – первая треть XIII в. (перебои в функционировании Волжского пути, связанные с конфликтами владимиро-суздальских князей с Волжской Булгарией, монголо-татарское нашествие) [Моця, Халиков, 1997, с. 12–13, 78, 80]. Начало появления импортных вещей на территории Ветлужско-Вятского междуречья приходится на IX в. Это некоторые вещи салтовского облика и украшения, связанные с муромой и мордвой. Проникновение таких предметов эпизодично, однако свидетельствует о том, что основа для Великого Волжского пути была подготовлена за столетие до начала его функционирования, уже в ранний период осуществлялось передвижение вещей по волжской артерии. Причем мы не наблюдаем в это время предметов древнерусского или европейского происхождения, что говорит об относительной локальности связей: контакты осуществлялись только непосредственно с соседями. Исключением являются вещи салтовской культуры, достаточно удаленной от Ветлужско-Вятского междуречья.

Начало полноценного функционирования волжской торговли во второй половине X в. отмечено появлением некоторых вещей древнерусского и балтийского происхождения и массой предметов из Волжской Булгарии.

Период с X до первой половины XI в. характеризуется наивысшей активностью связей с Волжской Булгарией. К марийцам массово ввозятся дирхемы, предметы поясной гарнитуры, орудия труда и предметы быта, ткани и другие товары. Появляются и вещи статусного характера: торревтика, профессиональное оружие. Причем мы наблюдаем не столько сбыт продукции булгарских ремесленников, сколько посредническую торговлю булгарских купцов, поскольку такие товары, как шелк и раковины-каури, не происходят из Волжской Булгарии.

В отличие от украшений волжских финнов и прикамского населения, булгарские украшения (за исключением наборных поясов) не имели заметного применения в древнемарийском костюме. Однако, вполне возможно, что это не относится к одежде, не исключено, что отдельные предметы одежды могли быть восприняты древнемарийским населением. Анализ материалов показал, что не все предметы, традиционно считающиеся булгарскими, являются таковыми.

Несмотря на то что бóльшая часть булгарского импорта приходится на могильники, прилегающие к Волге, он в большом количестве присутствует и на других могильниках. Вещи из Волжской Булгарии синхронны на всех древнемарийских некрополях. Вероятнее всего, как уже было сказано выше, продуктом, на который марийцы обменивали булгарские вещи, была пушнина.

Предметы престижного характера (оружие, отдельные наборные пояса) могут свидетельствовать о некотором политическом влиянии Волжской Булгарии.

Наиболее показательно начало функционирования Великого Волжского пути иллюстрируют предметы древнерусского и балтийского происхождения, поскольку они связаны не с торговлей соседей, а с дальними походами, контактами с отдаленными регионами. Вещи западного происхождения встречаются преимущественно в богатых захоронениях. Стоит отметить, что эти предметы (как и булгарские товары) стали поступать в Ветлужско-Вятское междуречье с начала X в. Однако наибольшее количество приходится на вторую половину X – начало XI в.

Со второй половины XI в. ситуация в регионе значительно меняется. На смену отдельным западным вещам приходит множество древнерусских изделий славяно-финского облика. Эти изделия к концу века заменяют в костюме даже собственно древнемарийские вещи (браслеты,

перстни, «глазовские» гривны и другие). Вещи древнерусского облика вытесняют также и булгарские предметы из Ветлужско-Вятского междуречья. Логично предположить, что подобное явление объясняется славяно-финским продвижением на восток в Волго-Окское междуречье и последующим противостоянием Руси и Булгарии. Многие из таких изделий имеют широкое распространение преимущественно в Северной Руси и окрестных территориях, но возможно выделить три центра их поступления: Волго-Окское междуречье (с некоторыми соседними территориями), Белозерье, Новгород и Новгородская земля. Причем изделия из Волго-Окского междуречья заметно преобладают, что можно объяснить географической близостью. Таким образом, наивысшая активность торговли по Волге со второй половины XI в. совпала со славяно-финским продвижением в Волго-Окское междуречье и укреплением Древней Руси в этом регионе.

Проникновение вещей прикамского облика связано с этническими контактами. Эти вещи известны на всем протяжении существования могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья, стали характерными для древнемарийского костюма, носились вместе с этническими или привозными предметами. Причем некоторые из этих украшений (биконьковые подвески, подвески-всадницы, обувные подвески) не были вытеснены даже древнерусскими украшениями. По-видимому, это объясняется тем, что биконьковые подвески и подвески-всадницы носились некоторыми группами населения Руси, а обувные подвески просто не имели аналогов в материальной культуре древнерусского и западнофинского населения.

Таким образом, можно выделить несколько путей проникновения импортных вещей на территорию Ветлужско-Вятского междуречья:

1) связи древних марийцев с другими волжскими финнами (IX–X вв.);

2) эпизодическое проникновение вещей салтовского облика на ранних этапах функционирования древнемарийских могильников (IX в.);

3) торговля по Волге древнерусских и скандинавских купцов (X – первая половина XI в.);

4) торговые и, возможно, политические связи с Волжской Булгарией (X – первая половина XI в.);

5) славяно-финское продвижение на восток с территорий запада (Волго-Окского междуречья, Белоозера и Новгородской земли), приведшее к значительным изменениям в материальной культуре древних марийцев (со второй половины XI в.);

6) постоянные этнические и культурные контакты с населением Верхнего Прикамья и удмуртами на всем протяжении рассматриваемого периода.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Авдусина С.А., Ениосова Н.В., 2001. Подковообразные фибулы Гнездова // Археологический сб. Гнездово: 125 лет исследования памятника. М.: Гос. ист. музей. С. 93–101.

Акилбаев А.В., 2010. Древнерусский импорт по материалам марийских могильников IX – начала XII в. Левобережья Волги // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ. Вып. 5. С. 173–184.

Акилбаев А.В., Никитина Т.Б., 2017. Раскопки могильника Кузинские Хутора // АО. 2017 год. М.: ИА РАН. С. 134–135.

Акилбаев А.В., 2019. Раскопки могильника «Кузинские Хутора» // Марийская археологическая экспедиция (2016–2018 гг.). Йошкар-Ола. С. 6–7.

Акилбаев А.В., 2024. Этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере материалов могильника Кузинские Хутора // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Т. 16, № 1. С. 192–202.

Аланы: История и культура, 1995. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т. гуманитарных исслед. 350 с.

Альбом древностей мордовского народа, 1941. Саранск: Мордов. науч.-исслед. ин-т. 200 с.

Анучин Д.Н., 1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. Вып. III. М. С. 237–259.

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере, 2007. М.: Наука. Т. 1. 374 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере, 2008. М.: Наука. Т. 2. 365 с.

Археологическое изучение Пскова, 1996. Псков: Псков. гос. науч.-исслед. археологический центр. Вып. 2. 254 с.

Архипов Г.А., 1961. Древнемарийский женский костюм IX–XI вв. н.э. (Опыт реконструкции по археологическим материалам Веселовского могильника) // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола. С. 127–138.

Архипов Г.А., 1964. Дубовский могильник (раскопки 1963 г.) // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Труды МарНИИ. Вып. XIX. Йошкар-Ола. С. 173–189.

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 199 с.

Архипов Г.А., 1984. Дубовский могильник // АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола. С. 113–159.

Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 163 с.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.: Наука. 223 с.

Бадер О.Н., 1951. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поветлужья // СЭ. № 2. М. С. 15–41.

Бейлекчи В.В., 2005. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. М.: Изд-во Москов. психолого-социального ин-та. 278 с.

Белавин А.М., 1986. Посредническая роль Волжской Болгарии во взаимодействии Верхнего Прикамья и Древней Руси // Волжская Булгария и Древняя Русь (К 1000-летию русско-болгарского договора) Казань: КФАН СССР. С. 63–75.

Белавин А.М., 1999. Камский торговый путь из Болгара «в страну Вису и Чулыман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань: Ин-т истории АН РТ. С. 161–173.

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 196 с.

Белавин А.М., 2004. Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья // Путями средневековых торговцев. Сб. материалов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Уральского) археологического совещ. 6–10 окт. 2003 г. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. С. 4–16.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ин-т. 603 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: «Вагант», 2009. 285 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И., 2010. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий этнокультурных процессов I–II тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. Йошкар-Ола. С. 106–121.

Валеев Р.М., 1986. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань: КФ АН СССР. С. 20–37.

Валеев Р.М., 1992. Торгово-экономические взаимосвязи Волжской Булгарии с Русью в IX – начале XIII вв. // Путь из Булгар в Киев. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН. С. 87–93.

Валеев Р.М., 1995. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. Казань: «Фест». 157 с.

Валеев Р.М., 2003. Торговые и культурные связи Волжской Булгарии с Русью и странами Балтии (IX–XIII вв.) // Материалы II этапа Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь». Казань: Ин-т истории АН РТ. С. 4–18.

Валеев Р.М., 2005. Основные этапы развития торговли булгарского раннего средневековья (IX – начало XIII вв.) // Древности Поволжья: эпоха средневеко-

вья (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): Материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века». Казань: РИЦ «Школа». С. 7–21.

Валеев Р.М., 2007. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья. Казань: Изд-во КГУ. 392 с.

Валеев Р.М., 2008. Среднее Поволжье и Прикамье в контексте торговых и культурных связей Евразии в IX – начале XIII вв. // Вестник МГУКИ. № 4. М. С. 40–44.

Валеев Р.М., 2009. Булгарские клады как источник по развитию товарно-денежных отношений в Волжской Булгарии // Известия Алтайского государственного университета. № 4. Т. 2 (64). Барнаул. С. 32–39.

Валеев Р.М., 2009а. Основные этапы развития торговли и денежно-весовых систем Поволжья и Прикамья периода средневековья (IX – начало XV вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Казань. С. 29–37.

Валеев Р.М., 2009б. Роль средних и малых городов и поселений в системе внутренней и внешней торговли Среднего Поволжья и Прикамья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 97. СПб. С. 9–20.

Валеев Р.М., 2010. Внешняя торговля Волжской Булгарии с Востоком в IX–XIII вв. // Научный Татарстан. № 2. Казань. С. 89–100.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: «Красный Октябрь». 349 с.

Вихляев В.И., Петербургский И.М., 1999. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 119–161.

Воронина Р.Ф., 2007. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. М.: Наука. 183 с.

Востроκнутов А.В., 2020. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV века нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация: моногр. СПб.: Маматов. 328 с.

Генинг В.Ф., 1957. Отчет о полевых работах МарАЭ в 1957 г. Йошкар-Ола. № 1470. Архив ИА РАН.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука. 221 с.

Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск. С. 5–111.

Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (По материалам могильников Прикамья) // КСИА. № 158. М. С. 96–106.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука. 201 с.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-т. 280 с.

Голдина Р.Д., 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов: Науч.-исслед. Ин-т при Совете министров УАССР. С. 6–36.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмурт. ун-т. 463 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильник неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 176 с.

Голдина, Р.Д., Кананин, В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 216 с.

Голубева Л.А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3. М. С. 53–77.

Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. № 3. М. С. 115–132.

Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3. М.: Наука. С. 80–98.

Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // Археология СССР. Вып. Е 1–59. М. 113 с.

Голубева Л.А., 1982. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: Удм. НИИ. С.110–124.

Голубева Л.А., 1987. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т. 17. М. С. 107–115.

Голубева Л.А., 1987б. Чудь заволочская // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т. 17. М. С. 64–66.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М.: Изд-во АН СССР. 268 с.

Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков, 1996. Казань: Ин-т истории АН РТ. 300 с.

Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А., 1990. Мурома VII–XI вв. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.

Данич А.В., 2013. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. № 1 (3). С. 181–196.

Древняя Русь. Быт и культура, 1997. М.: Наука. 368 с.

Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 256 с.

Дубынин А.Ф., 1949. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. XXVII. Л. С. 91–97.

Жилина Н.В., 2008. Хронология украшений древнерусских кладов IX–XI вв. // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: Ин-т археологии РАН. С. 324–329.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Заходер Б.Н., 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Изд-во восточной лит. 281 с.

Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмурт. ин-т истор., яз. и лит. УрО РАН. 309 с.

Иванова М.Г., 1982. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: Науч.-исслед. Ин-т при Совете министров Удмуртской АССР. С. 52–76.

Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: Удмурт. ин-т истор., яз. и лит. УрО РАН. 184 с.

Иванова М.Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмурт. ин-т истор., яз. и лит. УрО РАН. 294 с.

Истомина Т.В., 1999. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и историография). МАЕСВ. Вып. 16. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН. С. 76–102.

Казаков Е.П., 1970. О характере связей поволжских финно-угров с населением ранней Волжской Болгарии // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола. С. 253–260.

Казаков Е.П., 1971. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: КФАН СССР. С. 94–155.

Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука. 132 с.

Казаков Е.П., 1985. О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X–XII вв. // АЭМК. Вып. 9. Йошкар-Ола. С. 24–37.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Ин-т истор. АН РТ. 176 с.

Казаков Е.П., 1992а. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука. 335 с.

Казаков Е.П., 1992б. Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола. С. 42–50.

Казаков Е.П., 1999. Об освоении булгарами Казанско-Марийского Поволжья в X–XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. Казань. С. 63–71.

Казаков Е.П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара: Самар. обл. историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. 268 с.

Казаков Е.П., 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истор. АН РТ. 208 с.

Казаков Е.П., 2013. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Булгарии // Вестник Удмуртского университета. Вып. 1. Ижевск. С. 79–83.

Каргер М.К., 1985. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 686 с.

Кашкин А.В., 2003. Могильник Оленино на Верхней Волге // Археология: история и перспективы. Первая межрегион. конф. Ярославль: Ярослав. музей-заповед., Гос. музей-заповед. «Ростовский Кремль». С. 112–121.

Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие // САИ. Е1–36. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М-Л. 143 с.

Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие // САИ. Е1–36. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М-Л. 181 с.

Кирпичников А.Н., 2002. Великий волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья. СПб.: Изд-во «Нестор-История». С. 34–58.

Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького. 348 с.

Козлова А.В., 2004. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 18. Материалы конф. (Великий Новгород, 27–29 янв. 2004 г.). Великий Новгород. С. 188−207.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во Акад. наук СССР. С. 7–120.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Комаров К.И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула. С. 141–189.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 156 с.

Королева Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Т. 1. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Псков: Псков. гос. науч.-исслед. археологический центр. С. 229–300.

Кочкуркина С.И., 1973. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука. 150 с.

Кочкуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.: Наука, Ленинградское отд. 159 с.

Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия. 348 с.

Крыласова Н.Б., 2001. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. 220 с.

Крыласова Н.Б., Иванов В.А., 2006. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПФ Ин-та истории и археологии УрО РАН. 162 с.

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности. Пермь: ПГПУ. 352 с.

Лебедев Г.С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ. 286 с.

Левашева В.П., 1967а. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия. С. 207–252.

Левашева В.П., 1967б. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия. С. 7–54.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 341 с.

Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С. 88–128.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 162 с.

Макаров Н.А., 1989. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УрО АН СССР. С. 54–55.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.: Науч.-издательский центр «Скрипторий». 386 с.

Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия. С. 149–206.

Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия. С. 133–148.

Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв., 1969. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 129 с.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова, 1952. Моршанск: Изд. Моршанского краеведческого музея. 232 с.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Е1–36. М. 184 с.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения российской государственности, 2012. М.: Кучково поле. 320 с.

Михайлов К.А., 1997. Центральноазиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Материалы науч. конф. (Новгород, 28–30 янв., 1997 г.). Вып. 11. Новгород. С. 251–260.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР. 400 с.

Моця А.П., Халиков А.Х., 1997. Булгар – Киев. Киев: Институт археологии АН Украины, АН РТ. 192 с.

Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Изд-во «Зинатне». 144 с.

Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

Мухамедшин Д.Г., Гомзин А.А., 2018. Нумизматический материал из Русенихинского могильника // Археология Евразийских степей. № 3. Казань. С. 242–255.

Назаренко В.А., 1982. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: ЛГУ. С. 142–147.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. С. 253–274.

Нефедов Ф.Д., 1899. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. Т. III. М. С. 161–231.

Никитина Т.Б., 1990. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола. С. 81–118.

Никитина Т.Б., 1998. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИ. 160 с.

Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.

Никитина Т.Б., 2010. Украшения из марийских могильников IX–XI вв. как источник для изучения этнокультурных процессов (к методике изучения) // Научный Татарстан. № 4. Казань. С. 85–91.

Никитина Т.Б., 2010а. Погребения с трупосожжением в могильниках Поветлужья в IX–XI вв. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. Йошкар-Ола. С. 138–161.

Никитина Т.Б., 2010б. Древнерусские вещи в марийских могильниках IX–XI вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 36–43.

Никитина Т.Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань. 408 с.

Никитина Т.Б., 2013. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. № 2 (4). Казань. С. 151–161.

Никитина Т.Б., 2014. Костюм средневекового марийского населения как маркер этнической культуры // Труды КарНЦ РАН. № 3. Серия Гуманитарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН. С. 21–32.

Никитина Т.Б., 2015. Население Верхнего Поветлужья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // КСИА. М. Вып. 240. С. 124–140.

Никитина Т.Б., 2017. Выжумский археологический комплекс в контексте культурных связей в Поветлужье // Археология евразийских степей. №. 1. Казань. С. 243–254.

Никитина Т.Б., 2017а. Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 12: Средневековая археология Восточной Европы. Пермь. С. 132–141.

Никитина Т.Б. 2017б. Орнитоморфные изделия и изображения в погребально-поминальном инвентаре могильников Ветлужско-Вятского междуречья // Stratum plus. № 5. С. 289–306.

Никитина Т.Б., 2018а. Поясные наборы из могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. № 6. Материалы IV Междунар. Мадьярского симпозиума (Казань – Болгар, 15–19 окт. 2018 г.). С. 157–164.

Никитина Т.Б., 2018б. Русенихинский могильник // Археология Евразийских степей. № 3. Казань. 255 с.

Никитина Т.Б., 2021а. Арочные украшения из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Поволжская археология. № 2. Казань. С. 32–42.

Никитина Т.Б., 2021б. Планиграфия могильников Ветлужско-Вятского междуречья X – рубежа XI/XII веков // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М. С. 29–40.

Никитина Т.Б., 2023. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Будапешт. 228 с.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., 2014. Древнерусские вещи в материалах Русенихинского могильника (XI в.) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 9. Пермь. С. 65–74.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., 2024. О погребальном обряде Амоксарского могильника X–XII вв. (по материалам раскопок 2021–2023 гг.) // Археология евразийских степей. № 6. Казань. С. 168–181.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., Аристов А.А., 2019. Погребальный инвентарь могильника «Кузинские Хутора» // Поволжская археология. № 4 (30). Казань. С. 82–98.

Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е., 2016. К исторической топографии средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы Седьмой Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова // Stratum plus. С. 127–130.

Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е., Федулов М.И., 2016. Украшения Анаткасинского могильника: к вопросу об этнокультурной принадлежности // Поволжская археология. № 1 (15). Казань. С. 121–142.

Никитина Т.Б., Руденко К.А., 1992. Чаши из могильника «Нижняя Стрелка» // АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола. С. 51–71.

Никитина Т.Б., Руденко К.А., Алибеков С.Я., 2017. Металлические чаши из Русенихинского могильника эпохи Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. № 2. С. 71–77.

Никитина Т.Б., Тюрк А., Янчик Б., 2022. Сумочка из п. 8 Красногорского могильника. Исторический аспект // Поволжская археология. № 4. С. 137–158.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 295 с.

Носов Е.Н., Овсянников О.В., 1997. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб.: ИИМК. С. 139–145.

Нукшинский могильник, 1957 // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Т. I. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР. 103 с.

Орфинская О.В., Никитина Т.Б., 2014. Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Поволжская археология. № 2 (8). Казань. С. 70–91.

Отчет императорской археологической комиссии за 1889 г. (ОАК), 1892. СПб.: Тип. Императорской академии наук. 128 с.

Отчет императорской археологической комиссии за 1890 г. (ОАК), 1893. СПб.: Тип. Императорской академии наук. 152 с.

Отчет императорской археологической комиссии за 1891 г. (ОАК), 1893. СПб.: Тип. Императорской академии наук. 188 с.

Отчет археологической комиссии за 1913–14 гг. (ОАК), 1918. Петроград: Девятая гос. тип. 295 с.

Павлова А.Н., 2004. Семиотика костюма волжских финнов I – начала II тыс. н.э. Йошкар-Ола: МарГУ. 492 с.

Петербургский И.М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 408 с.

Петербургский И.М., Аксенов В.Н., 2006. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 148 с.

Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В., 2010. Второй Журавкинский могильник. Саранск: «Красный Октябрь». 32 с.

Подосенова Ю.А., 2021. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь. 210 с.

Прокошев Н.А., 1931. Могильник близ Вятки // СГАИМК. Вып. 11–12. М. С. 57.

Руденко К.А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер. 158 с.

Руденко К.А., 2004. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. По археологическим данным. Автореф. дис. докт. ист. наук. Ижевск. 47 с.

Руденко К.А., 2007. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: РИЦ «Школа». 244 с.

Руденко К.А., 2008. Этнокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в Казанском Поволжье в XI–XIV вв. (по данным археологии) // Finno-Ugrica. № 11. Казань. С. 40–53.

Руденко К.А., 2010. Металлические чаши из могильника Нижняя Стрелка и их значение для изучения средневекового художественного металла Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. Йошкар-Ола. С. 162–172.

Руденко К.А., 2011. Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Казань: «Заман». 255 с.

Руденко К.А., 2012. Противостояние или симбиоз: население степи и леса в Среднем Поволжье в IX–XIV вв. (историко-археологические аспекты взаимодействия) // Степи Северной Евразии. Материалы Шестого междунар. симпозиу-

ма и Восьмой Междунар. школы-семинара молодых ученых «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург. С. 622–625.

Руденко К.А., 2013. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. № 2. Казань. С. 19–41.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // Археология СССР. Вып. Е1–60. М. 125 с.

Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.

Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 260 с.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. № 65. М.: Наука. 196 с.

Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при Совете мин. Удм. АССР. 156 с.

Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН. С. 92–118.

Смирнов А.П., 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Фил. Мар. гос. издат. 136 с.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. 19. М. 295 с.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. Вып. 28. М. 276 с.

Смирнов А.П., 1961. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. Вып. 95. М. 202 с.

Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Т. I. М. 191 с.

Спицын А.А., 1902. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков. СПб. 70 с.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. СПб. Вып. 15. С. 84–172.

Спицын А.А., 1906. Шаманские изображения // ЗОРСА. Т. VIII. Вып. 1. СПб. С. 29–145.

Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981 // Археология СССР. М. 304 с.

Степанова Ю.В., 2010. Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья // КСИА. Вып. 224. М. С. 285–296.

Талицкий М.В., 1940. Кочергинский могильник // МИА. № 1. М-Л. С. 159–168.

Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // МИА. № 27. М. 224 с.

Турова Н.П., 2016. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 63–76.

Тухтина Н.В., 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 40. М. С. 120–140.

Успенская А.В., 1993. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 82. М. С. 79–135.

Фахрутдинов Р.Г., 1984. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука. 216 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья // АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола. С. 160–172.

Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. С. 55–87.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 // Археология СССР. Т. 17. М. 511 с.

Фроянов И.Я., 2012. Древняя Русь: Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский изд. центр. 1088 с.

Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Труды МарАЭ. Т. II. Йошкар-Ола. 87 с.

Халиков А.Х., 1976. Об этнических основах марийского народа // АЭМК. Вып. 1. Йошкар-Ола. С. 12–26.

Халиков А.Х., 1986. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань: КФАН СССР. С. 6–19.

Халиков А.Х., Архипов Г.А., 1959. Марийская археологическая экспедиция 1957 года // Труды МарНИИ. Вып. XIV. Йошкар-Ола. С. 109–130.

Халиков, А.Х., Безухова, Е.А., 1960. Материалы к древней истории Поветлужья (археологическое исследование в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький: Горьковская правда. 60 с.

Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. С. 158–178.

Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 428 с.

Хлебникова Т.А., 1963. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 году // Казанский институт языка, литературы и истории. Казань: АН РТ. С. 66–68.

Хлебникова Т.А., 1976. Городище Сувар // АО 1975 г. М. С. 204–205.

Юшко А.А., 1967. Раскопки курганов XI–XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА. Вып. 110. М. С. 48–53.

Ярославское Поволжье X–XI вв., 1963. М.: Наука. 199 с.

Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М.: Наука. 240 с.

Kivikoski E., 1951. Die Eisenzeit Finnlands, t. II. Helsinki. 92 p.

The Ancient Hungarians, 1996. Budapest: Magyar Nemzeti Muzeum, 1996. 480 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анатк. – Анаткасинский могильник
Бор. – Борисковский могильник
Вес. – Веселовский могильник
ВIII – Выжумский III могильник
Дуб. – Дубовский могильник
жк. – жертвенный комплекс
Коч. – Кочергинский могильник
КХ – могильник Кузинские Хутора
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
НС – могильник Нижняя Стрелка
п. – погребение
пп. – погребения
Рус. – Русенихинский могильник
Рут. – Руткинский могильник
ЧК – могильник Черемисское Кладбище
Юм. – Юмский могильник

ИЛЛЮСТРАЦИИ

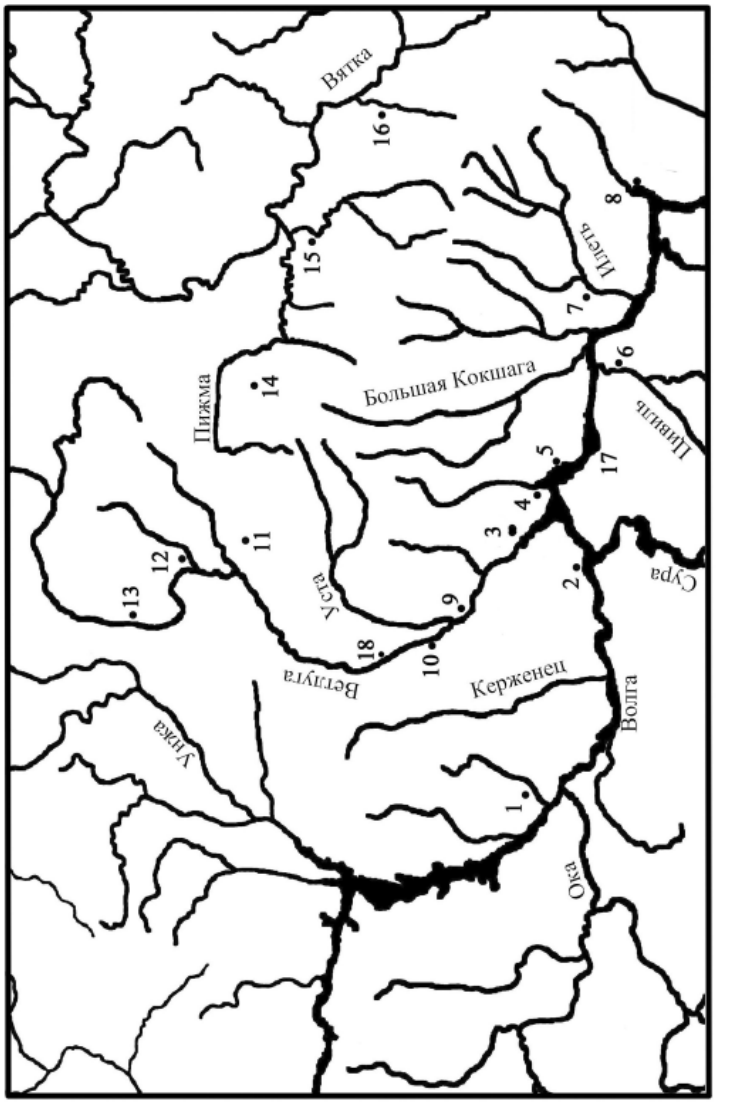

Рис. 1. Древнемарийские могильники IX–XI вв.
1 – Кантауровский могильник; 2 – могильник Нижняя Стрелка; 3 – Выжумские могильники; 4 – Руткинский могильник; 5 – Дубовский могильник; 6 – Анаткасинский могильник; 7 – Красногорский могильник; 8 – Борисковский могильник; 9 – могильник Затон Михеева; 10 – Русенихинский могильник; 11 – Веселовский могильник; 12 – могильник Черемисское Кладбище; 13 – могильник Кузинские Хутора; 14 – Юмский могильник; 15 – Кочергинский могильник; 16 – Лопьяльский могильник; 17 – Амоксарский могильник; 18 – могильники у Боровского Кордона

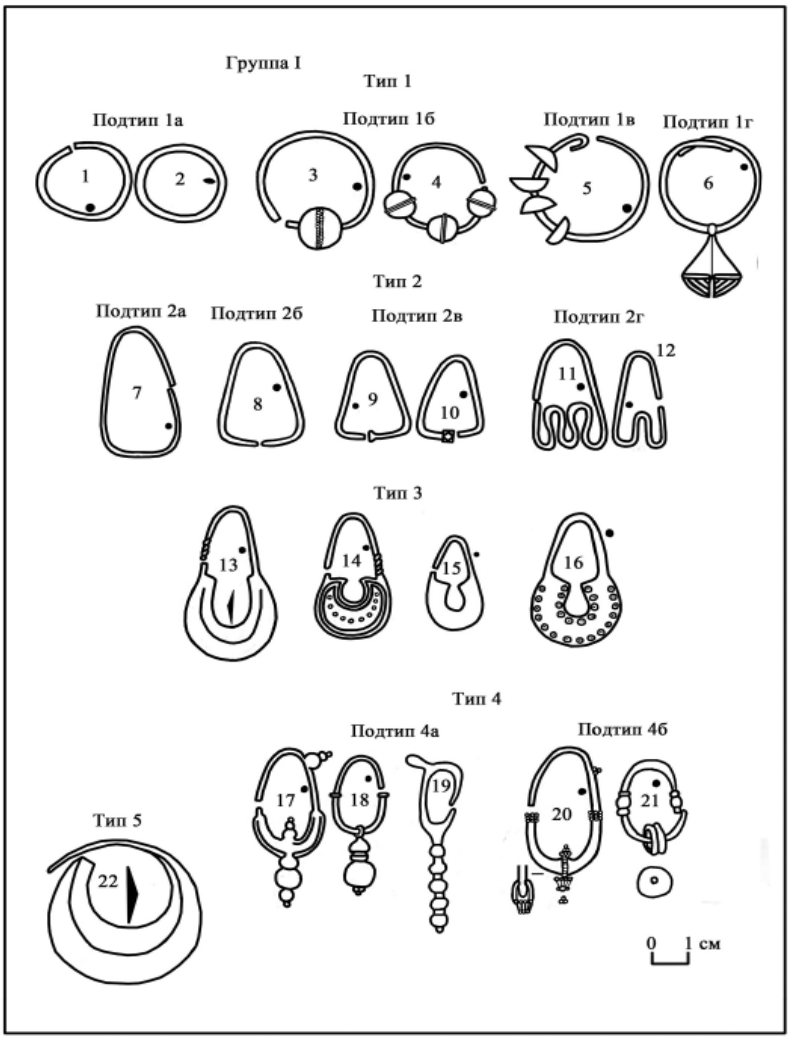

Рис. 2. Височные украшения (серьги) малого диаметра
1 – п. 15 могильника Нижняя Стрелка; 2 – п. 9 Дубовского могильника; 3 – п. 18 Дубовского могильника; 4 – п. 20 Дубовского могильника; 5 – п. 11-а могильника Нижняя Стрелка; 6 – п. 4 могильника Нижняя Стрелка; 7 – подъемный материал с Дубовского могильника; 8 – п. 2 Юмского могильника; 9 – п. 10 могильника Нижняя Стрелка; 10 – п. 19 могильника Нижняя Стрелка; 11 – п. 52 Дубовского могильника; 12 – п. VI могильника Черемисское Кладбище; 13 – п. 8 Веселовского могильника; 14 – п. 16 Веселовского могильника; 15 – п. 40 могильника Нижняя Стрелка; 16 – п. 31 могильника Нижняя Стрелка; 17 – п. 4 Веселовского могильника; 18 – п. 7 Юмского могильника; 19 – п. 70 Дубовского могильника; 20 – из материалов раскопок 1981 г. Юмского могильника; 22 – п. 63 Дубовского могильника

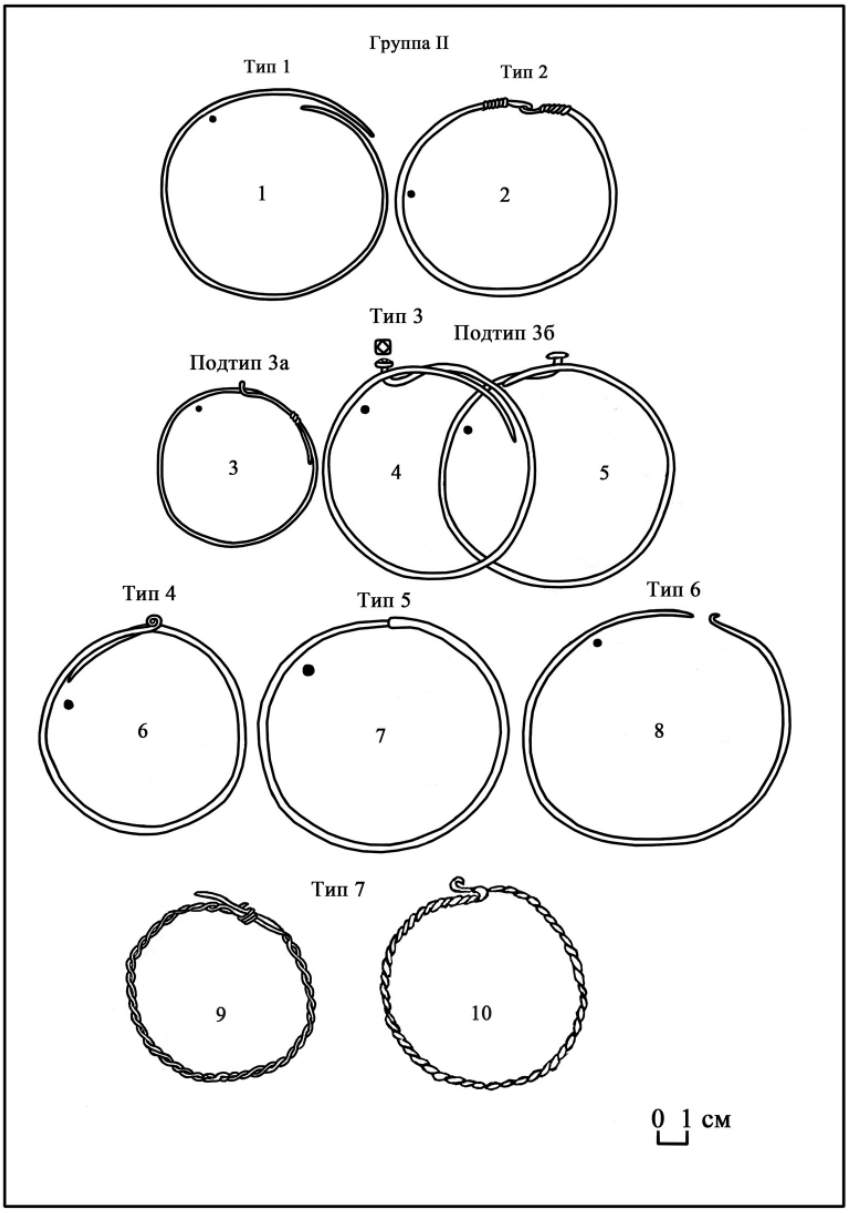

Рис. 3. Височные украшения большого диаметра
1 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 2 – п. 23 могильника Нижняя Стрелка; 3 – п. 15 могильника Черемисское Кладбище; 4 – жк. 4 могильника Нижняя Стрелка; 5 – п. 12 Веселовского могильника; 6 – п. 3 Веселовского могильника; 7 – п. 18 могильника Нижняя Стрелка; 8 – п. 5 могильника Нижняя Стрелка; 9 – п. 1 Веселовского могильника; 10 – п. 55 Дубовского могильника

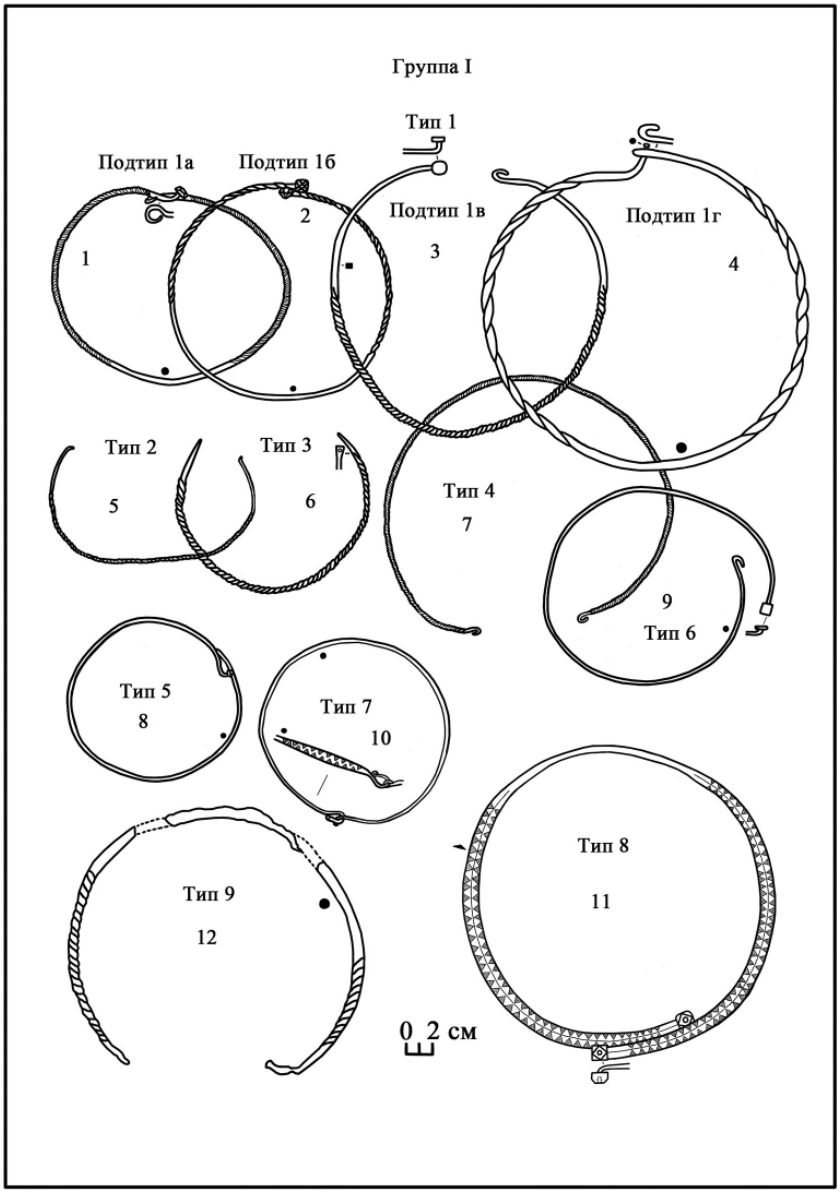

Рис. 4. Дротовые гривны
1 – п. 14 Дубовского могильника; 2 – п. 23 могильника Нижняя Стрелка;
3 – п. 17 Дубовского могильника; 4 – п. 11 могильника Нижняя Стрелка;
5 – п. 32 Дубовского могильника; 6 – п. 25 Веселовского могильника;
7 – п. 30 Дубовского могильника; 8 – п. 5 могильника Черемисское Кладбище;
9 – жк. 12 могильника Нижняя Стрелка; 10 – п. 17 Русенихинского могильника;
11 – п. 11 могильника Нижняя Стрелка; 12 – п. 30 могильника Нижняя Стрелка

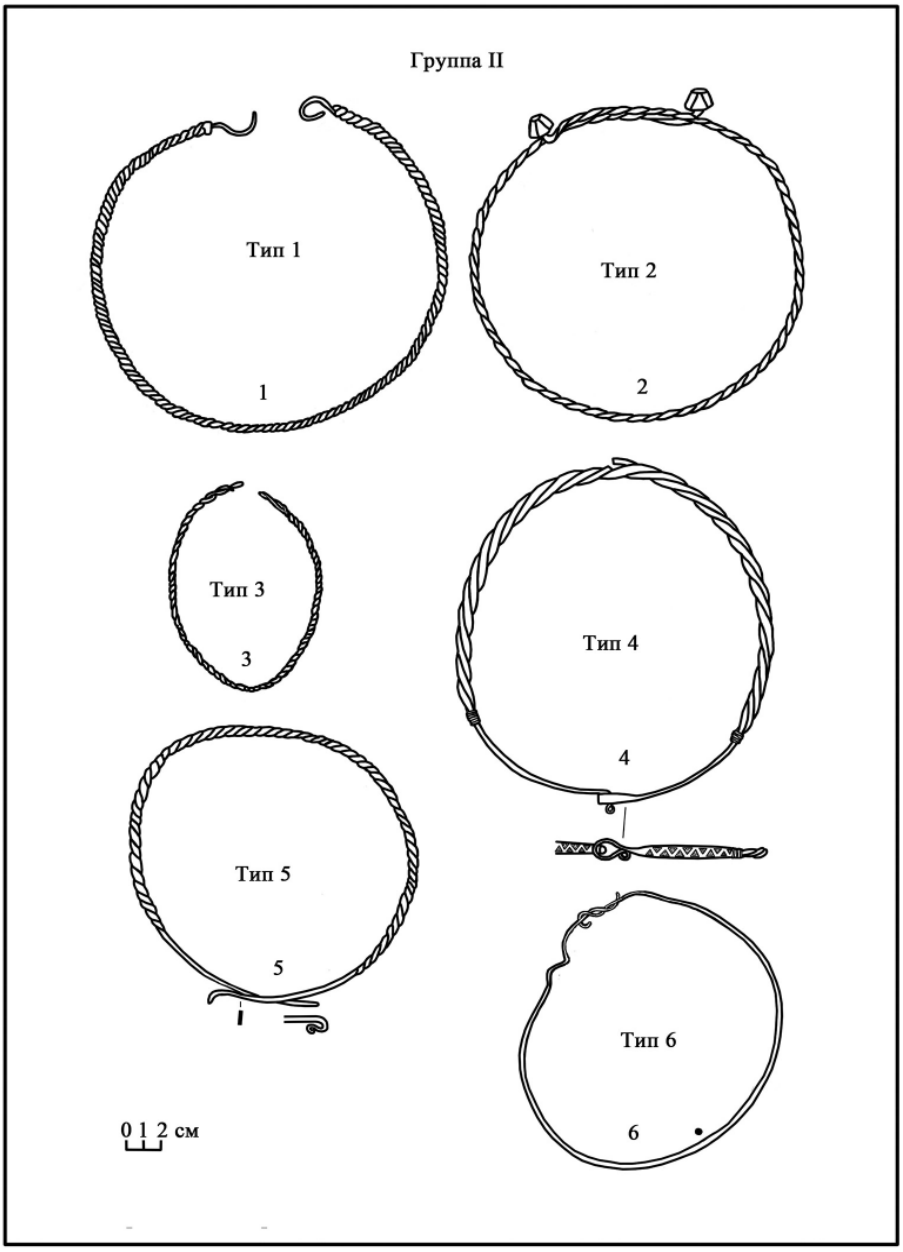

Рис. 5. Проволочные гривны
1 – из материалов раскопок 1929 г. Веселовского могильника;
2 – п. 18 Русенихинского могильника; 3 – п. 33 Дубовского могильника;
4 – п. 4 могильника Нижняя Стрелка; 5 – п. 12 могильника Нижняя Стрелка;
6 – п. 24 могильника Нижняя Стрелка

Рис. 6. Подвески в составе ожерелья
1 – п. 4 Дубовского могильника; 2 – п. 30 Дубовского могильника;
3 – п. 40 могильника Нижняя Стрелка; 4 – п. 15 могильника Нижняя Стрелка;
5 – п. 5 Кочергинского могильника; 6 – п. 33 Веселовского могильника;
7, 9 – подъемный материал с могильника Черемисское Кладбище;
8 – п. 58 Дубовского могильника; 10, 13 – подъемный материал с Веселовского могильника; 11 – подъемный материал с Юмского могильника; 12 – п. 33 Веселовского могильника; 14 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище

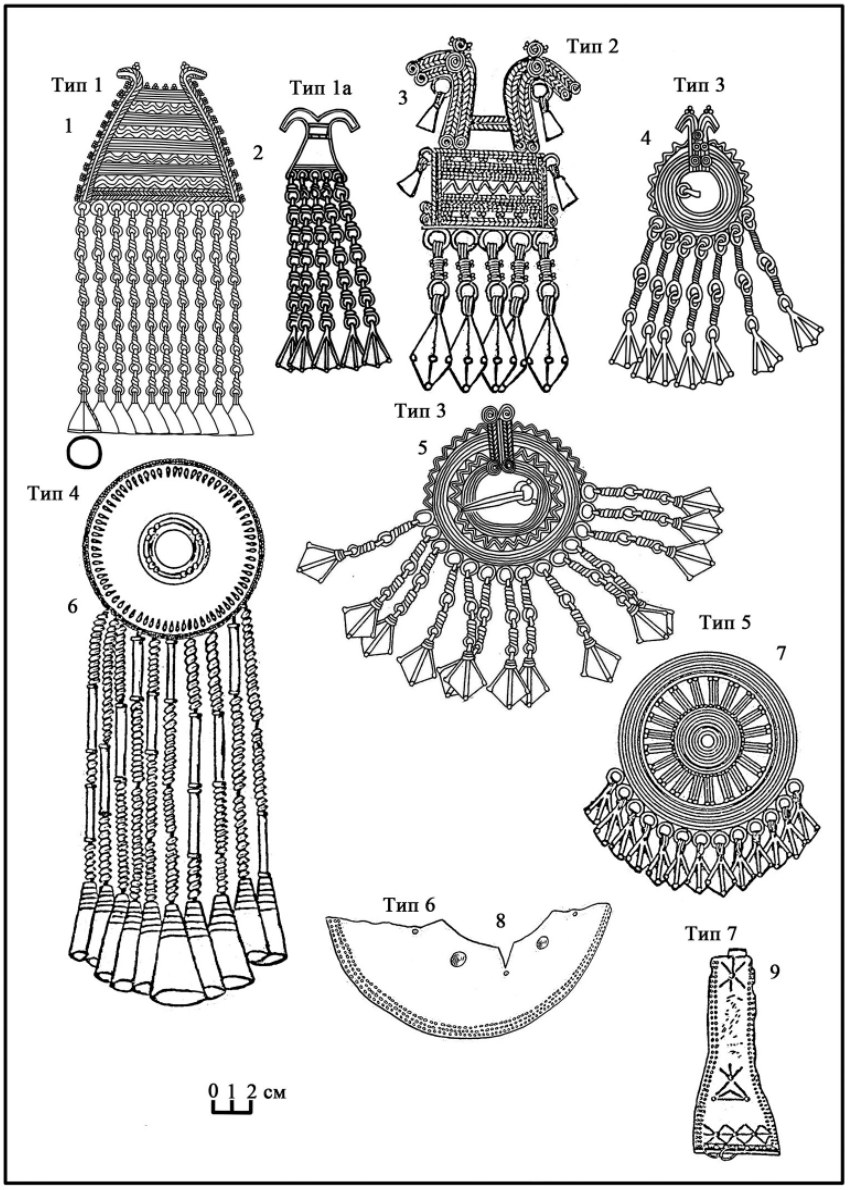

Рис. 7. Нагрудные украшения
1 – п. 29 могильника Нижняя Стрелка; 2 – из коллекции Шахова с могильника Кузинские Хутора; 3 – подъемный материал с Юмского могильника; 4 – жк. 13 могильника Нижняя Стрелка; 5 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 6 – п. 1 могильника Черемисское Кладбище; 7 – п. 29 Веселовского могильника; 8 – подъемный материал с Дубовского могильника; 9 – п. 20 Веселовского могильника

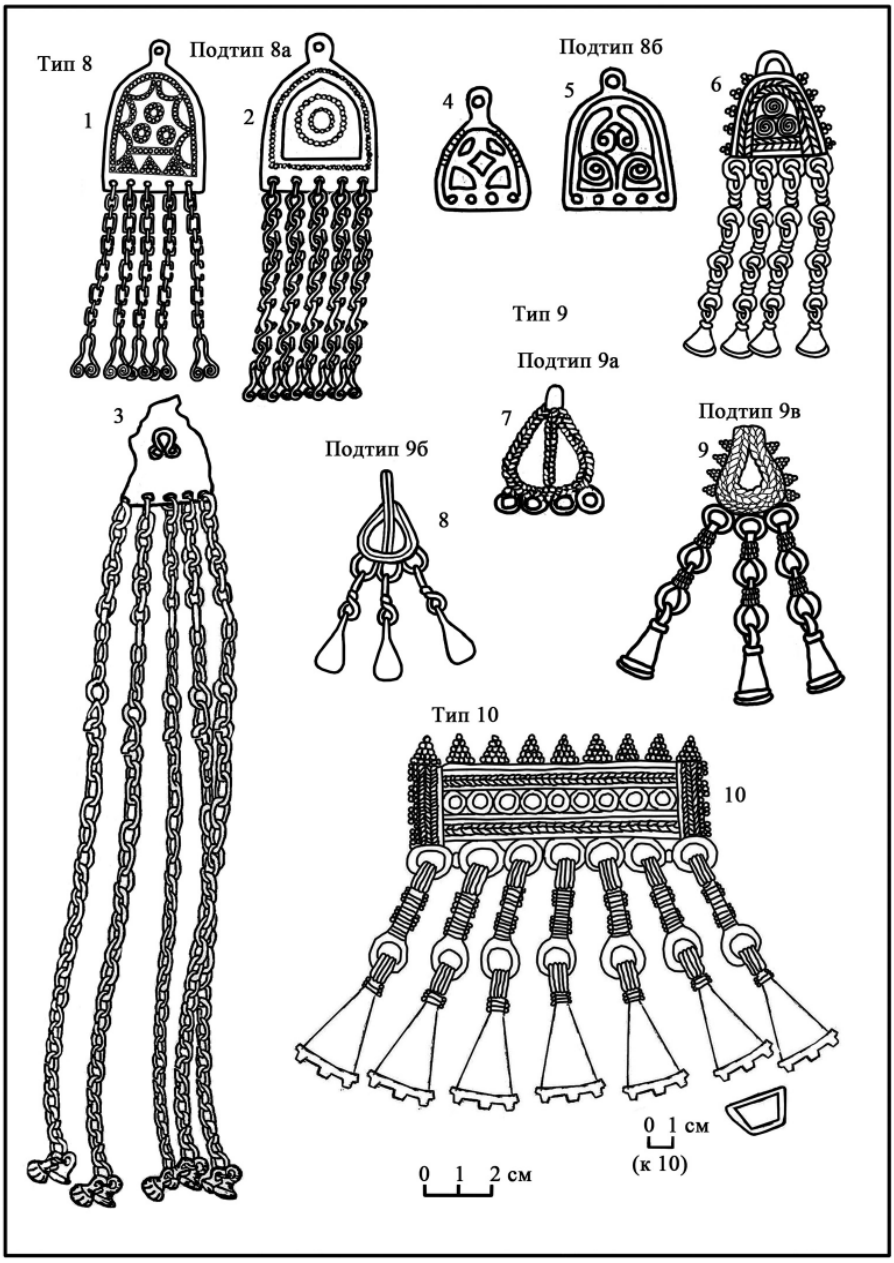

Рис. 8. Нагрудные украшения
1, 2 – п. 5 Веселовского могильника; 3 – п. 79 Дубовского могильника; 4, 5 – п. 4 Веселовского могильника; 6 – п. 8 Юмского могильника; 7 – п. XIII могильника Черемисское Кладбище; 8 – п. 14 Русенихинского могильника; 9 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 10 – п. 7 могильника Нижняя Стрелка

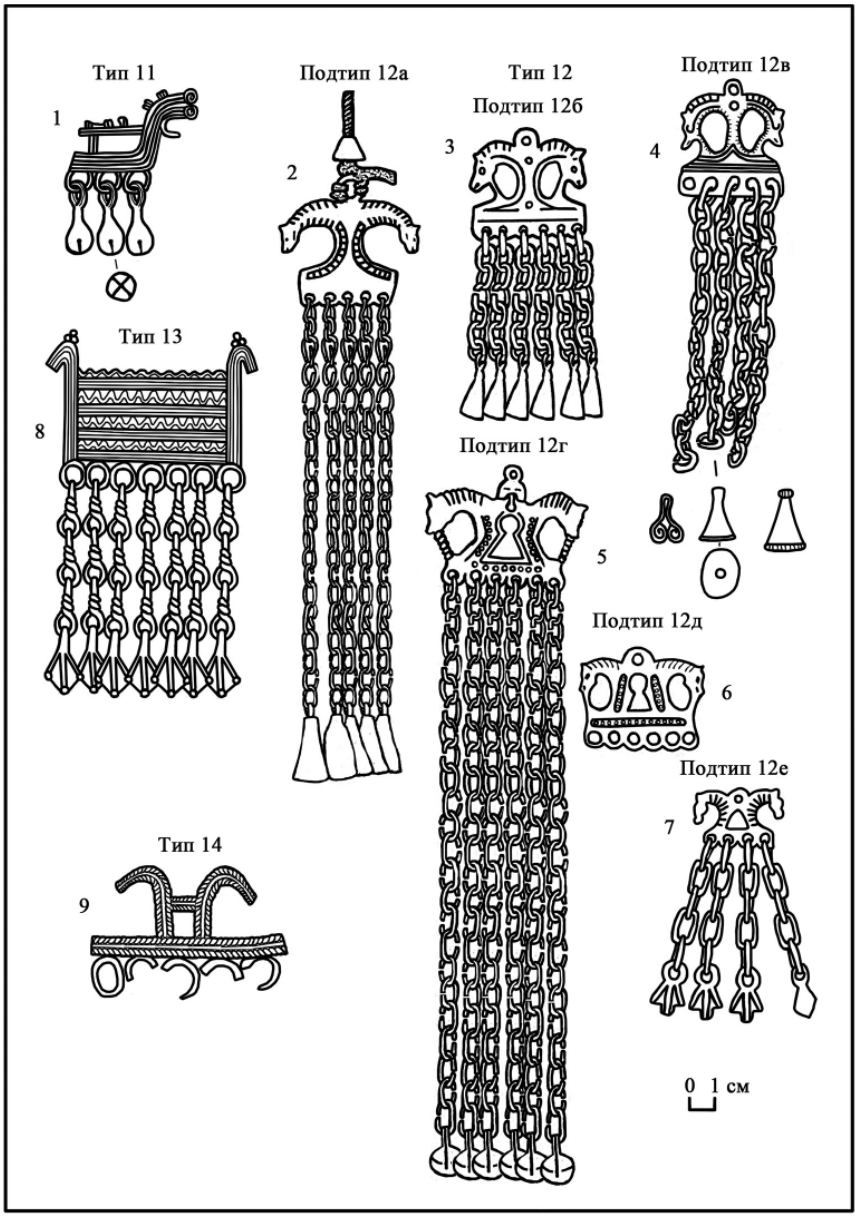

Рис. 9. Нагрудные украшения
1 – п. 29 Веселовского могильника; 2 – п. 3 Веселовского могильника; 3 – из материалов раскопок 1929 г. Веселовского могильника; 4 – п. 23 могильника Кузинские Хутора; 5 – п. XI могильника Черемисское Кладбище; 6 – п. 18 Веселовского могильника; 7 – п. 18 Русенихинского могильника; 8 – жк. 10 могильника Нижняя Стрелка; 9 – п. 2 Русенихинского могильника

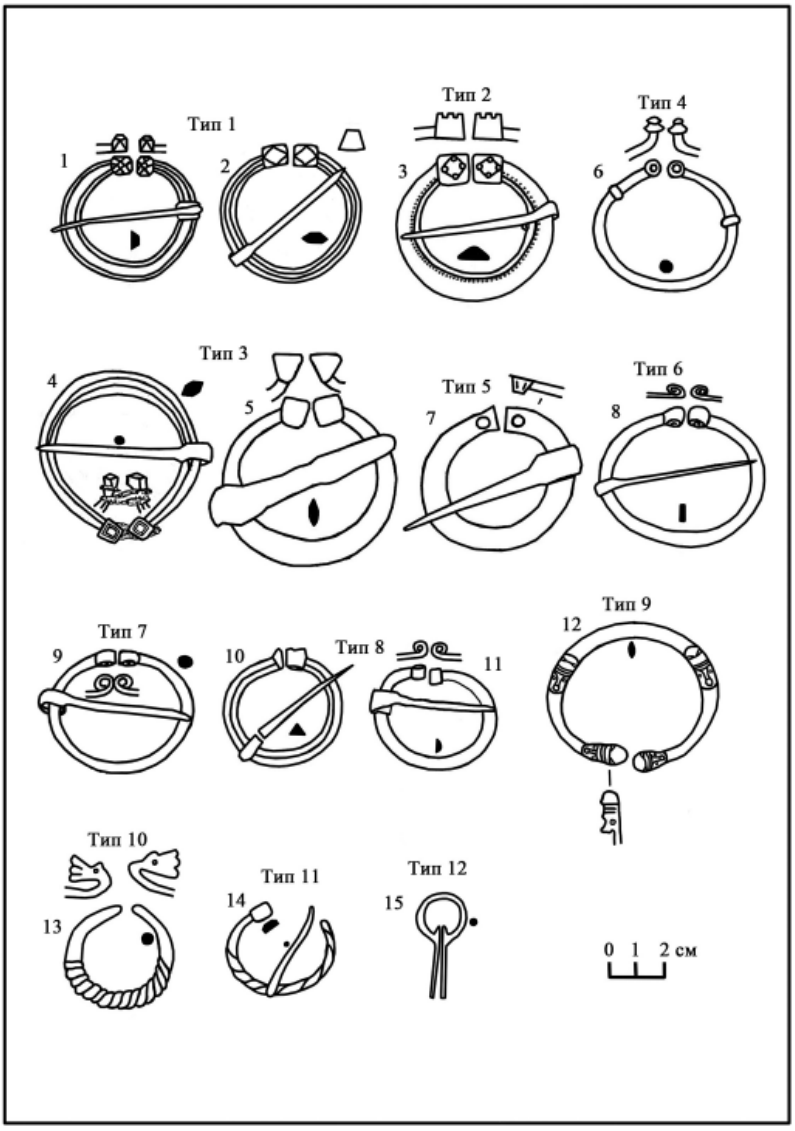

Рис. 10. Подкововидные фибулы
1 – п. 16 Веселовского могильника; 2 – жк. 1 могильника Кузинские Хутора; 3 – п. 5 Веселовского могильника; 4 – п. 42 Дубовского могильника; 5 – п. 5 могильника Нижняя Стрелка; 6 – п. 25 Веселовского могильника; 7 – п. 10 Выжумского III могильника; 8 – п. 20 Веселовского могильника; 9 – подъемный материал с Русенихинского могильника; 10 – п. 1 Веселовского могильника; 11 – п. 25 Веселовского могильника; 12 – п. 45 Дубовского могильника; 13 – из материалов раскопок 1929 г. Веселовского могильника; 14 – п. 6 Русенихинского могильника; 15 – жк. 13 могильника Нижняя Стрелка

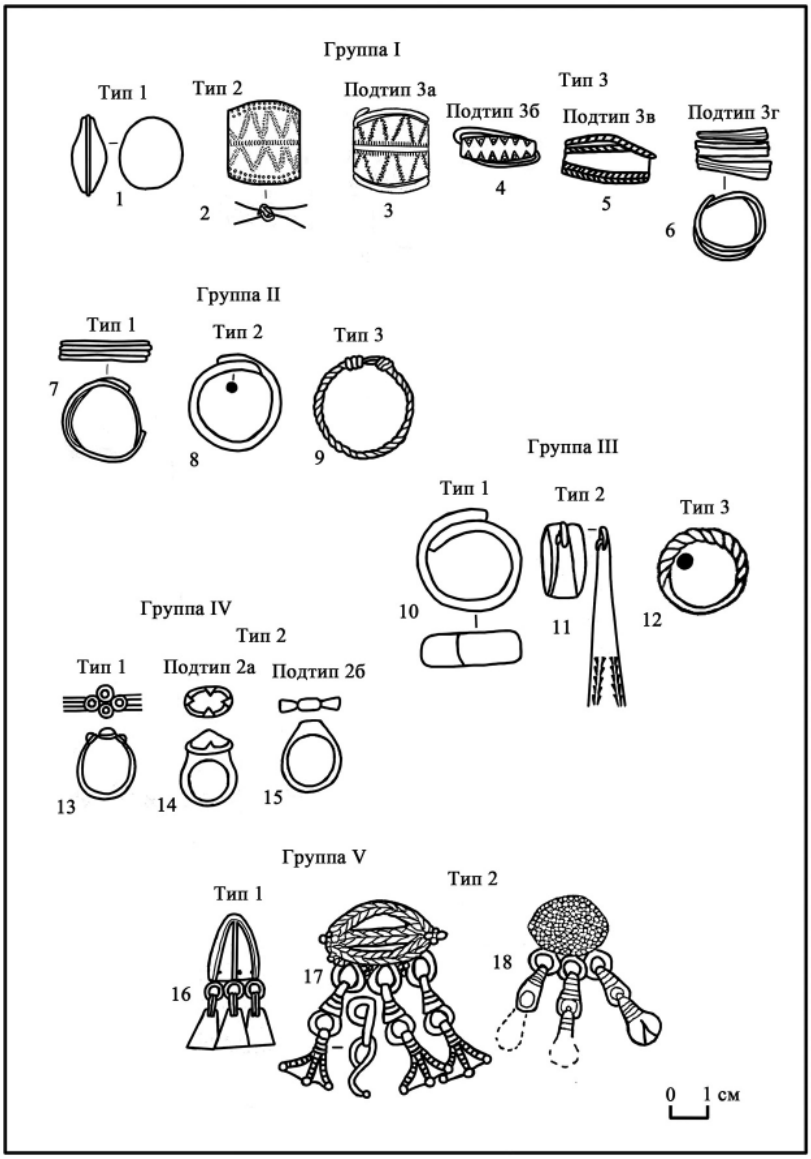

Рис. 11. Перстни

1 – п. 23 Дубовского могильника; 2, 3 – п. 25 могильника Кузинские Хутора; 4, 7 – п. 23 могильника Кузинские Хутора; 5 – п. 17 могильника Нижняя Стрелка; 6 – п. 8 Русенихинского могильника; 8, 9, 10 – п. 5 могильника Нижняя Стрелка; 11 – п. 26 Веселовского могильника; 12 – п. 16 Дубовского могильника; 13, 14 – п. 10 Веселовского могильника; 15 – п. 16 Веселовского могильника; 16 – п. 26 Веселовского могильника; 17 – п. 15 могильника Черемисское Кладбище; 18 – п. 19 могильника Нижняя Стрелка

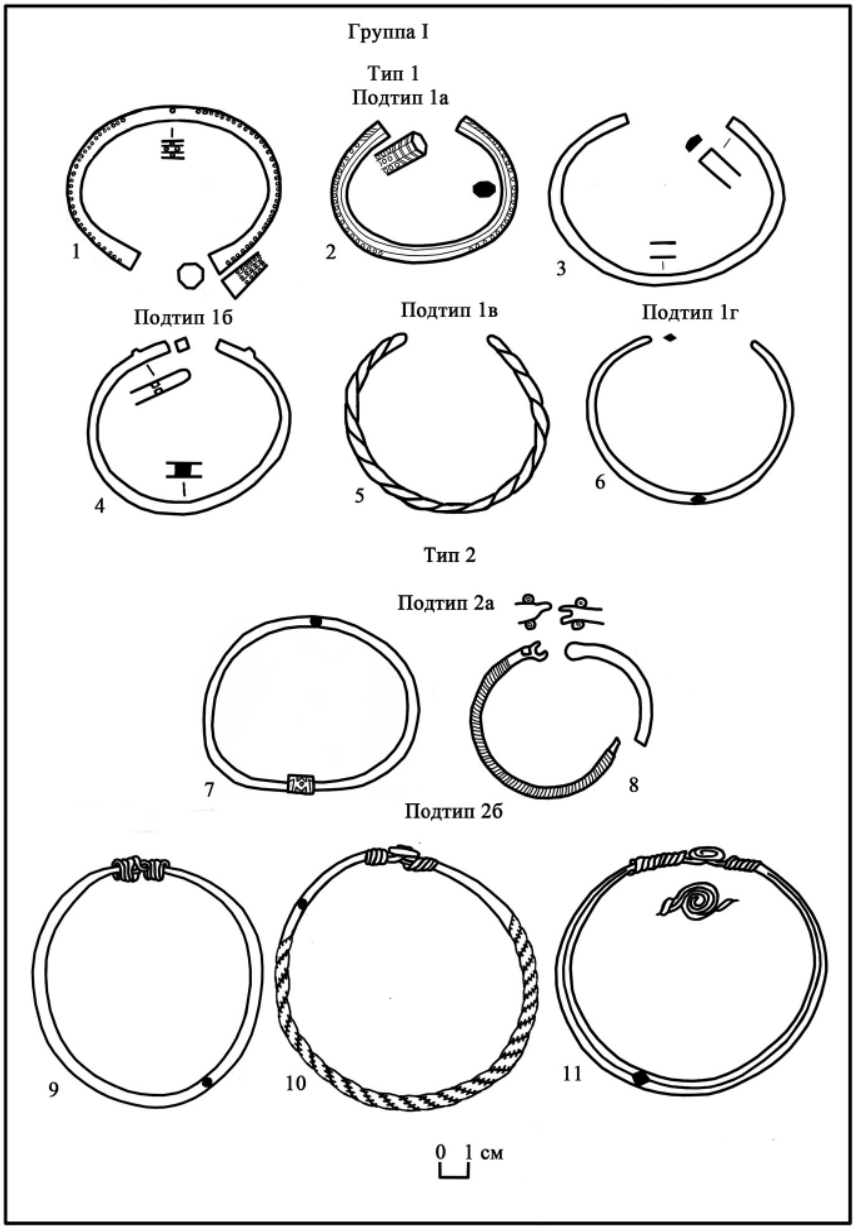

Рис. 12. Браслеты
1 – п. 25 могильника Кузинские Хутора; 2 – п. 6 Юмского могильника; 3 – п. 32 Веселовского могильника; 4 – п. 2 Веселовского могильника; 5 – п. 74 Дубовского могильника; 6 – п. 5 Юмского могильника; 7 – п. 51 Дубовского могильника; 8 – п. 33 могильника Нижняя Стрелка; 9 – п. 5 Юмского могильника; 10 – п. 7 Русенихинского могильника; 11 – п. 53 Дубовского могильника

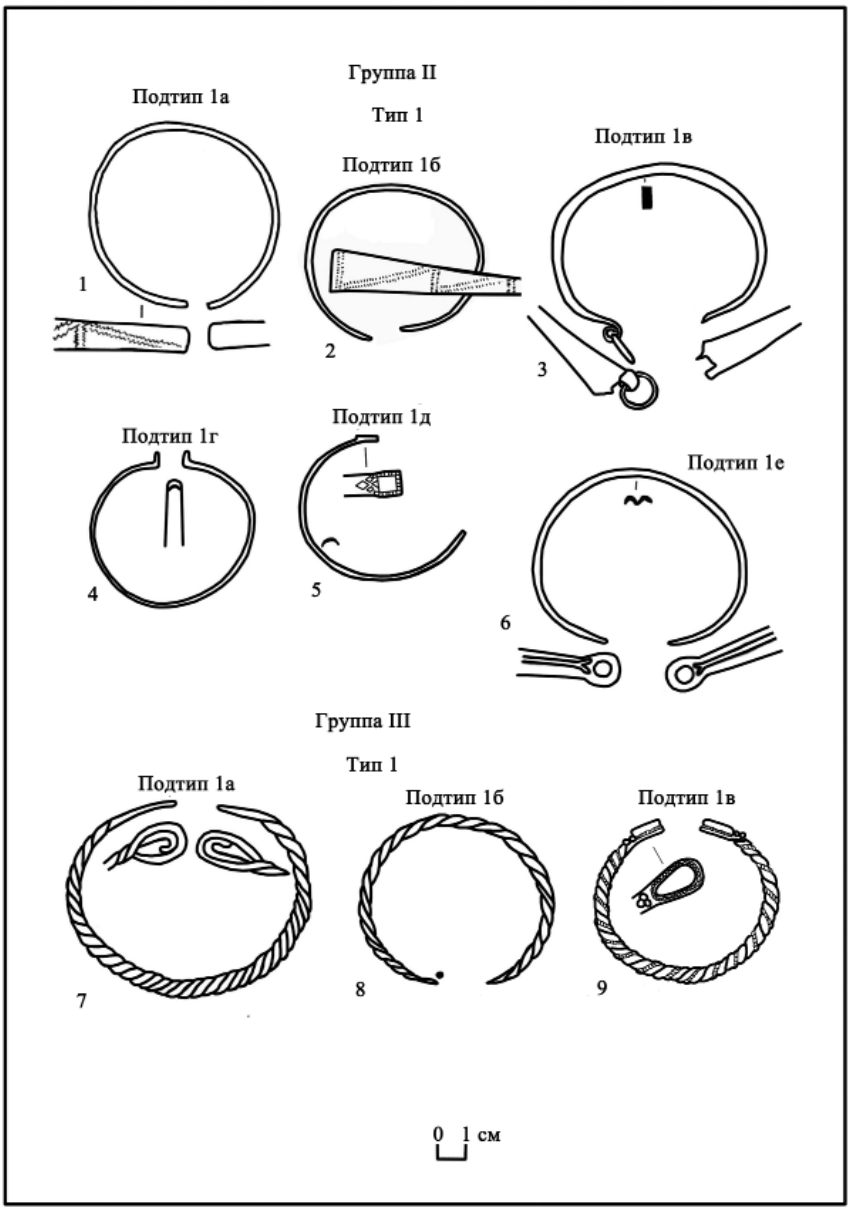

Рис. 13. Браслеты
1 – п. 2 Веселовского могильника; 2 – п. 28 Веселовского могильника;
3 – п. 10 могильника Нижняя Стрелка; 4 – п. 10 Веселовского могильника;
5 – жк. 9 могильника Нижняя Стрелка; 6 – п. 17 могильника Нижняя Стрелка;
7 – п. 5 могильника Нижняя Стрелка; 8 – п. 16 могильника Нижняя Стрелка;
9 – п. 6 Веселовского могильника

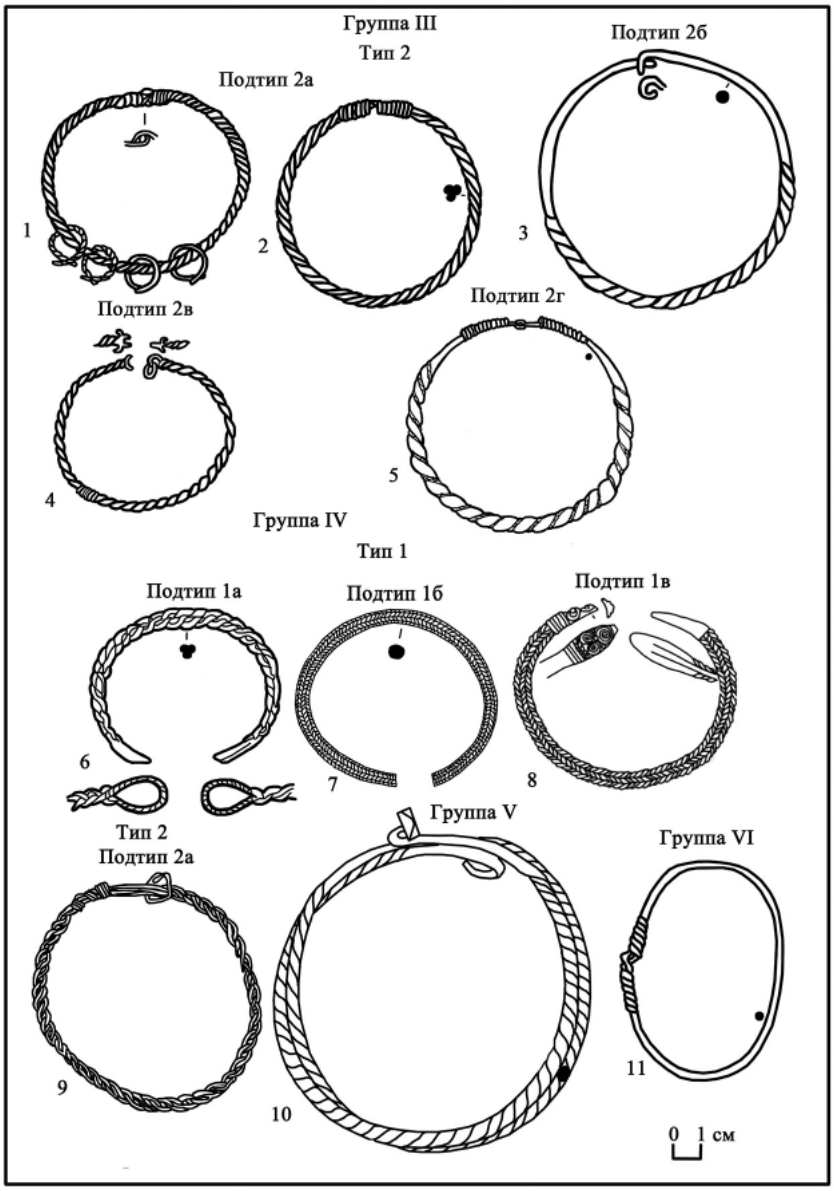

Рис. 14. Браслеты

1 – п. 15 могильника Черемисское Кладбище; 2 – п. 4 могильника Нижняя Стрелка; 3 – п. 5 могильника Нижняя Стрелка; 4 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 5 – п. 23 могильника Нижняя Стрелка; 6 – п. 16 могильника Нижняя Стрелка; 7 – п. 19-19-а могильника Нижняя Стрелка; 8 – п. 14 Русенихинского могильника; 9 – п. 15 могильника Нижняя Стрелка; 10 – п. 4 Русенихинского могильника; 11 – п. 18 Дубовского могильника

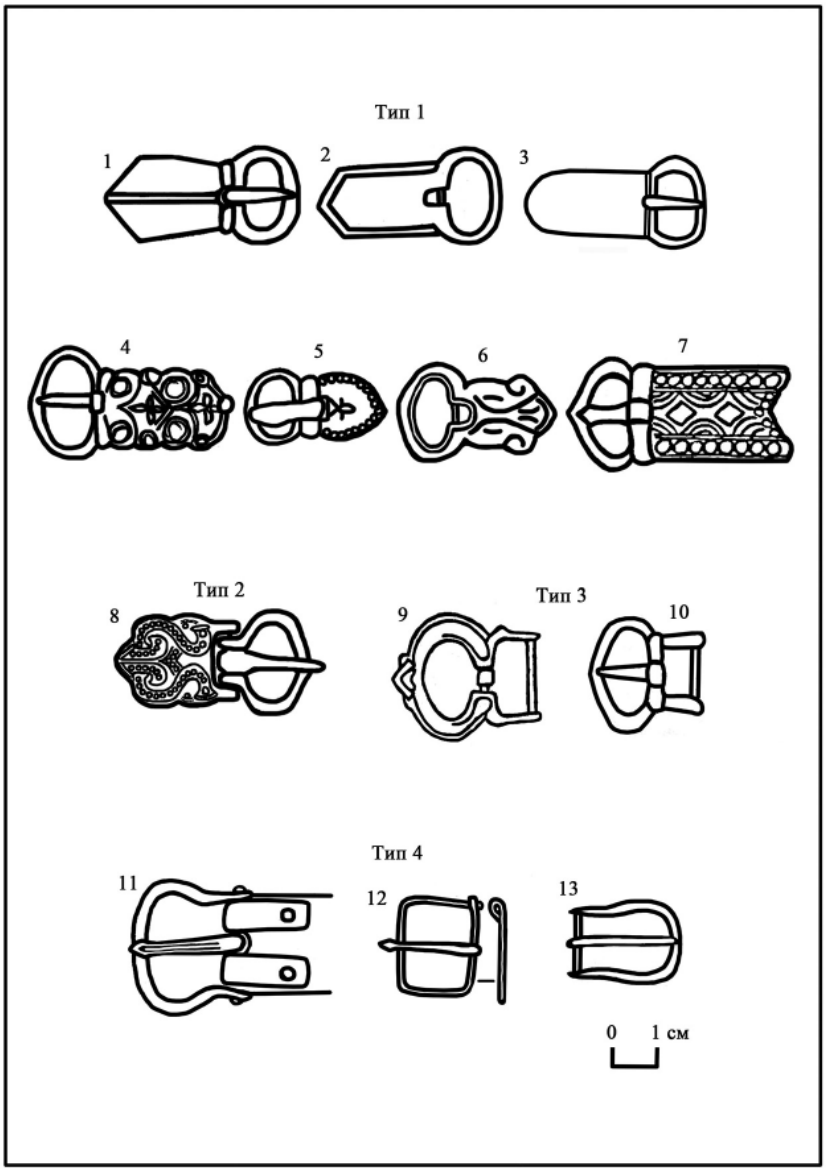

Рис. 15. Пряжки
1 – п. 11 могильника Нижняя Стрелка; 2 – п. 10 могильника Нижняя Стрелка; 3 – п. 32 могильника Кузинские Хутора; 4 – п. 20 Веселовского могильника; 5 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 6 – п. 12 могильника Нижняя Стрелка; 7 – п. 73 Дубовского могильника; 8 – п. 2 Веселовского могильника; 9 – п. 19 Дубовского могильника; 10 – п. 23 могильника Кузинские Хутора; 11 – п. 3 Веселовского могильника; 12 – п. 10 Веселовского могильника; 13 – п. 5 могильника Черемисское Кладбище

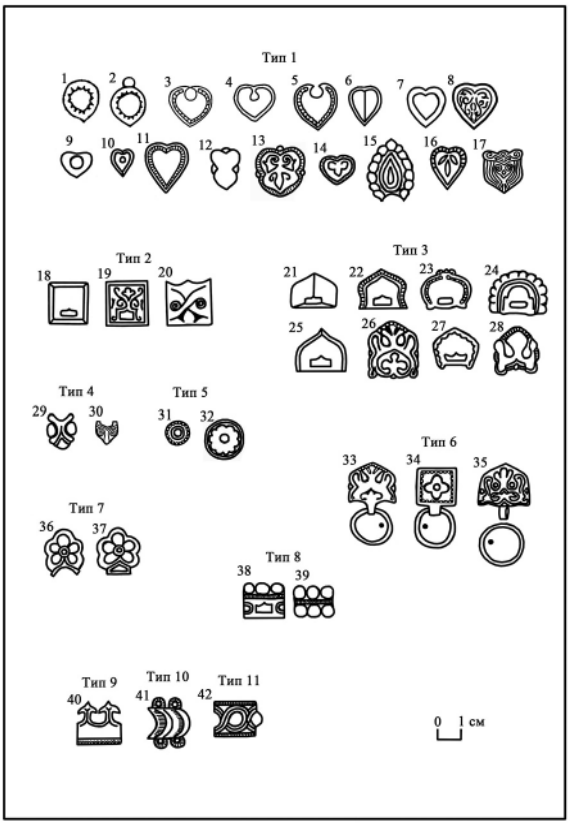

Рис. 16. Поясные накладки

1, 2 – п. 6 могильника Нижняя Стрелка; 3 – п. 11 могильника Нижняя Стрелка; 4 – п. 16 могильника Нижняя Стрелка; 5, 23 – п. 2 Дубовского могильника; 6, 21 – п. 66 Дубовского могильника; 7, 26 – п. 26 могильника Нижняя Стрелка; 8, 19 – п. 28 могильника Нижняя Стрелка; 9 – п. 32 могильника Кузинские Хутора; 10 – п. 5 Юмского могильника; 11, 22 – п. 4 Юмского могильника; 12 – п. 18 могильника Нижняя Стрелка; 13 – п. 36 Дубовского могильника; 14 – п. 14 Веселовского могильника; 15, 24 – п. 20 Веселовского могильника; 16 – п. 11 могильника Черемисское Кладбище; 17 – п. 53 Дубовского могильника; 20 – п. 19 Веселовского могильника; 25 – п. 5 Веселовского могильника; 26 – п. 29 могильника Нижняя Стрелка; 27 – п. 6 могильника Нижняя Стрелка; 28 – п. 8 Дубовского могильника; 29 – п. 59 Дубовского могильника; 30 – п. 6 могильника Черемисское Кладбище; 31 – п. 16 Веселовского могильника; 32 – п. 36 Дубовского могильника; 33 – п. 30 могильника Нижняя Стрелка; 34 – из материалов раскопок 1929 г. Веселовского могильника; 35 – п. 58 Дубовского могильника; 36, 37 – жк. 13 могильника Нижняя Стрелка; 38, 39 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 40 – п. 2 Веселовского могильника; 41 – жк. 6 могильника Нижняя Стрелка; 42 – жк. 7 могильника Нижняя Стрелка

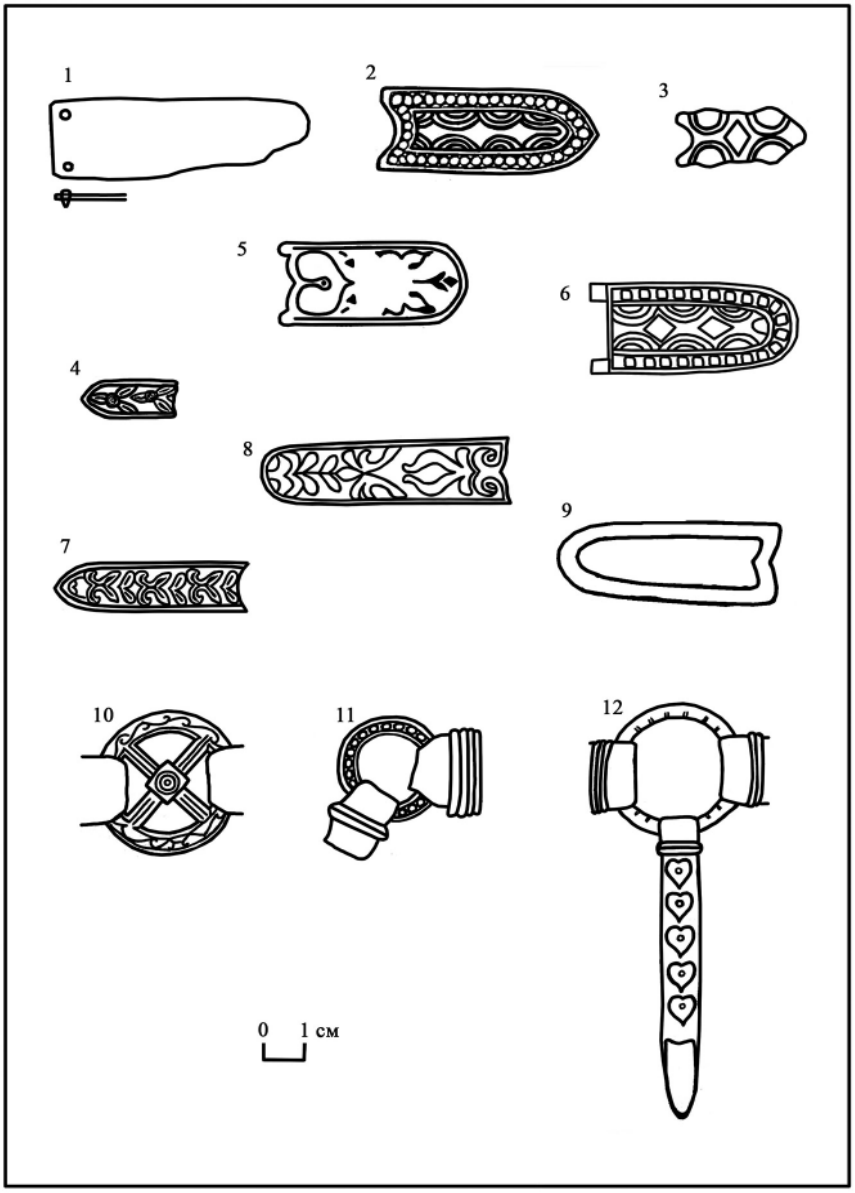

Рис. 17. Поясные наконечники и кольца
1 – п. 3 Веселовского могильника; 2 – п. 73 Дубовского могильника; 3 – п. 31 могильника Нижняя Стрелка; 4 – сборы на территории могильника Черемисское Кладбище; 5 – п. 2 Юмского могильника; 6 – жк. 4 Русенихинского могильника; 7 – п. 32 Дубовского могильника; 8 – п. 79 Дубовского могильника; 9 – п. 26 могильника Нижняя Стрелка; 10 – п. 26 Веселовского могильника; 11, 12 – п. 5 Юмского могильника

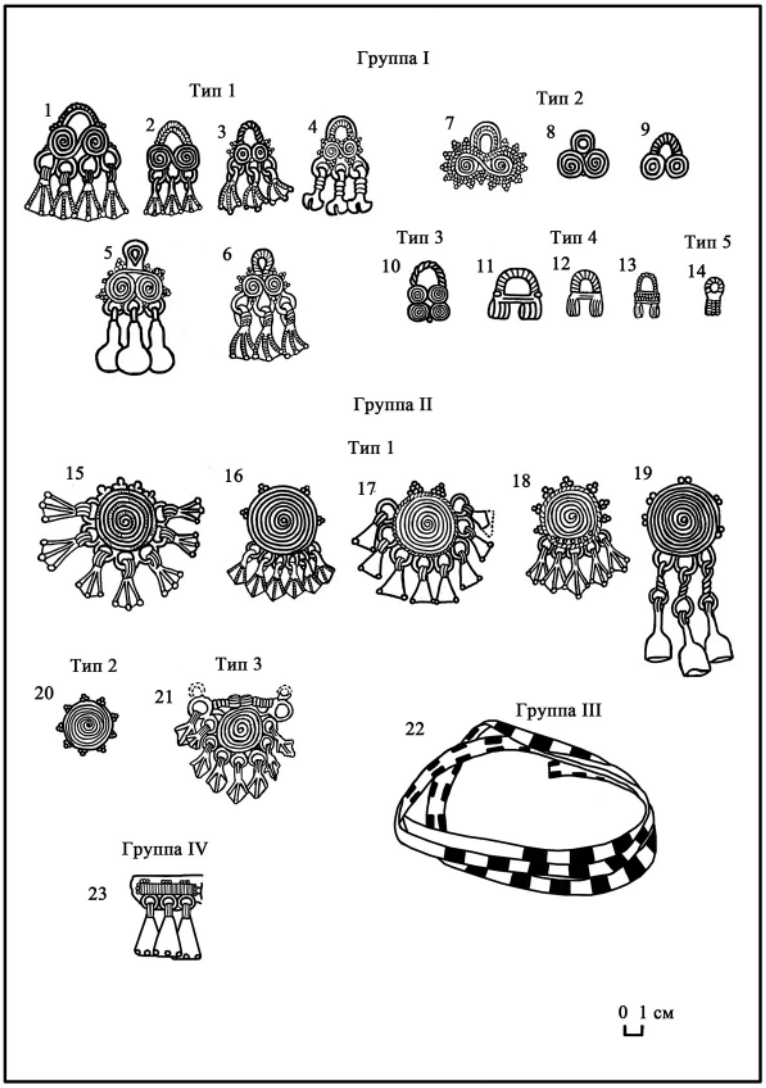

Рис. 18. Украшения обуви

1 – п. 12 Веселовского могильника; 2 – из материалов Юмского могильника 1891 г.; 3, 20 – п. 4 Юмского могильника; 4, 5 – из сборов на Юмском могильнике; 6 – п. 5 Юмского могильника; 7, 8 – п. 4 Дубовского могильника; 9, 11, 12 – п. 7 Юмского могильника; 10 – п. 80 Дубовского могильника; 13 – п. 5 могильника Черемисское Кладбище; 14 – из Лопьяльских находок; 15 – п. XI могильника Черемисское Кладбище; 16 – п. 27 Веселовского могильника; 17 – п. 1 могильника Черемисское Кладбище; 18 – п. 27 Веселовского могильника; 19 – п. 4 Веселовского могильника; 21 – п. 49 Дубовского могильника; 22 – п. 14 могильника Черемисское Кладбище; 23 – п. 19 могильника Нижняя Стрелка

А.В. Акилбаев

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ МАРИЙЦЕВ В IX–XI вв.
(по материалам украшений)

Труды Марийской археологической экспедиции. Том XII

Монография

ISBN 978-5-94950-142-9

Редактор, корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *А.В. Акилбаева*

12+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 4436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 12.01.2026. Формат 70x100/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,03. Печать офсетная.
Заказ № 28. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А